

детектив • фантастика • приключения

ИСКАТЕЛЬ

3/2019

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Оформить подписку на журнал «Искатель» с любого номера можно в почтовых отделениях по следующим каталогам:

- 1) каталог «Подписные издания» («Почта России», обложка синего цвета) — индекс П2017;
- 2) «Каталог Российской Прессы» (МАП) — индекс 10922;
- 3) каталог «Газеты. Журналы» (агентство «Роспечать», обложка красного цвета) — индекс 79029.

В следующем номере журнала читайте историческую детективную повесть Александра Цехановича «Русский Рокамболь». Приводим фрагмент из повести.

«— Нет, ты отвечай на вопрос мой прямо.

— Я бы обмана не простила тебе. Я бы убил! — Слышишь!..

— За что? За то ли, что я обманул тебя, или за то, что у меня нет титула?..

— Я уже тебе сказала, что за обман.

Андрюшка адски улыбнулся и вынул револьвер. — Этой улыбке сверкал весь ад его погибшей души со всеми человеческими муками.

Молча протянул он револьвер и твердо сказал.

— Исполни! Я не граф, я двойник его, о котором ты слышала.

Поблуднев как полотно, Елена молча взяла револьвер и с бешенством в глазах стала медленно поднимать его к поблудневшему лбу юноши...

Андрюшка глядел на нее сверкающим взглядом, но не боязнь, не страх смерти горел в нем, а восторг перед той, которая сейчас должна была отнять у него жизнь.

Если она убьет его, значит, она любит его безгранично. После выстрела в него раздастся другой выстрел, и все будет кончено.

Он не обращал внимания даже на движение дула револьвера. Он жил теперь полной жизнью, хотя и последние мгновения».

Книги издательства ООО «Искателькнига»

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА. Переплёт, формат 130х206 мм.

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издаётся с 1961 года
3/2019

Владимир
АНИН

3
ЖЕНЩИНА В ЧЁРНОМ
повесть

Павел
АМНУЭЛЬ

75
АЙЗЕК
повесть

Станислав
РОСОВЕЦКИЙ

171
**ПОХОЖДЕНИЯ
СКИФСКОГО СКЕЛЕТА**
рассказ

**(482)
2019**

Главный редактор Евгений КУЗЬМИН
Художник Андрей СИМАНЧУК
Адрес редакции 127015, Москва,
ул. Новодмитровская, 5а,
офис 608
Телефон редакции (495) 685-47-06
E-mail real@iskatel.net
office@iskatel.net
Сайт www.iskatel.net
**Телефон для размещения
рекламы** (495) 685-47-06
Служба распространения (495) 685-59-01
E-mail manager4@iskatel.net

Учредитель журнала
ООО «Издательство «МИР ИСКАТЕЛЯ»
Издатель ООО «Либри пэр бамбини»
© ООО «Либри пэр бамбини»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС77-53928
от 26 апреля 2013 г.

Распространяется во всех регионах России, на территории СНГ и в др. странах.

Подписка проводится с любого месяца

Подписные индексы:

по «Каталогу Российской Прессы» (кар-
точная система) 10922 — на полгода
по каталогу «Подписные издания» —
П2017 — на полгода

по каталогу
агентства «Газеты. Журналы»
(карточная система)
на полгода — 79029

ИСКАТЕЛЬ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Автор получает ответ только в случае,
если рукопись принята к публикации.

Владимир АНИН
ЖЕНЩИНА В ЧЁРНОМ

Иван Абрамович Фрайман снял очки и, положив их на полку возле одной из двух мраморных раковин, сунул руки под хромированный кран. Вода побежала автоматически. Иван Абрамович осторожно побрызгал ледяной водой на лицо, протер глаза и близоруко сощурился, вглядываясь в свое отражение в зеркале. В туалетной комнате кроме него никого не было, и Иван Абрамович, блаженно зажмурившись, позволил себе издать неприличный звук, заглушивший на мгновение доносившуюся издалека музыку.

Внезапно за спиной у него что-то скрипнуло. Фрайман обернулся и от удивления открыл рот: дверь одной из кабинок была открыта, а прямо перед ним стояла... женщина. Иван Абрамович покосился на торчащие из стены писсуары — нет, дверью он не ошибся. Фрайман попытался нащупать оставленные на полке очки и, не найдя их, растерянно уставился на расплывчатый силуэт в черном платье.

Женщина подошла к нему вплотную и приложила палец к губам. Затем небрежно хлопнула его по бедру и медленно вышла.

С минуту Иван Абрамович стоял как замороженный, таращась вслед таинственной незнакомке. Потом оглянулся и посмотрел на кабинку, из которой она вышла. Что-то подтолкнуло Ивана Абрамовича подойти и заглянуть внутрь. Но прежде он отыскал на полке очки. Нацепил их на нос и... обомлел. В кабинке, завалившись набок, с выпученными остекленевшими глазами и раскрытым ртом сидел на прикрытом крышкой унитаза босс Ивана Абрамовича, генеральный директор фармацевтической компании «Омар» Олег Игоревич Мардасов.

Екатерина Андреевна Романова возвращалась домой из булочной, где регулярно покупала бублики с маком, самые настоящие, правильные, туговатые на ощупь, которые, перед тем как запечь, окунают в кипяток, что придает тесту специфическую упругость. Дорога до булочной занимала около получаса, но Екатерина Андреевна намеренно не пользовалась общественным транспортом, ибо считала, что в ее семьдесят с небольшим пешие

— Ай, беда! Ай, беда! — запричитал Сархат, а Анзур согласно закивал. — Савсем плох! Ошен плох!

— Да кто плох?

— Нашалник плох.

— Начальник? Какой начальник? Гостиницы?

— Нет! — хором ответили Сархат и Анзур.

— Ничего не понимаю. Говорите уже толком! — начиная терять терпение, потребовала Екатерина Андреевна.

— Дурутой нашалник. Суда хадил, многа щелавек брал, кушал, водка пил, тувалет хадил и...

— И что?

— Бисмилля-рахман-рахим, — сказал Сархат, демонстративно скрестив руки на груди и закрыв глаза.

При этом он выпустил метлу, и она шлепнулась на землю, едва не задев Екатерину Андреевну.

— Понятно, — пробормотала Романова и без дальнейших распросов устремилась внутрь «Славянки».

В холле гостиницы было шумно. Возле входа в банкетный зал толпились люди: мужчины в костюмах, женщины в длинных платьях темных тонов.

«Вечеринка», — подумала Екатерина Андреевна и огляделась.

Мимо проходил знакомый сержант полиции и приветливо кивнул любопытной пенсионерке. Она ответила ему обворожительной улыбкой и поманила к себе.

— Нет, пока ничего не знаю, — ответил он на вопрос Екатерины Андреевны. — Разбираются.

— Завадский?

— Завадский и ваш.

— Ну да, куда же они один без другого!

— Только вы тут лучше не ходите, — предостерег сержант. — Завадский с самого утра злой как собака.

— Хм, похоже, у него каждое утро начинается одинаково.

Екатерина Андреевна поблагодарила сержанта и подошла к стойке администратора, над которой, как это теперь заведено во всех гостиницах, красовалась иноземная надпись «Reception». За стойкой никого не было, однако, перегнувшись, Екатерина Андреевна увидела, изогнутую спину в малиновой униформе.

— Здравствуйте! — поздоровалась Романова.

Спина вздрогнула и замерла, а через мгновение резко распрямилась, явив перепуганное, напоминающее цветом униформу, круглое милое личико, обрамленное копной золотистых кудряшек.

— Здравствуйте, — осипшим голосом произнесла девушка с бейджиком «стажер» на груди.

— У вас здесь что-то произошло? — словно бы между делом поинтересовалась Екатерина Андреевна.

— Я... не знаю.

— Полиция, «скорая»...

— Да, наверное. Только я ничего не видела.

— А кто-нибудь из ваших коллег видел? — продолжала допытываться Романова.

В ответ девушка лишь пожала плечами и, извинившись, снова полезла под стойку.

Поняв, что здесь ничего не добиться, Екатерина Андреевна направилась к толпящейся у входа в банкетный зал публике. Стараясь не привлекать внимания, она сперва прошла мимо, потом вернулась и пристроилась возле пары очень уж молодящихся дам в совершенно, на взгляд Екатерины Андреевны, не подходящих их возрасту платьях с откровенным декольте и с броским макияжем, словно у молодых кокоток. Одна дама была весьма в теле, но ее полноту компенсировал роскошный бюст, отвлекающий взгляд от прочих недостатков фигуры. Другая, напротив, была худа и высока как каланча, бюст отсутствовал напрочь, на обнаженном декольте резко выделялись острые ключицы. Но эта дама обладала пышной каштановой гривой, что тоже являлось своего рода магнитом для мужских взоров, будто заслоняя собой все, что было в ней непривлекательного.

— Я вам точно говорю, — шепотом произнесла каланча.

— Подумать только! — воскликнула толстуха, и бюст ее заколыхался, словно молочный пудинг.

— Я тоже сперва не поверила.

— И давно это у них?

— Давно. Говорят, она чуть не каждый день к нему в кабинет бегала.

— А что муж? Как же он терпел?

— Фрайман? Я вас умоляю! Что может этот хлюпик против Мардасова? Где он, и где Мардасов.

— Но, выходит, все-таки не выдержал, раз убил.

— Наверно, допекло. Сколько ж можно терпеть, как твой начальник с твоей женой...

— Так она же уволилась.

— Ну, уволилась. Может, они и вне работы...

— Простите, пожалуйста, — неожиданно встряла в разговор Екатерина Андреевна, — а вы уверены, что это правда?

— Ну конечно! — обернувшись, воскликнула каланча. — Вся фирма об этом знает... А вы из какого отдела?

— Я из протокольного, — заговорщическим тоном сообщила Романова.

— У нас есть такой отдел? — удивленно спросила каланча пухлую обладательницу роскошного бюста.

— Ну, раз говорят, значит, есть, — ответила та.

— Да уж! — произнесла Екатерина Андреевна, отходя от парочки сплетниц.

— А вы куда? — спросила рыжая. — Просили же не расходиться.

— Да я на минутку. Мне надо.

— Так туда же все равно не пускают.

— А я в запасной.

— Тут что, есть запасной? — вновь обратилась с вопросом к пухлой собеседнице каланча.

— Ну, раз говорят, значит, есть, — пожав плечами, ответила та.

Капитан Завадский расхаживал по кабинету управляющего гостиницей, засунув руки в карманы слегка помятого серого в крапинку пиджака и глядя себе под ноги, а точнее, на носок одного из своих ботинок. Обувь была начищена до безупречного блеска, и лишь на носке этого самого ботинка предательски выделялась серая полоска — тоненькая и, скорее всего, постороннему взору не заметная, но взгляд Завадского, единожды уцепившись за этот дефект, причиной которому стал не вовремя попавшийся на дороге камень, о который он споткнулся, больше уже не мог от него оторваться.

За столом управляющего сидел помощник Завадского, или, как он сам предпочитал себя называть, — напарник, совсем еще молодой лейтенант Чайкин. Взъерошенный, одетый в бежевую водолазку с толстым воротом, он больше походил на студента, чем на полицейского. Напротив него, сгорбившись, приютился на краешке стула бледный и растерянный Иван Абрамович Фрайман.

— Итак, Иван Абрамович, — деловито произнес Чайкин, — вы утверждаете, что в туалете, помимо вас, была какая-то блондетка?

— Именно.

— В черном платье?

— Да, в черном.

— А вам это не кажется странным?

— Категорически кажется. Я же говорю вам, я просто обомлел.

— И что, по-вашему, могла делать женщина в мужском туалете?

— Я не знаю.

— Женщина! В черном! — усмехнувшись, произнес Завадский. — А может, у нее еще коса была?

— Нет, косы не было, — не поняв сарказма, ответил Иван Абрамович. — У нее короткая стрижка была, где-то вот так. — Он показал рукой на уровне плеч.

Завадский, не выдержав, сел на корточки и потер пальцем царапину на ботинке. Царапина стала бледнее, но не исчезла. Стук в дверь отвлек его от мрачных мыслей о безвозвратно испорченном ботинке.

Он встал и посмотрел на Чайкина:

— Кого там еще несет?

— Я не знаю, — сказал Чайкин. — Может, что-то нашли?

— Ну, скажи, чтобы вошли, — велел Завадский, как будто сам не мог этого сказать.

— Войдите! — крикнул Чайкин.

Дверь кабинета распахнулась.

— О, нет! — воскликнул Завадский и даже прикрыл рукой глаза.

На пороге, сияя своей неотразимой белоснежной улыбкой, стояла Екатерина Андреевна Романова.

— Тетя Катя? — растерянno пробормотал Чайкин.

— Какого черта? — рявкнул Завадский. — Чайкин, это ты ей сообщил?

— Нет, я просто проходила мимо, — сказала Екатерина Андреевна.

— Вот и шли бы дальше. Что вам здесь надо?

— Послушайте! — звонко, хотя и дрожащим голосом воскликнул Фрайман, даже слегка привстав. — Как вы позволяете себе разговаривать с женщиной?

— С женщиной? — Завадский чуть не поперхнулся. — Вы это называете женщиной? Это что угодно: палка в колесе, ячмень на глазу, типун на языке, заноза в пятке... но только не женщина. И вообще, какого черта вы вмешиваетесь? — огрызнулся он на вновь поспешно севшего на стул Фраймана.

— Вы еще забыли про геморрой, Завадский, — не переставая улыбаться, произнесла Романова. — А теперь потрудитесь перекрыть поток своих извечных мерзостей в мой адрес и извольте выслушать крайне важную информацию.

— Говорите, — с трудом сдерживая рвущуюся наружу ярость, ответил Завадский.

— Это конфиденциально! — кивая на Фраймана, сказала Екатерина Андреевна и отступила за дверь.

Бормоча шепотом какие-то, вероятнее всего, очень нецензурные выражения, Завадский вышел за ней из кабинета.

— А я? — крикнул Чайкин и, вскочив из-за стола, выбежал следом.

— Ты почему подозреваемого оставил? — сердито спросил Завадский.

— Да куда он денется!

— А если в окно вылезет?

— Так ведь там решетки...

— Вы препираться будете или меня слушать? — напомнила о себе Екатерина Андреевна.

Завадский и Чайкин синхронно повернулись к ней. Во взгляде Чайкина сквозило жгучее любопытство. Завадский же свою заинтересованность умело скрывал, но Екатерина Андреевна знала его уже не первый год.

— Я так понимаю, что это и есть тот самый Фрайман? — понизив голос, произнесла Екатерина Андреевна и, не дождавшись ответа, продолжила: — Так вот, имеются сведения, полученные из достоверных источников.

— Из каких? — нетерпеливо перебил Чайкин.

— От коллег по работе этого бедолаги. Согласно этим сведениям, жена Фраймана была любовницей Мардасова.

Завадский бросил взгляд на Чайкина:

— Ты же опрашивал свидетелей. Почему я об этом узнаю не от тебя?

— Ну... — Чайкин замялся. — Я не... Никто ничего подобного не говорил. Может... Наверное...

— «Может», «наверное», — передразнил Завадский и снова обратил свой взор на Романову.

— Вы, Александр Александрович, зря так на Андриюшу, он же еще молодой мальчик.

— Он не мальчик, он сотрудник полиции. Или прикажете мне вас взять к себе в отдел вместо него?

— Я с вами работать ни за какие коврижки не стану, Завадский. Вы хам и грубиян, к тому же лишенный чувства такта и терпения.

— Зачем же вы тогда сюда заявились?

— Из чувства долга, — не моргнув глазом, ответила Екатерина Андреевна. — Узнала важную информацию и поспешила сообщить. В первую очередь Андрею, между прочим. То есть лейтенанту Чайкину, а не вам, Завадский, заметьте. Поскольку вы, ко всему прочему, еще напрочь лишены благородства. Итак, — продолжила она, теперь демонстративно повернувшись к внучатому племяннику, чем заставила Завадского заскрежетать зубами, — по всей видимости, Мардасов каким-то образом принудил жену Фраймана к интимной близости, об этом вся фирма знала и активно обсуждала в кулуарах. Так что, как видишь, у Фраймана, если он настоящий мужчина, был весьма откровенный мотив

убить опозорившего его жену начальника. Хотя внешне он совсем не похож на душегуба.

— Это все? — сурово спросил Завадский.

— Пока да.

— Попрошу вас этим и ограничиться и больше не вмешиваться в расследование.

— Благодарный человек расценил бы это как помощь, а не как вмешательство. Но я не осуждаю вас. Как сказал Хосе Балу: «Благодарность — это прекрасный цветок, растущий из глубины души». А поскольку у вас, Завадский, нет души, то и вырасти там ничего не может.

— Избавьте меня от ваших нотаций и дайте нам работать, — сквозь зубы процедил Завадский, затаскивая Чайкина обратно в кабинет и закрывая дверь.

Едва Екатерина Андреевна, хмыкнув и дернув плечиком, повернулась, чтобы зашагать прочь, дверь снова приоткрылась.

— Гм! И спасибо за информацию, — нехотя прохрипел Завадский и снова скрылся в кабинете.

Екатерина Андреевна улыбнулась своей фирменной улыбкой, делающей ее сразу на несколько лет моложе:

— «Признательность — есть бремя, а всякое бремя для того и создано, чтобы его сбросить»¹.

Фрайман испуганно посмотрел на вернувшихся в кабинет полицейских, выражение лиц которых не сулило ничего хорошего. Чайкин снова сел за стол и раскрыл блокнот. Завадский опять принялся мерить комнату шагами, о чем-то напряженно размышляя.

Проходя мимо замершего в ожидании Фраймана, он резко остановился и устремил на подозреваемого буравящий взгляд колючих серых глаз:

— А может, не было никакой брюнетки?

— Да как же не было! — воскликнул Фрайман. — Я совершенно категорически видел ее, — он повернулся к Чайкину, — вот прямо как вас.

— При этом ни лица ее, ни чего бы то ни было вы не разглядели? — уточнил Чайкин.

— Да господи ж ты, боже мой! Я же объяснил вам: я был в это время без очков.

— Очень удобно! — хмыкнув, буркнул Завадский, продолжая расхаживать по кабинету. — Ничего не видел, ничего не знаю.

— Да, а у нас налицо труп, — поддакнул Чайкин.

¹ Цитата из повести Дени Дидро «Племянник Рамо».

— Саныч! — В комнату заглянул криминалист, невысокого роста коренастый небритый мужчина с чемоданчиком в руке. — Я закончил.

— Ну и? — поинтересовался Завадский.

— Пока ничего определенного сказать не могу, но на шее у покойного обнаружено маленькое пятно, похоже на след от укола.

— Ты хочешь сказать, что его могли... — Завадский жестом изобразил, как втыкает себе в шею шприц.

— На себе не показывай, — сказал криминалист. — Ну, в общем, такая вероятность существует. Посмотрим, что скажет патологоанатом. Ладно, бывайте.

— Любопытно, — произнес Завадский. — И чем же вы его укололи? — Он резко повернулся к Фрайману и, нагнувшись, пристально посмотрел ему в глаза.

— Я категорически возражаю против таких инсинуаций! — возмущенно взвизгнул Фрайман и попытался встать.

Но Завадский схватил его за плечо и усадил на место.

— Сан Саныч, а может... — попытался вставить Чайкин.

— Не может! — резко ответил капитан и вновь пристально посмотрел Фрайману в глаза. — Вы же главный бухгалтер, так? — Он снова стал ходить по комнате.

— Так. Но какое это имеет отношение...

— Значит, у вас мог быть... м-м-м... материальный интерес.

— Позвольте, вы на что намекаете?

— Ну это уж вам виднее. Может, вы решили прибрать к рукам компанию Мардасова...

— Но... — Фрайман еще больше побледнел, а на лбу у него выступили капельки пота.

— Или что-то с бухгалтерией нахимичили, а он вас на этом поймал. В любом случае, смерть Мардасова вам на руку.

— Я протестую! — воскликнул Фрайман, вскакивая.

Сунув руку в боковой карман пиджака, он выдернул носовой платок и судорожным движением отер лоб. При этом что-то тихонько стукнуло об пол. Фрайман наклонился и хотел было поднять выпавший из кармана предмет.

— Стоять! — рявкнул Завадский и, подскочив, оттолкнул Фраймана. — Чайкин!

— Я.

— Пакет.

— Какой пакет?

— Какой-нибудь.

— У меня нет пакета.

— Бумагу.

— У меня нет...

— Из блокнота вырви.

— Хорошо.

Чайкин с грустью посмотрел на свой новенький блокнот.

— А это пойдет? — спросил он, схватив лист бумаги со стола управляющего гостиницей.

— Пойдет. Давай!

— Тут, правда, счет какой-то.

— Ничего, новый напечатают, — сказал Завадский.

— А что там? — спросил Чайкин, перегибаясь через стол.

Завадский бумагой аккуратно поднял с пола и с торжествующим видом продемонстрировал тонкий шприц.

— А? — Он обернулся к стоявшему в двух шагах Фрайману.

— Это не мое!

— Не твое, говоришь?

— Не смейте мне «тыкать»!

— Ах вот мы как заговорили! Ну, я шас тебе так «выкну», мало не покажется, душегуб!

— Я не... я не...

— Чайкин, зови наряд, и в отдел его. Будем оформлять.

— Как-то не очень он на убийцу похож, — задумчиво произнес Чайкин, когда они с Завадским выходили из отдела, чтобы отправиться домой к Мардасову и сообщить печальную весть жене бизнесмена.

— Похож — не похож, много ты понимаешь, Чайкин, — ответил Завадский. — А между прочим, должен уже — не первый год погоны носишь. Или тебе напомнить, как зачастую выглядят настоящие преступники? Добропорядочные граждане, милые девушки, любящие родственники, лучшие друзья... Продолжать?

— Нет, я помню.

— Ну а раз помнишь, зачем снова эту песню заводишь? Тоже мне, гуманист выискался!

— А если...

— Если гражданин Фрайман окажется невиновным, мы с радостью выпустим его на свободу. А пока пускай посидит и подумает, каким образом он в эту историю вляпался. Но для меня и так все очевидно. Благодаря, кстати, твоей вездесущей тете, которая, между прочим, твою работу сделала. Что молчишь? Ну молчи, молчи.

До жилого квартала «Алые паруса» они с Чайкиным добирались на старенькой «Ладе» Завадского, который в кои-то веки приехал на работу на машине. Завадский всю дорогу ворчал и периодически

матерился, проклиная себя за дурацкую идею отправиться в путь на автомобиле. Пробка, в которой они застряли, отняла у них втрое больше времени, чем если бы они поехали на метро.

И все же с горем пополам по прошествии сорока минут они подъехали к роскошному кварталу, состоящему из нависших над рекой небоскребов. Неожиданно дорогу преградил шлагбаум. Завадский открыл окно и яростно вдавил пальцем кнопку переговорного устройства.

— Слушаю, — раздалось из динамика.

— Полиция, — крикнул гораздо громче, чем нужно, Завадский.

— А я министр обороны, — ответил динамик.

— Слушай, ты! — рявкнул побелевший от ярости капитан. — Я шас снесу к чертям этот твой шлагбаум, а потом еще и привлеку тебя за препятствие сотрудникам органов при исполнении.

— Документы предъявите.

— Куда я их тебе предъявлю?

— Прямо перед вами камера.

Завадский выдернул из кармана удостоверение и, вытянув руку, показал документ.

— Проезжайте.

Шлагбаум бесшумно поднялся, открывая проезд. Завадский в очередной раз матюгнулся и вдавил педаль газа до упора. Колеса автомобиля печально взвизгнули, прокрутившись на месте, и «Лада» влетела на территорию жилого комплекса, оставив на асфальте перед шлагбаумом две черные полосы от шин.

Чайкин сидел, молча вцепившись в ручку над головой, до тех пор, пока Завадский не затормозил у сверкающего в лучах заходящего солнца корпуса.

— Вы к кому? — строгим голосом поинтересовался бдительный охранник в черном костюме.

— К Мардасову, — ответил Завадский, едва сдерживая ярость на всех этих бесконечно любопытных привратников.

— Его нет дома.

— А то я не знаю! Мы к его жене, Ангелине Чеховой.

— По какому вопросу?

Чайкину показалось, что сейчас Завадский выхватит уже не удостоверение, чтобы помахать им перед носом у дотошного охранника, а пистолет из наплечной кобуры, и поспешил сам вытащить свою «ксиву».

— Полиция, — сказал он. — Спецоперация ФСБ.

Охранник, было приподнявшийся навстречу непрошеным гостям, снова сел на место.

— Спецоперация ФСБ? — переспросил Завадский в лифте.

— Ну да, — ответил Чайкин. — Для солидности.

— А при чем тут ФСБ?

Чайкин пожал плечами.

— М-да, — произнес Завадский. — Узнаю методы твоей те-тушки.

— Она мне двоюродная бабушка, — поправил Чайкин.

— Тем более. Ну да ладно, главное — сработало.

Мелодичный звонок сообщил, что они прибыли на нужный этаж, и двери бесшумно распахнулись.

Ангелина Аркадьевна Чехова оказалась высокой стройной брюнеткой средних лет, с красивым лицом и пронзительным взглядом больших серых глаз, никак не вязавшихся с ее восточной внешностью. При взгляде в эти глаза оба, и Завадский, и Чайкин, словно онемели.

Открыв дверь, Чехова несколько секунд изучала незваных гостей, затем, отступив в сторону, пригласила их войти.

— Здравствуйте, — наконец опомнившись, сказал Завадский. — Мы из полиции...

— Я догадалась. Обувь можете не снимать. Проходите.

Повернувшись к ним спиной, она направилась в комнату. Чайкин, который уже успел стянуть с себя один ботинок, попытался снова надеть его, но ботинок с завязанными шнурками никак не хотел налезать обратно, а возиться с ним было некогда, поэтому Чайкин так и поковылял с наполовину надетым ботинком вслед за благоразумно отрицающим всякую поспешность Завадским.

Они вошли в большую гостиную. Чехова уже расположилась в широком велюровом кресле, закинув ногу на ногу, отчего ее темно-синий, с восточным рисунком, шелковый халат слегка распахнулся, открывая взору тонкое колено и безупречную лодыжку цвета слоновой кости. Она кивком указала на такое же кресло напротив, куда сразу же и уселся Завадский, оставив Чайкина, словно пажа, стоять рядом.

— Ангелина Аркадьевна, — начал разговор Завадский, — мы должны сообщить вам, что...

— Что мой муж скончался?

— Да, а откуда вы...

— Неужели вы думаете, что в окружении моего супруга не нашлось доброжелателей, которые сразу же поспешили сообщить мне эту приятную новость.

— В каком смысле «приятную»? — икнув, спросил Чайкин.

Чехова не удостоила его ответом, лишь мельком взглянула на молодого оперативника.

— Значит, вы уже все знаете? — уточнил Завадский.

— Ну, по всей видимости, пока не все. Только то, что мой муж выбрал самое подходящее место, чтобы отбросить копыта, а в его убийстве обвиняют беднягу Фраймана.

При словах «отбросить копыта» Завадский и Чайкин переглянулись.

— А вы считаете, что Фрайман не мог? — спросил Завадский.

— Я вас умоляю! Вы же видели Ваню... Ивана Абрамовича.

— Ну, внешность бывает обманчивой.

— Я знаю его сто лет. Они с Мардасовым все жизнь работают вместе... работали. Фрайман даже комара убить не может — просто смахнет, если тот присосется. А уж если случайно прихлопнет, так прощенья просить будет. Нет! Не верю.

— М-м-м, позвольте еще один вопрос. Вы знали о связи вашего мужа с женой Фраймана?

— О какой еще связи?

— Об интимной, — вставил Чайкин, чем заслужил неодобрительный взгляд Завадского.

— Вы что, смеетесь? Мардасов и Леля?

— У нас имеются сведения... — не обращая внимания на протестующий жест Завадского, продолжил Чайкин.

— Небось от этих его работников? Абсурд! Поменьше верьте сплетням этих безмозглых куриц.

— Скажите, — попытался увести разговор в сторону Завадский, — а мог у вашего мужа быть конфликт с Фрайманом из-за разногласий по работе?

— И почему, говоря о муже, вы сказали: «отбросил копыта»? — зачем-то встрял Чайкин.

— Потому что козел! И вообще, по какому праву вы мне тут учиняете допрос, да еще в отсутствие моего адвоката? Я подам на вас жалобу в прокуратуру. — Чехова резко поднялась с кресла, лицо ее побагровело, глаза сузились и вспыхнули, казалось, еще мгновение — и из них вырвутся молнии. — Убирайтесь!

Завадский попытался так же резко встать, но кресло было слишком глубокое и мягкое, к тому же он поскользнулся на гладком паркете и неуклюже плюхнулся обратно. Снова попытался встать и снова едва не упал, но успел схватиться за рукав уже повернувшегося к выходу Чайкина.

— Сумасшедшая какая-то, — резюмировал Чайкин, едва за ними захлопнулась дверь.

— Ты какого хрена полез со своими дурацкими вопросами? — прошипел Завадский.

— Так я же хотел как лучше...

— «Как лучше»... Неужели не видел, как она напряглась, когда о жене Фраймана заговорили? Ее эта тема раздражает, надо было сразу закрыть ее.

— Я как-то не подумал.

— Очень плохо, что не подумал, — буркнул Завадский, нажимая на кнопку вызова лифта. — По твоей милости нас выставили, как... как не знаю кого. И чего мы в результате добились?

— Сумасшедшая какая-то, — повторил Чайкин.

— Ладно, надо будет потщательнее проработать эту сумасшедшую. Что-то не нравится мне она.

— И про мужа покойного как-то странно говорит.

Дзынь-дзынь! Двери лифта распахнулись, и они вошли внутрь. Дзынь-дзынь! Лифт резко пошел вниз, даже уши слегка заложило.

— Ну, это еще ничего не доказывает, — сказал Завадский. — Мало ли какие у нее были отношения с мужем-кобелем.

Мелодичный звонок сообщил, что они доехали до первого этажа, двери открылись.

— Козлом, — сказал Чайкин, выходя из лифта.

— Что?

— Она сказала, что он — козел.

— Блин, Чайкин! Ну какая разница! — раздраженно воскликнул Завадский, открывая скрипучую дверь «Лады». — Кобель, козел... Суть одна. Но в его отношения с женой Фраймана она не верит, говорит, что это нонсенс.

— Вы хотели сказать «абсурд»?

Чайкин сел в машину и слишком усердно хлопнул дверью, чем заставил Завадского скривиться, словно у него внезапно заболел зуб.

— Ну, абсурд... — Завадский запустил двигатель и направил автомобиль к выезду с территории жилого комплекса. — Ты что сегодня к словам придираешься, а? В тебе словно проснулась твоя неутомонная тетя.

— Двоюродная ба...

— Чайкин, заткнись!

Дальше они ехали молча, и, только когда уже подъезжали к отделу, Чайкин спросил:

— Но ведь если Чехова не верит, будто у Мардасова был роман с женой Фраймана, это не значит, что этого не было? К тому же он мог изменить ей с кем-то другим.

— Молодец! — с издевательской интонацией воскликнул Завадский. — Догадался.

Возле отдела он притормозил, не заезжая во двор, и приказал:

- Вылезай!
- А вы? — удивился Чайкин.
- Съезжу к Мардасову в офис.
- А мне что делать?
- Отчет пиши.
- Но, Сан Саныч...
- Вылезай, говорю.

Чайкин нехотя открыл дверь.

— А можно я все-таки с вами? — с надеждой спросил он.

— Нет, — отрезал Завадский. — Приеду — проверю отчет. И заодно загляни в архив: нет ли там чего на покойного Мардасова.

И Завадский снова рванул с места так, что колеса несколько раз прокрутились на месте, обдав Чайкина облаком серой пыли.

— «Отчет, отчет», — ворчал Чайкин, заходя в отдел и даже не отвечая на приветствие коллег.

Писать отчет — наискучнеешее дело, и все же Чайкину постоянно приходилось этим заниматься, ибо Завадский, сам в свое время исписавший тонны бумаги, считал это прерогативой молодых сотрудников. Старшим, таким как он сам, не пристало отвлекаться на подобные пустяки, пока по улицам города разгуливают бесчисленные преступные элементы, угрожающие порядку и спокойствию граждан. И все же бывали случаи, когда доблестному капитану Завадскому приходилось садиться за компьютер и настукивать ненавистные отчеты, если время поджимало и руководство уже метало молнии, а беспечный Чайкин никак не успевал управиться в одиночку.

Смекнув, что такое неприятное занятие, как написание проклятого отчета, может повременить, в особенности если в результате визита Завадского в офис жертвы вскроется еще что-нибудь, Чайкин решил не торопиться и первым делом связался с архивом, заранее зная, что затея эта пустая, но позволит, по крайней мере, немного потянуть время. К изумлению Чайкина, в архиве ему сообщили, что информация по интересующему его субъекту имеется. Обрадовавшись законной возможности отлынить от написания отчета, Чайкин помчался в архив.

Однако, к его разочарованию, ничего существенного ему там обнаружить не удалось. В архиве имелось дело об убийстве некоей Веры Столяровой, работавшей в службе эскорт-услуг, по которому Мардасов год назад проходил свидетелем.

Будучи не до конца уверенным, что такое «эскорт-услуги», Чайкин решил спросить у молодой и довольно симпатичной женщины-капитана, работавшей в архиве:

— Это проститутка, что ли?

Женщина-капитан посмотрела на него с укором:

— Эскорт-услуги — это эскорт-услуги.

— А-а, — протянул Чайкин.

Видя полное непонимание в его глазах, женщина-капитан уточнила:

— Их нанимают, чтобы сопровождать клиентов на всяких важных мероприятиях. Как свиту, для создания приятного впечатления.

— То есть они не это?

— Нет, не это. Хотя, конечно, всякое бывает, но это исключение из правил.

— Значит, Мардасов нанял ее в качестве эскорта и настоял на этом... исключении из правил? — спросил Чайкин.

— Там это написано? — капитанша кивнула на раскрытое дело, которое Чайкин держал в руках.

— Нет, — сказал Чайкин. — Но мог же, а?

— Лейтенант! Ты это меня спрашиваешь?

— Ну да.

— Я тебе что тут, справочное бюро? Поезжай на ту фирму, которая эскорт-услуги предоставляет, и сам спроси.

— Ага! — обрадованно согласился Чайкин. — Спасибо, так и сделаю.

— Давай-давай, если времени не жалко.

— А что, думаете, бесполезно?

В ответ капитанша только пожала плечами.

— Ну да, — пробормотал Чайкин, — «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».

— Чего?

— Ничего, это я так — рефлексирую.

— Знаешь что! Иди-ка ты в другом месте рефлексируй, извращенец! — рявкнула капитанша, отбирая у него дело.

Офис компании «Омар» располагался на двадцать первом этаже одной из высоток «Москва-сити». В приемной Завадского встретила скучающая секретарша и сразу сообщила, что никого из руководства нет, когда будут, она не в курсе, так что никакие заказы не принимаются.

— Приходите через неделю, — сказала она.

— А через неделю все будут на месте? — схибно поинтересовался Завадский.

Секретарша пожала плечами, на мгновение задумавшись.

— Не знаю, — наконец изрекла она. — Мне сказали всем так говорить.

— Но я не все, — сказал Завадский.

— А кто вы? — выпучив на него непонимающие глаза, спросила секретарша.

— Вас как зовут?

— Надежда Хомякова.

— Вот что, Надежда Хомякова, мне нужно задать вам несколько вопросов, — сказал Завадский и раскрыл у нее перед носом удостоверение.

— Это, типа, полиция, что ли?

— Типа того.

— Правда, что ли? Прикольно!

— Прикольно будет, когда вы мне ответите на вопросы.

— Спрашивайте, — с готовностью заявила секретарша.

— А мы можем поговорить в более укромном месте?

— В смысле? — вскинулась Надежда Хомякова, распахнув свои огромные глаза с длиннющими наращенными ресницами, видимо, услышав в его вопросе что-то непристойное.

— Ну, есть у вас тут какая-нибудь переговорная?

— Есть...

— Ну так...

— А как я уйду-то отсюда? Вдруг придет кто?

— Но вы же сами говорите: никого нет, никого не принимают.

— Ну да.

— Так напечатайте объявление и приклейте на входе, а дверь на замок закройте.

— А чо, можно так?

— Нужно, — усталым голосом произнес Завадский, а про себя подумал: «И за что только таких на работу берут?»

Тр-р-р-р!

Он вздрогнул от этого треска и заглянул за стойку посмотреть, что явилось причиной странного звука. Оказалось, секретарша просто печатала. Но с такой невероятной скоростью, что Завадский невольно залюбовался и сразу понял, за что ее взяли на работу.

— Готово! — радостно объявила Надежда Хомякова, снимая с принтера распечатанный лист. — А если кто из наших придет?

— Увидит объявление и уйдет.

— А если кто захочет выйти?

— Так у вас есть кто-то в офисе?

— Ну да, человек десять сегодня пришли.

— Вы же говорили, что нет никого.

— Так они и есть никто — компьютерщики, бухгалтеры да кто-то из отдела кадров. Они ж бизнесом-то не занимаются.

— Понятно, — выдохнул Завадский. — Тогда оставьте дверь открытой. У вас же тут камеры есть, авось никто не вломится и ничего не украдет.

Надежда Хомякова с доводами капитана Завадского согласилась, но сумочку все же прихватила с собой.

— Вы давно здесь работаете? — спросил Завадский, когда они расположились в небольшой, отделанной деревом переговорной комнате.

— Давно, — ответила Надежда. — Два месяца уже.

— Два месяца? — переспросил Завадский.

— Ну да.

— А до вас кто работал?

— Ой, я не знаю.

— Как так?

— Да я ее не видела. Я когда пришла, тут никого не было. То ли уволили ее, то ли сама ушла. Я толком не знаю.

— А как ее звали, помните?

— А оно мне надо? Хватит того, что я всех, кто тут работает, знаю, по именам и фамилиям помню. И по отчествам тоже. И еще всякое такое. А дни рождения у меня в календаре записаны.

— То есть вы все про всех знаете?

— А то!

— Значит, вы всегда в курсе, если у кого-то случается адюльтер?

— В смысле? — Она снова распахнула глаза так, что они стали вдвое больше.

— Ну, типа, у кого с кем какие отношения.

— Вы про Мардасова и Фрайман, что ли?

«Умничка!» — подумал Завадский, но, прикинувшись дурачком, в тон Надежде Хомяковой спросил:

— А что с ними?

— Ну как же! — воскликнула секретарша. — Об этом весь офис знает. — Она на мгновение задумалась, уставившись на Завадского. — Ах, ну да! Вы же у нас не... В общем, Олег Игоревич и Фрайман... ну, не он, конечно, а она, его жена, как ее... Ольга, кажется. Она у нас в бухгалтерии работала... Он, кстати, тоже бухгалтер, муж ее, только главный. И сейчас еще, пока не... Короче, Олег Игоревич стал к ней это самое, а она сначала ничего, а потом, говорят, ой-ей-ей. Тут все, конечно, узнали, ну и ей пришлось того...

— Простите, чего «того»? — перебил ее Завадский.

— Ну, уволиться.

— А, понятно. Значит, она, Фрайман то есть, тоже здесь работала?

— Ну я так и говорю!

— А потом из-за этой истории с Мардасовым, стало быть, уволилась?

— Ага! Говорят даже, что она была того.

Завадский поморщился, пытаясь понять, что на этот раз в устах Надежды Хомяковой означает «того». Увидев на его лице явное замешательство, она воскликнула, как само собой разумеющееся:

— Ну, залетела, типа! Хотя она вроде старая уже для этого, ей, кажись, уже за сорок.

— А на самом деле?

— Ну, я-то откуда знаю, сколько ей на самом деле.

— Я не про возраст, я про беременность.

— А, ну... откуда ж я знаю. Может, аборт сделала, а может... набрехали все. Я вообще не понимаю, что Олег Игоревич в ней нашел...

— А может, и всю эту историю про их роман тоже выдумали?

— Ну да, шас! «Выдумали». Я сама слышала, как Олег Игоревич рассказывал Шурыгину, что он с Фрайман мутит.

— Шурыгин — это кто?

— Начальник юротдела.

— Любопытно. И что же конкретно Мардасов ему рассказывал?

— Да все! И как он с ней так, и как эдак. И как она ему, типа, это, а он, говорит, все твоему мужу расскажу. Ну и вот!

— И вы при этом разговоре присутствовали?

— Конечно! Я ж секретарь. Ну, в смысле, у него дверь в кабинет была открыта, а я там тогда сидела, рядом с кабинетом. И вот!

— М-да. А кто-нибудь еще этот разговор слышал? Кроме вас?

— Нет, только я.

— Значит, это вы потом всем рассказали?

— Ничего я не рассказывала. Только Маринке, и то под большим секретом, конфиденциально.

— Хм, оговорочка по Фрейду, — пробормотал Завадский.

— Чего? — не поняла Надежда Хомякова.

— Вы хотели сказать — конфиденциально?

— Ну, я так и сказала.

— И в тот же день весь офис стал обсуждать отношения вашего генерального директора с женой главного бухгалтера.

— Нет, почему в тот же? Только на следующий.

— Ясно. Ну что ж, Надежда Хомякова, спасибо, вы мне очень помогли.

— Правда?

Секретарша слегка зарделась и потупила взор.

— Теть Кать, я здесь!

Сидевший за столиком летнего кафе Чайкин помахал рукой. Екатерина Андреевна пересекла пустую террасу и недоверчиво посмотрела на пластиковый стул, на котором сидел Чайкин.

— Ты тут себе ничего не отморозишь?

— В каком смысле?

— Холодно же! Чай не лето.

— Да нет, нормально, — ответил Чайкин, но на всякий случай застегнул ветровку.

Сама Екатерина Андреевна была в плаще и косынке, но перспектива сидеть на открытой террасе, подставив осеннему ветру стариковские косточки, как-то не очень радовала, и она предложила перебраться внутрь. Чайкин немного покочевряжился, упоывая на то, что не хочется упускать последние солнечные деньки, но все же с доводами двоюродной бабушки согласился, и они перешли в теплый, пахнувший свежим кофе зал.

— Как продвигается наше расследование? — первым делом поинтересовалась Екатерина Андреевна.

— Да... — Чайкин махнул рукой.

— И все?

Чайкин обреченно вздохнул.

— Андрей? — продолжала допытываться Романова.

— Ну, не понятно пока ничего, теть Кать.

— А ты поделись! Глядишь, вместе и разберемся, что к чему.

— Не в чем пока разбираться. Все, что мы имеем, так это то, что у покойного Мардасова на шее был след от укола...

— Вот! А говоришь — ничего. Ну-ну, дальше.

— А у Фраймана в кармане обнаружился шприц.

— Ага! — воскликнула Екатерина Андреевна. — Укол от этого шприца? Что за шприц? С чем?

— Я пока не знаю, теть Кать. Заключение еще нет.

— Как так, нет? Чего же они тянут?

— Ну это же процесс небыстрый.

— Значит, что было в шприце, неизвестно? А как сам шприц выглядел?

— Маленький такой, тоненький, как карандаш.

— Инсулиновый?

— Да, вроде.

— Вроде или точно?

— Точно. Криминалист так и сказал.

— А может, у Фраймана диабет?

— У него всякие другие болячки, жена принесла лекарства. Но диабета нет.

- Зачем же ему тогда инсулиновый шприц?
- Он говорит, что это не его.
- Может, и правда не его. Ладно, оставим это пока. Дождемся результатов экспертизы. А что говорит жена Мардасова? Вы же навещали ее?
- Навещали.
- Та-ак! — Екатерина Андреевна, сузив глаза, пристально посмотрела на внучатого племянника. — О чем еще ты забыл мне рассказать?
- Теть Кать, ну... — Чайкин покраснел до кончиков ушей и уставился на пустую чашку.
- Выкладывай! — медленно, тихо, но грозно, словно прокурор, уличивший преступника во лжи, проговорила Романова.
- Ездили мы к ней с Завадским. Она, конечно, Мардасова ругала, козлом называла. Но она не верит, что у него с женой Фраймана были отношения. Абсурд, говорит.
- Она может говорить что угодно. Особенно вам с Завадским. Но это отнюдь не значит, что она так считает. Неужели ты думаешь, женщина начнет делиться такими деликатными подробностями с посторонними мужчинами?
- Но мы не посторонние, мы — полицейские.
- Тем более. Поэтому я сама попробую ее разговорить.
- Может, не надо? — насторожился Чайкин. — Завадский узнает — греха не оберешься.
- А мы ему не скажем. Дай мне ее адрес.
- Нет, тетя Катя, не дам. Завадский меня убьет.
- Ох, Андрей, когда же ты станешь наконец самостоятельным?

В баре было немногочисленно — будний день, послеобеденное время. Ангелина Аркадьевна Чехова сидела за стойкой с каменным выражением на лице. На ней был черный брючный костюм, черная косынка на голове и круглые черные очки. Перед Чеховой на стойке стояли две пустые стопки, рядом на блюде — две лимонные корочки.

Екатерина Андреевна, вооружившись чашечкой кофе, уже четверть часа наблюдала за вдовой, похожей на героиню фильма «Матрица». Надо сказать, что Екатерина Андреевна не слишком жаловала современное кино, но бывали исключения, особенно если в фильме прослеживалась захватывающая интрига, сродни чему-то шпионскому. Вот как в «Матрице». Нет, конечно, это фантастика, но в реальной жизни так много фантастичного, и Екатерина Андреевна могла бы рассказать немало таких историй, но... не рассказывала. Может, когда-нибудь потом. Когда-нибудь...

Дождавшись, когда Чехова выпьет третью рюмку текилы, Екатерина Андреевна вышла из своего угла, где все это время так удачно скрывалась от глаз объекта своего наблюдения, и, подойдя к вдове, взобралась на соседний табурет. Ангелина Аркадьевна никак на это не отреагировала, продолжая сидеть, подперев голову левой рукой и глядя в пустоту.

— Добрый день! — откашлявшись, поздоровалась Екатерина Андреевна.

Чехова медленно повернула голову и посмотрела на нее так, словно Романова несет какую-то чушь.

— Хотя, конечно, что в нем доброго! С утра моросит дождь, ночью вообще обещают заморозки.

— Вы кто? — хриплым голосом спросила Чехова.

— Кто я? — переспросила Екатерина Андреевна, машинально разглядывая свое отражение в очках Ангелины Аркадьевны. — Друг.

— Я сегодня не подаю, — буркнула Чехова и знаком показала бармену, чтобы налил ей еще рюмку текилы.

— Какое совпадение! — наигранно воскликнула Екатерина Андреевна. — А я сегодня не беру. Напротив — сама раздаю.

Чехова снова повернула голову.

— Помощь, — уточнила Екатерина Андреевна.

— С чего вы взяли, что мне нужна помощь, тем более от вас?

— Всякому человеку в вашем положении нужна помощь.

— В каком таком положении?

— На вас траурный наряд. Вероятно, у вас кто-то умер? И я, прежде всего, хотела бы принести вам свои самые искренние соболезнования.

— К черту соболезнования! — неожиданно рявкнула Чехова. — О ком соболезновать? О моем муже-кобеле? Об этой сволочи первостатейной?

— О, простите великодушно! Я не знала, что у вас все так серьезно. Вы сидели одна и, очевидно, сильно горевали. Я просто хотела вас немного утешить, скрасить ваше одиночество. Горько смотреть, как страдает такая прекрасная молодая женщина. Что может быть лучше в такой ситуации, чем старая добрая женская солидарность? — Екатерина Андреевна смолкла и отвернулась, делая вид, что смахивает слезу.

— Бармен! — позвала Чехова и жестом показала, чтобы он налил текилы и Екатерине Андреевне.

Они молча выпили. Точнее, молча выпила Чехова, а Екатерина Андреевна сперва крикнула, потом громко икнула, и глаза ее наполнились уже настоящими слезами.

— Милая вы моя! — прошептала Чехова, сняла очки и, наклонившись, обняла одной рукой Екатерину Андреевну. — Как вас зовут?

Екатерина Андреевна представилась, Чехова назвала свое имя. И вскоре они уже без умолку болтали. Ангелину Аркадьевну словно прорвало — она прямо-таки выплескивала из себя все, что накопилось у нее за годы совместной жизни с «подлецом Мардасовым», без всякого сожаления говорила о его кончине и с явным пренебрежением и злобой о «бесцеремонных ментах». Больше всего она рассказывала о том, как муж изменял ей направо-налево, и сокрушалась, что Мардасова еще раньше не грохнул кто-нибудь из ревнивых мужей, чьих жен он соблазнил.

— И ведь было бы чем соблазнять! — возмущалась Ангелина Аркадьевна. — Он ведь как мужик — тьфу!

— Да что вы говорите!

— Я вам говорю. У него же...

Она что-то прошептала Романовой на ухо, и обе женщины, переглянувшись, одновременно прыснули.

— Так чем же он их брал? — поинтересовалась Екатерина Андреевна.

— Деньгами, конечно, — отозвалась Чехова. — Их у него тьма-тьмушая. Вы даже не представляете, сколько можно заработать на торговле лекарствами!.. Ну, а кого не мог взять деньгами — запугивал, он это умел.

— И как, получалось?

— А как же! Вы бы видели его рожу — такой любого напугает. — Чехова злобно рассмеялась. — Бармен! — позвала она. — Повторите.

— Я вообще-то предпочитаю шампанское, — осторожно заметила Екатерина Андреевна. — Ну да ладно, в такой обстановке оно не слишком уместно.

— Вот именно! — согласилась Ангелина Аркадьевна. — Какое еще к собакам шампанское!

— Они снова выпили.

— Да, — задумчиво произнесла Романова, — в вашем положении впору было задуматься о том, как избавиться от такого муженька.

— Вы не представляете, сколько раз я об этом думала.

— Что вы говорите!

— Я вам говорю. Раз десять на развод подавать собиралась.

— А почему же не подали?

— Боялась. Он, если бы узнал, убил бы сразу.

— Что вы говорите!

— Я вам говорю. Он же зверь!

— Да, со зверем, конечно, сложно, — задумчиво проговорила Екатерина Андреевна. — Если зверя нельзя приручить, его можно только убить.

— Вот именно!

— Стало быть, вы решили его...

— Это вы сейчас о чем? — Глаза Чеховой подозрительно сузились.

— Ну... — Екатерина Андреевна провела большим пальцем по горлу.

— Бармен! — позвала Чехова. — Еще по одной.

Залпом выпив, Ангелина Аркадьевна продолжила внезапно потерявшим дружелюбную окраску голосом:

— Что это вам такое пришло в голову, Екатерина Андреевна?

— Я просто полагала, — ответила Романова, тоже выпив и чувствуя, что мысли путаются, а язык начинает заплетаться, — если мужчина... так долго и сильно... за... до... доста... донимает свою жену... Уф! Она уже готова на всякое.

Чехова пристально посмотрела на нее.

— Журналистка, что ли? — с презрением в голосе спросила она и, не дождавшись ответа, продолжила: — Я так и знала. Ну, вот что, даже не пытайтесь строить иллюзий, будто это я пришила своего... котика. — Ангелина Аркадьевна достала из сумки пятитысячную купюру и бросила на стойку. — Сдачи не надо. Всего хорошего!

Бодро спрыгнув с табурета, словно это не она только что выпила полдюжины порций крепкой текилы, Чехова, не оглядываясь, вышла из бара. Чего не скажешь о Екатерине Андреевне, которая с трудом сползла на пол и полминуты стояла, держась за табурет. Уже совсем отказавшимся слушаться языком она с трудом бросила бармену:

— Дафиданя.

И медленно, очень осторожно, направилась к выходу.

Дверь в кабинет распахнулась с таким грохотом, что Завадский подпрыгнул на своем стуле. Секунду до этого он размышлял о том, что бы такого еще поручить Чайкину, дабы окончательно освободиться от дел и уединиться в любимой пивной перед большим плазменным телевизором, по которому через полчаса начнут показывать футбол. Тем, кто так бесцеремонно прервал размышления Завадского, оказался не кто иной, как Екатерина Андреевна Романова.

— Пардон! — сказала она, громко икнув.

— Вы? — взревел Завадский, медленно поднимаясь.

— Вы невероятно прозорливы, Завадский, — улыбнувшись, пропела Екатерина Андреевна и, впорхнув в кабинет, уселась напротив него.

— Какого...

— Прекратите выражаться в присутствии дамы, капитан! Вы же все-таки офицер... хоть и полицейский.

Завадский бросил взгляд на притихшего в углу Чайкина, старательно прячущего улыбку за монитором компьютера, над которым блестели лишь его смеющиеся глаза.

— Вы немедленно встанете и уйдете отсюда, Екатерина Андреевна, — сквозь зубы процедил Завадский.

— И не подумаю! Я никуда не уйду, пока вы меня не выслушаете.

— Вы забываетесь!

— Это вы забываетесь!

Завадский наклонился вперед и потянул носом.

— Да вы пьяны!

— Я? — На лице Екатерины Андреевны отразилось искреннее негодование. — Я трезва как стеклышко и свежа как... грибочек... помидорчик... огурчик!

— Меня не интересует, чем вы закусывали, тем более что вам это не помогло. Потрудитесь покинуть мой кабинет.

— Ваш кабинет?

— Да, мой кабинет.

— И с каких это пор он стал вашим?

— С тех пор, как я его занял.

— В таком случае... — Екатерина Андреевна медленно, не без усилий поднялась и пересела за стол к Чайкину. — В таком случае, я к тебе, Андрюша. Ты-то не выгонишь меня?

— Теть Катя, я... — тот опасливо покосился на побагровевшего от злости капитана, который вдруг обреченно махнул рукой. — Я слушаю тебя! — выпалил Чайкин, ободрившись.

Екатерина Андреевна торжествующе оглянулась на Завадского, но тот уже сидел на стуле, откинувшись на спинку, закинув руки за голову и закрыв глаза. Екатерина Андреевна показала ему язык и вернулась к своему внучатому племяннику.

— Так что ты там хотела рассказать? — сгорая от любопытства, напомнил Чайкин.

— У меня есть основания полагать, что жена покойного Мардасова могла быть замешана в его убийстве.

— Какие основания?

— Я только что в течение целого часа общалась с ней.

— Ты? С Чеховой? Где?

— В каком-то весьма посредственном баре.
— Но как ты нашла ее?
— Элементарно! Я за ней проследила.
— Ну ты даешь, тетя Катя! А что за бар?
— Дурацкое название — «Шримп-по-по». Это они так намекают, что у них к пиву подают креветки.

— Ты пила с ней пиво?

— Нет, что ты! Конечно, нет. И креветки я тоже заказывать там не решилась бы. Я пила кофе. Отвратительный, надо сказать. Не то что в нашем с тобой любимом кафе.

— Только кофе? — недоверчиво переспросил Чайкин и демонстративно шмыгнул носом.

— Да, — ответила Екатерина Андреевна. — Правда, потом, когда мы разговорились, Чехова предложила мне выпить текилы. Я не могла ей отказать. К тому же это было просто необходимо для продолжения беседы.

— И сколько...

— Я же тебе сказала — почти час.

— Нет, я хотел спросить: сколько текилы ты выпила?

— Какой бестактный вопрос, Андрей! Но если тебе так интересно... Я не помню.

— Ты — и текила. Никогда бы не подумал, — качая головой, сказал Чайкин.

— Ты полагаешь, я никогда не пробовала текилы? Да будет тебе известно, что я, когда была заброшена в Акапулько... м-м-м... с нашей мидовской делегацией, перепробовала сортов пятьдесят этого напитка: и белую, и желтую, и зеленую, и с травами, и с перцем, и с гусеницами, и... с чем только ее там не готовят. Я пила текилу литрами и, заметь, никогда не пьянела.

— Бьюсь об заклад, Чайкин, с этой стороны ты свою тетю еще не знал, — раздался позади голос Завадского, о существовании которого Романова, казалось, забыла.

— А вы помолчите, Завадский, — ответила Екатерина Андреевна, не оборачиваясь. — Я не с вами разговариваю. Так вот, по поводу Чеховой. Я выяснила, что у нее с Мардасовым уже давно были натянутые отношения. И это мягко сказано — она ненавидела своего мужа и желала ему смерти.

— Она так и сказала? — переспросил Чайкин.

— Именно! Она мечтала, говорит, чтобы «этот кобель сдох».

— Это еще ничего не доказывает, — снова подал голос Завадский.

На этот раз Екатерина Андреевна обернулась, но ничего не сказала.

— Муж постоянно изменял ей, и Чехова не могла ему этого простить, — продолжила она, вновь обращаясь к Чайкину. — Даже хотела развестись, но побоялась, что он ее убьет. Да-да, она так и сказала: убил бы. А когда открылась эта история с женой Фраймана...

— Но Чехова утверждает, что у них ничего не было, — заметил Чайкин.

— Ну еще бы! Заяви она обратное, сразу возникает повод для мотива. А так все выглядит, будто она белая и пушистая. Так вот, когда открылась эта история с женой Фраймана, терпение у Чеховой кончилось, и она...

— Неужто решила грохнуть своего муженька? — вновь напомнил о себе Завадский.

— Вы зря смеетесь, — обернувшись, сказала Екатерина Андреевна. — Все ее поведение говорит о том, что это более чем вероятно. Я, конечно, не берусь утверждать это со стопроцентной уверенностью, но... Как только я попыталась слегка намекнуть на ее гипотетическую причастность к гибели мужа, вы знаете, что она сказала? Она буквально преобразилась в лице и из кошечки превратилась в пантеру. Я думала, она на меня бросится и растерзает. Слава богу, обошлось.

— А жаль, — пробубнил под нос Завадский.

— Она приняла меня за журналистку и прозрачно намекнула, — продолжила Екатерина Андреевна, не услышав едкое замечание капитана, — чтобы я заткнулась и забыла про свои... на мой взгляд, весьма резонные подозрения.

— Господи! Да какие еще подозрения! — Завадский наконец не выдержал и, вскочив из-за стола, начал ходить по комнате.

— Но Фрайман говорил про какую-то брюнетку, — напомнил Чайкин.

— Вот именно! — воскликнула Екатерина Андреевна. — А какого цвета волосы у Чеховой?

— Черные, — растерянно пробормотал Чайкин.

— Тогда почему же Фрайман не узнал в лицо жену своего начальника? — спросил Завадский.

— Ну, он же говорил, что снял очки, — сказал Чайкин.

— И что? Даже если предположить, что он видит не дальше вытянутой руки, уж женщину, которую знает черт знает сколько лет, он не мог не узнать!

— Правильно, — улыбнувшись, подытожила Екатерина Андреевна. — Потому что Чехова и Фрайман были в сговоре.

— Что? — воскликнул Завадский. — В сговоре? Да ерунда! Где доказательства? Где хотя бы малейшее подтверждение такой вероятности? На чем может быть основан такой союз?

— На солидарности, — сказала Екатерина Андреевна. — Чехова хотела наказать мужа за измены и постоянные унижения, а Фрайман — за свою жену, которую Мардасов опорочил.

— Послушайте, прежде чем делать подобного рода предположения, давайте все-таки дождемся результатов экспертизы. Мы ведь даже не знаем, от чего умер Мардасов. Может, его смерть наступила от естественных причин.

— А как же укол в шею? — возразила Екатерина Андреевна.

Завадский осуждающе посмотрел на Чайкина, поспешившего спрятаться за монитором, и уже хотел что-то сказать, как дверь в кабинет распахнулась, и вошел криминалист.

Увидев Екатерину Андреевну, он подошел и галантно поклонился:

— Добрый день! Видел вас неоднократно в компании моих коллег, но не имел чести быть представленным. Фролов. Дмитрий.

— Учитесь, Завадский, — не без удовольствия произнесла Екатерина Андреевна, подавая руку криминалисту. — Екатерина Андреевна Романова.

— Фролов, тебе чего надо? — буркнул Завадский.

— Мне надо? — воскликнул тот. — Нет, вы только посмотрите на него. Я, по-вашему, для кого экспертизу делаю?

— По делу Мардасова? — спросил Чайкин.

— Именно! Сыщики хреновы! Между прочим, это вы должны ко мне за отчетом приходить. Я им тут, понимаешь, услугу оказываю, сам результаты приношу...

— Фролов, кончай бодягу разводить! Давай, что там у тебя? — оборвал его Завадский.

Криминалист протянул ему лист бумаги с напечатанным текстом.

— Подожди, я ничего не понимаю, — сказал Завадский, пробежав глазами отчет. — Инсулин — это же для диабетиков.

— Да, — ответил Фролов, усевшись на стул и закинув ногу на ногу. — В шприце, который вы изъяли у подозреваемого, найдены следы инсулина. А в крови жертвы обнаружен избыток инсулина, который вызвал гипогликемию, или, проще говоря, резкое падение содержания глюкозы.

— И что, от этого умирают? — недоверчиво спросил Завадский.

— Бывает. Это называется гипогликемическая кома. Если вовремя не оказать помощь, человек может... — Фролов сложил руки на груди крестом. — Но на беду у нашего покойника обнаружилась редкая и очень сильная аллергия на инсулин, и в результате — анафилактический шок. Укол был сделан в шею, ин-

сулин сразу попал в артерию, а оттуда в мозг. Шок усилил кому, кома усилила шок. Он умер почти мгновенно. Спасти его было практически невозможно. Только если бы рядом в ту минуту оказались опытные медики с набором необходимых препаратов. Короче, у Мардасова не было шансов... Ну, не слышу оваций, слов бесконечной благодарности. Хотя... от кого я этого жду? Ладно, Саныч, будут вопросы, заходи, — сказал Фролов, вставая. — И кстати, ты мне бутылку должен.

— За что это? — вскинулся Завадский.

— За оперативность, — улыбнувшись, ответил Фролов и вышел из кабинета.

— «За оперативность», — проворчал Завадский. — Ладно бы за два часа сделал — два дня возился!

— Сан Саныч, но у него же там завал, я сам видел, — вступился за криминалиста Чайкин.

— Завал? — взревел Завадский. — Так пусть лучше работает и не допускает завалов... А вы тут что еще делаете? — Он повернулся к Романовой, про которую на время забыл.

— А я уже ухожу, — ответила Екатерина Андреевна и, одарив его своей фирменной улыбкой, выпорхнула из кабинета.

— Я провожу, — сказал Чайкин и вышел следом.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь, — спросила его Екатерина Андреевна уже на улице.

— Не знаю, — признался Чайкин. — Ничего пока не понимаю.

— Вот и я не понимаю. Если бы Фрайман хотел убить Мардасова, выбрал бы какой-нибудь другой, более надежный способ — вколол бы ему яд или кислоту.

— Какая ты жестокая, тетя Катя! — съязвил Чайкин.

— Я не жестокая, я рациональная. Это же глупость — вкалывать человеку инсулин! Я очень сомневаюсь, что Фрайман настолько все просчитал, что даже изучил медицинскую карту Мардасова и узнал, что у того аллергия на инсулин.

— Ну, значит, случайность, — предположил Чайкин.

— Случайно шприц с инсулином может оказаться под рукой только у диабетика.

— М-да, резонно. Черт! Прямо ералаш какой-то!

— Андрей, сколько раз я тебя просила не чертыхаться, выбирай более подходящие слова для выражения своих эмоций.

— Тетя Катя, честно говоря, если я произнесу такое слово, у тебя уши в трубочку свернутся.

— И кого я воспитала! — со вздохом произнесла Екатерина Андреевна и зашагала прочь.

— Что же это получается? — задумчиво проговорил Чайкин, вернувшись в кабинет. — Если у Фраймана нет диабета, то откуда у него шприц с инсулином?

— Купил, — буркнул Завадский.

— А так разве можно? Без рецепта?

— Ну ты, Чайкин, даешь! Инсулин — это ж тебе не морфин или этот, как его... димедрол. Пошел да купил. А может, взял у кого-то из родственников или знакомых.

— Значит, нужно выяснить, не болеет ли кто из окружения Фраймана сахарным диабетом?

— Молодец! Правильно мыслишь. Вот ты этим и займешься.

— Понял. Вот только...

— Что еще?

— Меня один вопрос мучает.

— Ох, Чайкин, если бы ты знал, сколько вопросов мучают меня! А тебя только один.

— Нет, правда, Сан Саныч. Если Фрайман решил убить Мардасова, почему выбрал такой странный способ — укол инсулином? Почему не... яд какой-нибудь или кислоту, чтобы наверняка?

— Возможно, чтобы запутать следы... Я сам сижу и голову ломаю. Ведь получается, что Фрайман должен был знать, что у Мардасова будет такая реакция на инсулин, иначе все вообще теряет смысл. Но как он мог это узнать?

— Из медицинской карты?

— Сомневаюсь. Во-первых, вряд ли что-то подобное вообще могло быть в карте, а во-вторых, как бы он получил к ней доступ?

— Может, подкупил кого-нибудь? — предположил Чайкин.

— Может быть. Или получил информацию от того, кто это знал.

— От жены Мардасова! — воскликнул Чайкин.

— Да, — со вздохом произнес Завадский. — Тогда получается, что твоя тетя... права, будь она неладна. Фрайман был в сговоре с Чеховой.

— А теперь покрывает ее. Все сходится, Сан Саныч!

— Ну, не знаю. Ладно, оставим это пока как версию. А ты давай выясняй, откуда у Фраймана... или у Чеховой шприц с инсулином.

— Теть Кать, ты дома? — крикнул Чайкин, входя в квартиру, и, потянув носом, благодушно расплылся в улыбке. — Дома.

— Ты чего орешь? — спросила Екатерина Андреевна, выходя в прихожую с кухонным полотенцем в руке.

— Так, проверяю — дома ты или нет.

— А без крика проверить не мог?

— Да я еще до того, как ты вышла, тебя вычислил — по запаху бубликов.

— Мог бы и проще вычислить — по моим уличным туфлям на полу.

Чайкин опустил взгляд и уставился на тетины туфли.

— И по плащу на вешалке, — добавила Романова и вернулась на кухню.

Чайкин задумчиво посмотрел на плащ и тоже пошел на кухню.

— Обувь! — остановила его окриком Екатерина Андреевна.

— Ой, да!

Он вернулся в прихожую и скинул грязные ботинки.

— Как прошел день? — спросила Екатерина Андреевна, когда он вернулся.

— Так мы же три часа назад виделись.

— За три часа многое могло произойти.

Пропишала микроволновка, и Екатерина Андреевна вынула из нее тарелку с дымящимися бубликами. Чайкин едва не захлебнулся слюной и судорожно сглотнул, причем так громко, что Екатерина Андреевна с беспокойством взглянула на внучатого племянника.

— Все хорошо, Андрей?

— Да, — кивнув, ответил Чайкин. — Просто очень кушать хочется.

Екатерина Андреевна улыбнулась и вынула из холодильника брикет сливочного масла. Едва Чайкин, схватив нож, потянулся к брикету, Екатерина Андреевна хлопнула его по руке и погрозила пальцем. Пришлось ждать, пока она достанет из сушилки масленку и переложит в нее масло.

— Теперь можно? — обиженно надув губы, спросил Чайкин.

— Теперь можно, — ответила Екатерина Андреевна.

Чайкин отхватил ножом внушительный кусок масла и насадил его на надломленный, пышущий жаром бублик. Масло тут же стало уменьшаться в размерах, стекая янтарными струйками по краям бублика, но Чайкин не позволил ему растаять полностью и накинудся на бублик, как изголодавшийся пес на сахарную косточку.

— Не спеши — подавишься, — сказала Екатерина Андреевна, отламывая от бублика маленький кусочек и покрывая его тонким лепестком масла.

Ответить Чайкин ничего не мог и лишь покачал головой.

— Я так полагаю, что делиться со мной новостями ты не намерен?

— М-м, м-м! — ответил Чайкин, дожевывая бублик. — Ну почему же! Только нет новостей. Отрабатываем твою же версию о сговоре Фраймана и Чеховой.

— Да? — делая изумленный вид, переспросила Екатерина Андреевна. — Неужели Завадский изволил-таки прислушаться к голосу разума?

— Теть Кать, ну брось, он всегда к тебе прислушивается.

— Только умело это скрывает.

— Это он может... Кстати! Ну ты сегодня и набралась!

— Андрей, что за выражение?

— Я хотел сказать, как ты так умудрилась... Неужели правда вдвоем с Чеховой?

— А ты полагаешь, я напилась в одиночку? Нет, дорогой, до алкоголизма мне еще далеко. Но чтобы вывести Чехову на откровенный разговор, пришлось немного пожертвовать своей печенью.

— Ну, ты в следующий раз, если что, зови — я помогу.

— Вот еще! Ты своими делами занимайся.

— Да я и так занимаюсь. Сегодня мотался в клинику, где Чехова обслуживается.

— А говоришь, новостей нет. Ну и как, у нее диабет?

— Нет. А как ты...

— Элементарно! Раз у Фраймана с этим все в порядке, вы с Завадским наверняка решили проверить Чехову.

— Точно! Вот только ни у нее, ни у ее родственников и знакомых диабета нет.

— А как ты про знакомых успел узнать?

— Ну, не про всех, про ближайших. Элементарно! — произнес Чайкин в тон Екатерине Андреевне. — Сейчас все в компьютерных базах.

— Без санкций?

— Почему без санкции? Пятьсот рублей отдал.

— Молодец! Быстро учишься.

— Только результата никакого.

— Отрицательный результат — тоже результат.

— И что теперь делать?

— А теперь будем заходить с другой стороны. Завтра навещу жену этого Фраймана, попытаюсь разговорить ее. Вдруг что-то всплывет?

— А если она заодно с мужем?

— Жена, как правило, всегда заодно с мужем. В той или иной степени. Но в этом деле вряд ли — как-то не вяжется. Чего гадать? Завтра все узнаю.

Рано утром Екатерина Андреевна уже стояла на пятом этаже старого кирпичного дома напротив обитой коричневым дерматином двери. Она знала, что Ольга Моисеевна Фрайман нигде сейчас не работает, и все же решила подстраховаться — вдруг куда-нибудь уйдет. Дом был без лифта, подниматься пришлось пешком, потому, прежде чем позвонить в дверь, Екатерина Андреевна вынуждена была немного отдышаться. Несмотря на ежедневные пробежки, этот подъем дался ей с трудом. Хотя в душе Романова по-прежнему ощущала себя двадцатилетней, ну или, по крайней мере, тридцатилетней, одышка и ломота в ногах периодически напоминали о ее уже весьма преклонном возрасте.

Достав из сумочки пудреницу и промокнув выступившие на лбу капельки пота, Екатерина Андреевна нажала на кнопку звонка. За дверью хрипло задребезжало.

— Кто там? — тоненьким, похожим на девичий голосом спросили изнутри.

— Могу я видеть Ольгу Моисеевну Фрайман? — произнесла Екатерина Андреевна в дверную щель.

Щелкнул замок, и дверь приоткрылась.

— Это я, — робко сказала худенькая брюнетка с круглыми карими глазами.

Ей было уже за сорок, но стройная фигурка, практически лишенное намеков на морщины лицо и детский голосок создавали впечатление, что Ольге Моисеевне нет еще и тридцати.

— Доброе утро! — поздоровалась Екатерина Андреевна, сдобрив приветствие подкупающей улыбкой. — Мы можем поговорить? Это касается вашего мужа.

— Вани? — испуганно переспросила Фрайман. — А что с ним?

— Ну, кроме того, что он сидит за решеткой, пока, слава богу, ничего.

— Проходите, — растерянно произнесла Ольга Моисеевна, пропуская Екатерину Андреевну в квартиру. — А вы кто? — спохватившись, спросила она, уже закрыв дверь.

— Меня зовут Екатерина Андреевна Романова. Я, признаться, чертовски устала, поднимаясь по этой вашей дурацкой лестнице — кто только додумался строить многоэтажные дома без лифта? — и теперь не отказалась бы от чашечки чая, за которой я непременно поведу вас о цели своего визита.

К большому удовольствию Романовой, хозяйка пригласила ее не на тесную кухню, а в небольшую уютную гостиную, обставленную великолепно сохранившейся добротной мебелью советских времен:

— А у вас очень мило, — заметила Екатерина Андреевна, сделав несколько глотков чудного терпкого напитка, призывно дразнящего нежным ароматом бергамота.

Фрайман тоже отхлебнула из своей чашечки, в нетерпеливом ожидании поглядывая на экстравагантную гостью.

— Не буду вас томить, — сказала наконец Екатерина Андреевна, и из груди Фрайман неожиданно вырвался громкий вздох облегчения. — Мой внучатый племянник Андрей Чайкин служит в полиции и как раз занимается делом вашего мужа, а я помогаю ему, так сказать, на общественных началах. Хотя, скажу без лишней скромности, эти начала порой играют весьма существенную роль. Не вдаваясь в подробности, признаюсь, что мне удалось раскрыть немало запутанных дел и таким образом оправдать невиновных и разоблачить истинных преступников. Так что, если вы желаете помочь вашему мужу, предлагаю вам быть предельно откровенной со мной, и тогда мы обязательно во всем разберемся и, главное, установим, насколько на самом деле велика вина вашего мужа, есть ли смягчающие обстоятельства, ну и тому подобное. Вы, конечно, можете отказаться, но тогда, боюсь, вам и вашему мужу уже никто не поможет, даже адвокат.

— А почему вы...

— Я выступаю как частный детектив. Агату Кристи читали?

Фрайман кивнула.

— Ну вот, — продолжила Екатерина Андреевна, — считайте, что я ваша мисс Марпл.

— Но там ведь сыщиком был мужчина, — робко заметила Ольга Моисеевна.

— Хм! Значит, вы не всю Агату Кристи читали. Но не будем отвлекаться. Давайте, я буду задавать вам вопросы, а вы будете мне подробно на них отвечать? Вы не против?

— Нет, — немного неуверенно проговорила Фрайман. — Но... я же вроде все уже в полиции рассказала.

— Ну, может быть, все-таки не все? Они ведь могли просто забыть о чем-нибудь вас спросить. Например, о ваших отношениях с покойным Мардасовым.

— Что вы имеете в виду? — вспыхнула Фрайман и сильно покраснела.

— Всего лишь то, о чем судачат ваши бывшие коллеги. Вы же работали в компании Мардасова?

— Они... они просто грязные сплетники! Это все бессовестная ложь!

— К слову сказать, жена Мардасова тоже так говорит. И все же, Ольга Моисеевна, дыма без огня не бывает.

— Бывает! Если этот дым кто-то специально напустил.

— И кто же, по-вашему, это сделал?

— Мардасов.

— Мардасов? — переспросила Екатерина Андреевна. — Но для какой цели?

— Чтобы унижить меня и опозорить. Они с Ваней, с Иваном Абрамовичем, моим мужем, из-за чего-то повздорили, и Мардасов начал его оскорблять, обзывал всякими нехорошими словами, говорил, что он не мужчина. И сказал, что он у него на глазах может меня... Ну, вы понимаете. А Ваня, мол, и не рыпнется. У Мардасова тогда секретарем такая хорошая девочка работала, мы с ней сдружились. Она мне все и рассказала.

— А Иван Абрамович? — уточнила Екатерина Андреевна.

— А Ваня мне ничего не рассказал. Но с этого дня Мардасов стал ко мне приставать. А однажды вызвал к себе в кабинет и... стал руки распускать. Меня это так шокировало! Мы вроде столько лет знакомы, у меня прекрасные отношения с Линой, его женой, а тут вдруг такое. В общем, я его ударила и убежала. А он мне вслед погрозил, что опозорит меня перед всеми. Ну и на следующий день все вдруг стали шушукаться, что я, мол, к директору в кабинет каждый день бегала и там с ним... Фу! Такие мерзости, вспоминать не хочется.

— А что же секретарша Мардасова? Разве она не могла опровергнуть эти сплетни?

— Мардасов ее к тому времени уже уволил. Видимо, пытался ее соблазнить, а она отказала. Хотя вряд ли — она блондинка, а Мардасов только брюнеток любит, — сказав это, Фрайман машинально поправила рукой волосы. — Может, кто-то видел, как она рассказывала мне про ссору Мардасова с моим мужем и сообщил директору. Я не знаю.

— Неужели Мардасов был такой любвеобильный, что ни одной юбки не пропускал?

— Как вам сказать, не то что любвеобильный — просто наглый. Считал, что ему все дозволено. Ему всегда очень нравилось окружать себя красивыми девушками. Он даже пользовался услугами... таких женщин, знаете, которые за деньги.

— Проститутки, что ли? — без церемоний уточнила Екатерина Андреевна.

— Нет, что вы! Которые сопровождают на всякие встречи, мероприятия.

— Эскорт-услуги, — догадалась Екатерина Андреевна.

— Точно.

— И часто он это делал?

— Раньше — постоянно. Лина ужасно злилась на него, но он как будто не обращал на нее внимания. Я тоже не понимала его — такая красивая жена, вы бы видели се...

— Мы встречались, — вставила Екатерина Андреевна.

— Тогда вы должны были заметить, какая это роскошная женщина.

— Роскошная, но уже не такая молодая.

— Ну и что! Это же не повод.

— Для кого как, — вздохнув, заметила Екатерина Андреевна. — Так вы сказали, раньше — постоянно. А потом?

— А потом вдруг резко перестал. Там какая-то история приключилась. Мардасов после этого совсем изменился, злобный стал, агрессивный.

— Вы сказали, что приятельствовали с его секретаршей, у вас ее координаты остались?

— Нет, к сожалению. Она недолго у нас работала. Ну и она же молоденькая совсем, ей, по-моему, и тридцати еще нет. Зачем ей такая старая подруга, как я?

— Понятно. Ну, а что было дальше?

— А дальше я уволилась. Разве я могла продолжать работать в такой обстановке?

— Позвольте уточнить, когда это было?

— Чуть больше месяца.

— То есть относительно недавно?

Ольга Моисеевна кивнула.

— Простите, если мой следующий вопрос покажется вам бестактным. У вас случайно нет диабета?

— Что? — удивленно переспросила Фрайман.

— Сахарного диабета. Это заболевание такое.

— Я знаю, что такое диабет. Меня просто удивил ваш вопрос, — ответила Ольга Моисеевна, кивая на сахарницу, из которой минуту назад достала и положила себе в чашку два кусочка.

— Ах, ну да, простите! — воскликнула Екатерина Андреевна, хлопнув себя по лбу. — Старческий маразм.

— Вы на себя наговариваете, — сказала Фрайман, смутившись, что указала ей на эту оплошность.

— А никто из ваших родственников или друзей не страдает этим недугом?

— Насколько я знаю, нет. А почему вы спрашиваете?

— Да так, на всякий случай. Ну что ж, я узнала от вас достаточно много нового. Спасибо, Ольга Моисеевна, — сказала Екатерина Андреевна, вставая. — Полагаю, это поможет разобраться в происшедшем.

— Лишь бы Ваню отпустили. Он ни в чем не виноват.

— Если не виноват, обязательно отпустят.

— Вы уж там постарайтесь, — с надеждой в голосе произнесла Ольга Моисеевна, когда Екатерина Андреевна, схватившись левой рукой за перила, готовилась совершить пеший сход с пятого этажа.

— Обязательно, — пообещала Екатерина Андреевна, обернувшись и одарив Фрайман своей неповторимой улыбкой. — Кстати, не подскажите, как звали ту секретаршу Мардасова, которую он уволил?

— Марина. Марина Столярова.

Уже на улице Екатерина Андреевна позвонила Чайкину и, узнав, что он в гостинице «Славянка», сразу же отправилась туда.

Чайкин и Завадский сидели в комнате охраны и просматривали записи с камер наблюдения. Дверь в комнату приоткрылась, и внутрь проскользнула юркая старушка. Охранник даже рот раскрыл от удивления и от наглости этой старушки, которая, похлопав его по плечу, направилась напрямик к сидящим за монитором полицейским. Заметив свою двоюродную бабушку, Чайкин сразу напрягся и покосился на Завадского.

Но у того сегодня отчего-то было замечательное настроение. Увидев в отражении экрана приближающийся сзади характерный силуэт, он не только не вскипел — напротив, как-то даже добродушно усмехнулся, хотя и не удержался от ядовитого замечания:

— Ну конечно, Екатерина Андреевна, куда же без вас!

Охранник, уже намеревавшийся звать подмогу по случаю вторжения на пост подозрительной старухи, похожей на переодетого шпиона из старого советского мультика, сразу расслабился и сел в уголке разгадывать кроссворд.

— Присоединяйтесь, — сказал Завадский, сгоняя с места Чайкина и предлагая стул Романовой.

— Пытаетесь вычислить таинственную брюнетку? — спросила Екатерина Андреевна, присаживаясь.

— Проверяем эту версию.

— Ну и как?

— Сами смотрите. Вот это, — Завадский ткнул пальцем в монитор, — камера наблюдения, направленная на коридор, ведущий к туалетам. А это, — он щелкнул по клавиатуре, и изображение сменилось, — выход из ресторана, где проходил банкет. Поскольку люди там, по всей видимости, активно выпивали, то и в туалет бегали постоянно. Но это, в основном, мужики, женщин было только две, да и те — блондинки.

— А можно посмотреть?

— Пожалуйста. Чайкин, покажи, — сказал Завадский, вставая и уступая место младшему напарнику.

Чайкин быстро нашел нужный отрезок записи.

— Вот первая.

На экране появилась пышная дама лет тридцати пяти, в платье, цвет которого разобрать было нельзя, поскольку запись была черно-белая, но Екатерина Андреевна готова была биться об заклад, что оно фиолетовое. Более того, она хорошо помнила эту особу — видела ее среди толпы гостей, когда сама пыталась разведать, что там к чему.

Через некоторое время из банкетного зала вышла еще одна блондинка, на этот раз молодая девица в платье с разрезом до самого бедра, и направилась в сторону туалета.

— Это секретарша Мардасова, — прокомментировал Завадский. — Знатная цыпочка.

— Фу! — отозвалась Екатерина Андреевна.

— А сейчас будет самое интересное, — сказал Чайкин. — Обрати внимание, тетя Катя, из банкетного зала никто не выходит.

Чайкин шелкнул по клавиатуре, и экран разделился надвое, показывая одновременно запись сразу с двух камер: выход из банкетного зала и вход в коридор, ведущий к туалетным комнатам. Внезапно та часть экрана, где воспроизводилась запись с камеры, смотревшей на коридор, вспыхнула и стала совершенно белой. А через несколько секунд, когда изображение вновь появилось, в сторону туалетных комнат, спиной к камерам, прошла крупных размеров брюнетка. Не полная, а высокая и, судя по формам, которые выгодно подчеркивало облегающее длинное платье, весьма плотно сбитая.

— Вот она! — торжествующе воскликнул Чайкин.

— А вид спереди есть? — спросила Екатерина Андреевна.

— Потерпите немного, Екатерина Андреевна, — насмешливо произнес Завадский.

И в это время из ресторана вышел Мардасов.

— Тут надо немного промотать, — сказал Чайкин. — А теперь — наш злодей.

Из банкетного зала вышел Иван Абрамович Фрайман. Чайкин убрал изображение с первой камеры, оставив только вид на коридор.

— Вот он, вот он! — воскликнул он, указывая на фигуру Фраймана,двигающуюся в сторону туалета. — Жалко, что обзор плохой — не видно дальше, кто куда там заходит.

— В любом случае, выходит, он не лгал по поводу брюнетки, — заметила Екатерина Андреевна. — Но ее не было на банкете, она

появилась откуда-то извне. И на Чехову совсем не похожа. Значит, Чеховой там не было.

— Вы невероятно прозорливы! — съязвил Завадский, но Екатерина Андреевна даже не оглянулась на него.

Экран монитора опять вспыхнул и на несколько секунд побелел. Потом картинка снова прояснилась.

— Вот она! — воскликнула Романова, увидев выходящую из коридора высокую брюнетку. — Странно, каждый раз перед ее появлением изображение пропадает.

— Ты тоже заметила? — воскликнул Чайкин.

— Надеюсь, вы уже поинтересовались, в чем причина.

— Теть Кать, ну конечно, поинтересовались. Но техники не могут пока объяснить. Камера как будто слепнет.

— Отчего бы это?

— Ну уж точно не от ее красоты, — отозвался Завадский.

Через некоторое время из коридора выскочил Фрайман, явно что-то крича и размахивая руками.

— А куда делась брюнетка? — спросила Екатерина Андреевна.

— Вот. — Чайкин продемонстрировал запись с камеры наблюдения, установленной около входа в гостиницу. — Тут, если увеличить, и портрет распечатать можно будет.

— Вы все внимательно просмотрели? — не успокаивалась Екатерина Андреевна. — Может, проглядели? Вдруг была еще какая-то брюнетка, которая незаметно проскочила, пока камера была отключена?

— Да вот! — Чайкин вывел на монитор запись сразу со всех четырех камер.

Народу через холл гостиницы проходило много, в том числе и женщины в длинных платьях, но темноволосых действительно больше не было.

— Ладно, займемся пока ею, — сказал Завадский, ткнув пальцем в монитор, на котором замерла выходящая из гостиницы роскошная брюнетка. — Чайкин, выясни, кто она, откуда пришла, куда ушла.

— Хм, — задумчиво произнесла Екатерина Андреевна, — прямо девица из службы эскорт-услуг.

— Точно! — воскликнул Чайкин. — Значит, это она.

— С чего ты это решил? — поинтересовался Завадский.

— Так ведь Мардасов... Ой, я же не успел рассказать.

— Ты про то, что он активно пользовался этим сервисом? — уточнила Екатерина Андреевна. — Да, я об этом слышала.

— От кого, интересно? — скрежеща зубами, поинтересовался Завадский.

- От жены Фраймана.
- Вы уже и там успели побывать? Кто вам позволил?
- А кто мне может запретить?
- Сан Саныч, — растерянно пробормотал Чайкин, — я же в архиве нашел... там одно дело есть...
- Какое еще дело?
- Ну... Мардасова. Там какая-то история была с убийством девушки, как раз из службы эскорт-услуг. Так вот она поехала на вызов к Мардасову и пропала. А через два дня ее нашли мертвой.
- И ты молчал?! — взревел Завадский. — Что за бордель?
- Так... это не бордель, это служба эскорт-услуг.
- Какая разница!
- Разница в том, — спокойным голосом вставила Екатерина Андреевна, — что девушки из этой-службы всего лишь сопровождают клиентов в качестве свиты, а в борделе работают проститутки, которые оказывают услуги... хм, другого толка.
- Я знаю, какие услуги оказывают проститутки!
- Да неужели!
- Попрошу без намеков. И сказки мне тут не рассказывайте про эти... эскорт-услуги. А то я не знаю. Этим девкам заплати хорошенько, и они сразу из эскорта превращаются...
- Я бы попросила! — оборвала его Екатерина Андреевна, на что Завадский лишь махнул рукой. — И не машите на меня. Лучше подумайте, как нам найти брюнетку.
- Нам?
- Вот именно.
- Элементарно! — отозвался Завадский. — Через эту самую вашу службу.
- Во-первых, не мою. А во-вторых, если она действительно там работает.
- Вот именно, — передразнивая Романову, проблеял Завадский. — Это же вы сделали такое заключение.
- Не заключение, а всего лишь предположение. Но проверить, конечно, нужно.
- Чайкин, вот ты этим и займись, раз ты уже в теме.
- Есть! А... как?
- Тетя научит, — съязвил Завадский.

В компанию, оказывающую эскорт-услуги, Чайкин в одиночку ехать не решился — взял с собой Екатерину Андреевну, которая без колебаний согласилась сопровождать внучатого племянника. Чайкин почему-то сильно волновался, а Екатерина Андреевна подбадривала его. Когда они вошли в роскошный

офис, где их встретила умопомрачительная рыжая красotka, у Чайкина и вовсе язык отнялся.

— Добрый день! — начала разговор Екатерина Андреевна, поняв, что внучатый племянник временно потерял дар речи. — Меня зовут Екатерина Андреевна Романова, частный детектив. А это... — Она ткнула локтем Чайкина в бок и уголком рта шепнула: — Удостоверение покажи.

Чайкин, словно во сне, вытащил удостоверение, и Екатерина Андреевна продолжила немного развязным тоном:

— А это лейтенант Чайкин из убойного отдела.

— Из какого отдела? — переспросила рыжая красotka.

— Хм! Из отдела по расследованию убийств, из полиции, — на этот раз строгим голосом произнесла Романова. — Мы бы хотели пообщаться с вашим руководством.

— С... руководством? — Рыжая продолжала улыбаться, но уже как-то натянуто, а в огромных зеленых глазах отчетливо читалась тревога, и, вдруг перейдя на шепот, спросила: — А что, кого-то убили?

— Надеюсь, что нет. Так вы проведете нас к начальству?

— Секундочку, — пролепетала рыжая, продолжая удерживать на лице натужную улыбку, и постучала в матовую стеклянную дверь позади своего стола.

Не дожидаясь ответа, она приоткрыла дверь и, просунув внутрь голову, зашептала. Однако шептала она так громко, что Екатерина Андреевна и Чайкин слышали каждое слово:

— Ма-ам! Там какие-то детективы из полиции... Откуда я знаю! Двое: одна старуха, а другой придурок какой-то, все время пялятся

Екатерина Андреевна посмотрела на Чайкина и покачала головой.

— Щас! — сказала рыжая громко, закрывая дверь и поворачиваясь к гостям. — Щас вас примут.

— Значит, по-вашему, я старуха? — как бы между делом, сказала Екатерина Андреевна.

— Ой! А вы чего, все слышали? — пролепетала рыжая, и лицо ее покрылось легким румянцем.

— Да. И придурок, кстати, тоже слышал.

После этих слов Чайкин мгновенно пришел в себя, а лицо рыжей сделалось пунцовым и практически слилось с огненной копной.

В это мгновение стеклянная дверь позади нее распахнулась, и на пороге возникла еще одна рыжая дама в элегантном костюме цвета топленого молока. На вид ей было от силы лет на десять больше, чем секретарше.

— Вот это мама! — едва слышно пробормотал Чайкин и впал в очередной транс.

— Вы ко мне? — высоко подняв подбородок, спросила дама.

— К вам, — ответила за обоих Екатерина Андреевна и толкнула Чайкина в спину.

— Здравься, — выдавил из себя тот, глупо улыбаясь.

— Располагайтесь, — вежливо предложила рыжая начальница, когда они вошли в кабинет, указывая на большие кожаные кресла, расставленные вокруг журнального столика, заваленного многочисленными фотографиями девушек. — Меня зовут Элеонора Эдуардовна.

Вся мебель в кабинете имела яркий рыжий оттенок и роскошно смотрелась на фоне стен цвета слоновой кости. Равно как и голова очаровательной Элеоноры Эдуардовны на фоне ее костюма.

— Очень приятно! — сказала Романова. — Екатерина Андреевна Романова.

— Чайкин, — представился Чайкин, вытаскивая удостоверение. — Лейтенант Чайкин.

— Полицейский? А вы, стало быть... — сказала Элеонора Эдуардовна, поворачиваясь к Романовой.

— Частный детектив.

— Надо же, как интересно. Чай, кофе?

— Не откажусь от чашечки черного кофе, — сказала Екатерина Андреевна, отвечая улыбкой на улыбку хозяйки кабинета.

— Мне то же самое, — пробормотал Чайкин. — С молоком. Побольше, пожалуйста.

Секретарша, она же дочь Элеоноры Эдуардовны, вышла и вскоре вернулась в кабинет с подносом, на котором высился слегка запотевший стакан воды, крохотная чашечка с крепчайшим «эспрессо» и причудливой формы прозрачная посуда с нежным «латте» и черной соломинкой.

— Чем могу служить? — спросила Элеонора Эдуардовна, отпуская дочь-секретаршу.

— Мы бы хотели поговорить с вами об одном случае. Сейчас лейтенант Чайкин вам расскажет, — сказала Екатерина Андреевна, вынуждая внучатого племянника взять себя в руки и проявить наконец инициативу.

— Да, об одном случае, — сначала робко, но потом все более уверенно заговорил Чайкин. — О происшествии с одной вашей девушкой полгода назад.

— Вы про Веру?

— Про веру в кого? — переспросил Чайкин.

— Про Веру Столярову, — уточнила Екатерина Андреевна.

— Ах да, про нее.

— Но мне кажется, мы еще тогда рассказали все, что знали, — как-то неохотно сказала Элеонора Эдуардовна.

— Может, за это время вы вспомнили какие-то подробности, детали? — предположил Чайкин.

— Какие подробности! — неожиданно вспыхнув, воскликнула Элеонора Эдуардовна. — Этот подонок... Этот зверь убил девочку, и ему за это ничего не было! Он спокойно рассказывает по земле...

— Должна вас огорчить, — перебила ее Екатерина Андреевна, залпом выпив малюсенькую порцию «эспresso», в то время как Чайкин, зажмурившись от удовольствия, посасывал через соломинку свой «латте». — Он уже не рассказывает — он лежит в земле.

Элеонора Эдуардовна недоверчиво посмотрела на Романову.

— Что? И кто же это постарался?

— А с чего вы решили, что его убили? — включил детектива Чайкин, чем заслужил одобрительный взгляд двоюродной бабушки.

— Эта сволочь не могла умереть своей смертью.

— Значит, после того случая вы с ним не встречались?

— Боже упаси!

— И он не обращался больше в вашу фирму?

— Да кто б ему позволил?

— Скажите, а у той девушки, Веры Столяровой, были подруги? — спросила Екатерина Андреевна. — Нам бы поговорить с ними.

— Насколько мне известно, она ни с кем не дружила.

— Как так? Неужели ни с кем? А с коллегами она в каких отношениях была?

— Вера была очень замкнутой девушкой, — сказала Элеонора Эдуардовна. — Она из провинции.

— Ну знаете, я повидала провинциалок, и сказать, что все они такие замкнутые...

— Не все, конечно, но Вера была именно такой.

— И это не мешало ей работать у вас?

— Представьте себе. На работе она прямо-таки преображалась — сама общительность. А в сочетании с ее умом и умением держать себя, она была просто идеальной спутницей, поэтому пользовалась спросом.

— А родственники? — снова встрял в разговор Чайкин.

— Я знаю только про сестру — на похороны приезжала.

— Родная?

— По-моему, да.

— Брюнетка?

— Кто?

— Сестра.

— Почему брюнетка? Нет, она блондинка. Вера была брюнеткой. А сестра — блондинка.

— Может, крашенная? — предположила Екатерина Андреевна.

— Нет, насколько я помню. Абсолютно натуральная.

— А из какого она города? — спросил Чайкин.

— Сестра или Вера?

— Обе.

— Вера была из Старого Оскола. А сестра — не знаю. Может, откуда же. Но вы сами можете у нее спросить. Она, наверное, еще в Москве.

— Как? — удивленно воскликнула Екатерина Андреевна. — Ведь уже полгода прошло.

— Так у Веры квартира была, — пояснила Элеонора Эдуардовна. — В ипотеку брала. Нужно было разбираться с ней, решать что-то. А это же процесс долгий. Так что сестра остановилась на квартире у Веры.

— А вы адрес знаете? — спросил Чайкин.

— Конечно. Регина! — позвала Элеонора Эдуардовна.

Дверь в кабинет приоткрылась, и в проеме показалась рыжая голова.

— Дай, пожалуйста, этим господам домашний адрес Веры Столяровой.

— Зачем? — недоумевающе спросила Регина, но, натолкнувшись на суровый взгляд матери, тут же ответила: — Конечно. Сейчас.

И скрылась за дверью.

— А как зовут сестру? — спросила Екатерина Андреевна.

— Ой... — Элеонора Эдуардовна на мгновение задумалась. — То ли Ирина, то ли Карина... Не помню. Могу я вам еще чем-нибудь помочь?

— А эта девушка у вас работает? — спросил Чайкин, достав из кармана и показывая ей распечатанный портрет высокой брюнетки из гостиницы.

— Нет, — уверенно сказала Элеонора Эдуардовна. — А почему вы решили, что она может работать у меня?

— Мы разыскиваем ее. Судя по всему, она тоже оказывает подобные услуги.

— Это вряд ли.

— Почему? — удивился Чайкин.

— Она слишком крупная. Хороша собой, привлекательна, но слишком крупная.

— На записи с камеры наблюдения видно, как она выходит из гостиничного номера, а потом из него вышел мужчина.

— Вы издеваетесь? — искренне возмутилась Элеонора Эдуардовна. — Девушка из эскорт-службы никогда не войдет в гостиничный номер к мужчине. Это табу.

— Кто же тогда входит? — недоумевающе спросил Чайкин.

— Проститутка, — подсказала Екатерина Андреевна.

Элеонора Эдуардовна одобрительно кивнула:

— Судя по внешнему виду, весьма и весьма дорогая. Такие работают только индивидуально.

Дверь в кабинет снова открылась, и вошла Регина.

— Вот! — Она протянула Екатерине Андреевне листок бумаги.

— Да это же совсем близко! — воскликнула та, пробежав сощуренными глазами по мелким строчкам. — Спасибо!

И передала листок Чайкину.

— Ну что ж, не смею вас больше задерживать, — вставая, сказала хозяйка кабинета.

— Постой! — воскликнула Екатерина Андреевна, едва Чайкин потянулся к панели домофона. — Что ты ей скажешь?

— Ну, скажу, что мы из полиции. По делу.

— По какому?

— По тому.

— Но то дело давно закрыто.

— Скажу, что снова открыли.

— А потом, когда выяснится, что ты соврал, как ты ей в глаза будешь смотреть?

— Тогда скажу, что собираемся снова открыть дело.

— Нет, давай просто подождем, пока кто-нибудь выйдет, а потом позвоним сразу в дверь, — предложила Екатерина Андреевна.

— И что скажем? — спросил Чайкин.

— Скажем, что соседи снизу.

— То есть соврем?

— Да, опять неудачно получается.

В это мгновение дверь подъезда распахнулась, и Екатерина Андреевна с Чайкиным резво бросились внутрь, даже не пропустив пытающегося выйти на улицу интеллигентного вида старичка с миниатюрной собачкой на руках.

Против ожидания, им открыли сразу, едва Чайкин нажал на кнопку звонка. На пороге стояла женщина средних лет в домашнем халате, вспотевшая, с косынкой на голове и тряпкой в руке.

— Проходите, — сказала она, впуская их в квартиру.

— Добрый день! — сказала Екатерина Андреевна.

— Здравь, — буркнул Чайкин.

— Две комнаты, изолированные. Вся мебель есть. Кухня, ванная — все оборудовано, — скороговоркой произнесла женщина. — Можете посмотреть, только ноги вытирайте, я пол помыла...

— Постойте, — перебила ее Екатерина Андреевна. — Мы хотели спросить...

— Сорок тысяч. Меньше не могу.

— Сорок тысяч чего? — спросил Чайкин.

— Рублей, — сказала женщина, удивленно посмотрев на него.

— За что?

— За квартиру. В месяц.

— Вы нас не так поняли, — сообразила Екатерина Андреевна. — Мы ищем сестру Веры Столяровой.

— Это случайно не вы? — вставил Чайкин.

Женщина перевела взгляд с Екатерины Андреевны на Чайкина, потом снова посмотрела на Романову и медленно покачала головой.

— В этой квартире жила Вера Столярова. Вы знаете такую?

Женщина кивнула.

— А потом приехала ее сестра, — продолжал Чайкин.

— Вы кто? — строго спросила женщина.

— Ах да, простите! — Он предъявил свое удостоверение. — Лейтенант Чайкин.

— Я все налоги плачу, можете проверить. А если кто что на меня наговаривает, так то из зависти, потому как сами ничего делать не хотят и только сплетничают почему зря, — затараторила женщина.

— Погодите, погодите, голубушка! — перебила ее Екатерина Андреевна. — Нас совершенно не интересуют ваши налоги.

— А про остальное меня и так уже допрашивали сто раз. Я уже говорила, что не знаю ничего...

— Да послушайте же вы! Мы всего лишь ищем сестру Веры. И все!

— Нет ее здесь. Съехала она.

— Как съехала? Это разве не Верина квартира?

— Это моя квартира. Я ее сдаю.

— Стало быть, Вера у вас ее снимала?

— Я все налоги плачу!

— Да-да, я помню. А ее сестра?

— Откуда я знаю, платит она или нет.

— Я про квартиру. Сестра Веры тоже снимала у вас квартиру?

— Снимала. Всего неделю.

— Она родная сестра?

— Может, и родная.

— Но вы же паспорт смотрели? У нее фамилия такая же?

— Такая же.

— А квартира, которую Вера купила, где она? — вставил Чайкин.

— Где-то купила.

— То есть вы не знаете, куда съехала сестра Веры?

Женщина покачала головой.

— Все? — спросила она.

— Да, все. Спасибо, — сказала Екатерина Андреевна, выходя из квартиры.

— До свидания, — буркнул Чайкин, выскакивая следом.

— Погодите! — воскликнула Романова, когда мрачная хозяйка уже намеревалась закрыть дверь. — А как ее зовут?

— Кого?

— Сестру Веры.

— Марина, — ответила женщина и с шумом захлопнула дверь.

— Марина, — повторила Екатерина Андреевна.

— И что теперь будем делать? — спросил Чайкин, растерянно глядя на нее.

— Ты разузнай, по какому адресу приобрела квартиру Вера, а я попробую найти таинственную блонетку из отеля.

— Каким образом?

— Ну как это делается — в реестре недвижимости, наверное.

— Я про блонетку.

— Пока не знаю, что-нибудь придумаю. Может, через персонал гостиницы получится что-то узнать.

— Давай я с тобой.

— Нет, не нужно, — возразила Екатерина Андреевна. — Привлечем лишнее внимание. Я сама. Ты мне только портрет ее дай, на всякий случай.

— Но у меня нет распечатки, только фото в телефоне, — посетовал Чайкин, в надежде, что это остановит беспокойную тетю Катю.

— Так скинь мне, — со знанием дела сказала продвинутая Екатерина Андреевна.

Завадский сидел за столом и задумчиво чесал стриженный затылок. Чайкин стоял перед ним, переминаясь с ноги на ногу, будто незадолго до того выпил целый литр чая.

— Ну, ладно, — прервал наконец молчание Завадский. — Все равно я сомневался, что твой поход в этот бордель чего-то нам даст. Но раз уж начали, надо отработать версию до конца. Правильно я говорю?

- Правильно, Сан Саныч.
- Ты помнишь, кто вел дело об убийстве этой... как ее?
- Веры Столяровой.
- Вот-вот.
- Сейчас гляну. — Чайкин вытащил из кармана смартфон и пробежал пальцами по экрану. — Следователь Скала.
- Скала? — усмехнувшись, переспросил Завадский.
- Скала. Пэ. Пэ.

— Добрый день! — зловещим шепотом произнесла Екатерина Андреевна и поманила пальцем круглолицую девушку-администратора с золотыми кудряшками и бейджиком «стажер» на груди, ту самую, что была за стойкой в день убийства Мардасова.

— Слушаю вас, — растерянно произнесла та.

— Спецоперация ГРУ ФСБ КГБ, — еще более зловеще прошептала Екатерина Андреевна и многозначительно закатила глаза.

Девушка за стойкой побледнела, и Романова подумала, что она сейчас грохнется в обморок.

— Ну, ну, голубушка, — как можно более ласково произнесла Екатерина Андреевна, — нельзя же быть такой чувствительной. Может, вам водички?

— Да, — дрожащим голосом произнесла девушка.

— С газом или без газа?

— Без газа.

— Сейчас принесу. Только вы мне сперва скажите, видели вы здесь эту даму?

Екатерина Андреевна раскрыла свой мобильник-раскладушку и показала «скинутый» Чайкиным портрет брюнетки. Девушка бросила взгляд на фотографию и быстро-быстро закивала.

— Она сейчас здесь?

— Да.

— Где?

Девушка хотела что-то ответить, но лицо ее стало еще бледнее, она покачнулась, и Екатерина Андреевна даже испугалась за нее.

— Сейчас принесу воды! — крикнула она, направляясь к бару.

Попросив стакан воды без газа, Екатерина Андреевна поспешила назад, но из-за колонны заметила, как бледную стажерку расспрашивают о чем-то два старших администратора. Она что-то отвечала и показывала в ту сторону, куда ушла Екатерина Андреевна. Решив, что столкновение с опытными администраторами не сулит ничего хорошего — чего доброго, еще полицию вызовут, — Романова поспешила ретироваться.

Выйдя на улицу, она огляделась. Не найдя поблизости ни одной скамейки, Екатерина Андреевна стала прохаживаться взад и вперед, стараясь не упустить из виду парадный вход гостиницы.

— Катрин Андреевна! — раздалось у нее за спиной.

Романова обернулась. Из-за забора, с территории парка, вцепившись руками в толстые прутья ограды, на нее смотрел чем-то страшно напуганный Сархат. А рядом с ним — Анзур, в той же позе и с перекошенным от ужаса лицом.

— Что это с вами? — осторожно поинтересовалась Екатерина Андреевна, подходя к забору.

— Там... там... там... — еле слышно проговорил Сархат.

— Что там? Где? — настойчиво спросила Романова.

— Щелавек! — выдавил из себя Анзур.

— Какой человек? — Екатерина Андреевна ничего не понимала, но напряглась в ожидании чего-то действительно жуткого.

— Там! — повторил Сархат.

— Так, стойте здесь, я сейчас подойду, — приказала Екатерина Андреевна и направилась было к гостинице, чтобы пройти через черный ход на территорию парка, но, вспомнив о разыскивающих ее администраторах, решила не рисковать и поспешила к главному входу в парк.

Путь туда и обратно, уже по территории парка, занял не более пяти минут. Таджики покорно ждали ее все в тех же позах, уткнувшись физиономиями в забор и боясь даже обернуться.

— Ну, показывайте, где ваш «щелавек»? — произнесла она, глядя на дрожащие мелкой дрожью спины, облаченные в оранжевые жилеты.

Таджики синхронно повернулись и переглянулись.

— Там, — опять сказал Сархат и неуверенно двинулся вдоль забора к задней части гостиницы, выходящей на территорию парка.

Они подошли к мусорным контейнерам, возле которых стояла груженная пожелтой листвой тачка, а рядом валялась лопата. Таджики остановились на почтенном расстоянии, кивками указывая на контейнер с откинутой крышкой.

— В мусорном баке? — спросила Екатерина Андреевна.

Таджики закивали.

— Тело?

Таджики схватились за руки и зажмурились. Поняв, что толку от них не добиться, Екатерина Андреевна подошла к контейнеру и заглянула внутрь.

— Ну-ка иди сюда! — приказала она, посмотрев на Сархата, тот сразу же подтолкнул в ее сторону Анзура. — Лопату возьми.

Анзур поднял с земли лопату и протянул Екатерине Андреевне

— Да не мне, чудо ты бессловесное! Расшевели мусор.

Анзур попытался исполнить приказание Романовой, но руки сами собой выпустили черенок, и лопата упала в контейнер. Екатерина Андреевна осуждающе посмотрела на него, ухватила за черенок и стала аккуратно разгребать мусор. Анзур внимательно следил за ее манипуляциями, но в контейнер заглянуть не решился. Она еще немного отгребла в сторону картофельные очистки и вздрогнула. Анзур вскрикнул и отбежал к Сархату.

— Щего? — отступив на шаг, прошептал Сархат.

Анзур что-то быстро затараторил по-таджикски с такой скоростью, что Екатерина Андреевна, в совершенстве знавшая этот язык, не поняла ни слова. Однако для нее самой все уже было ясно. Повернувшись к таджикам, Екатерина Андреевна спокойно произнесла:

— Пакет найдите.

Завадский уверенно постучал в дверь с табличкой «Следователь Скала П. П.».

— Войдите, — донесся из кабинета тоненький женский голосок.

Завадский вопросительно посмотрел на Чайкина, который в ответ только пожал плечами, и толкнул дверь.

За единственным в маленьком кабинете столом сидела шупленькая девушка в форме лейтенанта юстиции.

— Слушаю вас, — пропищала она.

— Простите, мы, кажется, ошиблись, — буркнул Завадский. — Нам нужен следователь Скала.

— Это я, — смущенно проговорила девушка.

— Вы? — не поверил Завадский.

— Скала? — переспросил Чайкин.

И оба, не удержавшись, приснули, чем вызвали еще большее смятение бедной юной следовательши.

— Простите, бога ради, — едва успокоившись, произнес Завадский. — Просто... ну, понимаете...

— Понимаю, — ответила девушка. — Не слишком похожа на скалу.

— Точно! — неожиданно для самого себя взвизгнул Чайкин и, прикрыв рукой рот, снова затрясся в приступе смеха. Но тут же получил локтем в бок.

— Извините еще раз, — сказал Завадский и достал удостоверение. — Капитан Завадский. А это трясущееся тело — лейтенант Чайкин. Мы к вам по делу.

— Присаживайтесь. Может, чаю хотите? — захлопотала хозяйка кабинета.

— Ну, если не сложно...

— Конечно, не сложно! — Скала вскочила и щелкнула клавишей стоящего на тумбочке электрочайника.

— А у вас кофе есть? — спросил переставший наконец трястись Чайкин.

— Растворимый:

— Отлично!

— Нечего его кофеем баловать, — возразил Завадский.

— Что вы, что вы! Мне совсем не сложно, — проворковала следовательша.

Вскоре перед Завадским красовался дымящийся красноватым ароматным чаем граненый стакан в алюминиевом подстаканнике, а перед Чайкиным — элегантная кофейная чашечка с блюдцем и маленькой мельхиоровой ложечкой. Довершив этот натюрморт белой фаянсовой сахарницей с щипчиками, Скала села на место и вопросительно посмотрела на гостей.

— А у вас молоко есть?

— Чайкин! — процедил сквозь зубы Завадский.

— Нет, к сожалению, молока нет, — пожав плечами, будто извиняясь, ответила Скала.

— Ну и ладно! — Чайкин хлебнул крепкого душистого кофе и с наслаждением цокнул языком. — Так даже лучше.

Он поглядел на следователя Скалу и нашел, что она очень даже симпатичная. Слегка повел бровью и незаметно подмигнул. Она скользнула по нему матовым взглядом и улыбнулась одними уголками губ.

— Нас интересует дело Веры Столяровой, — начал разговор Завадский, не замечая этот немой флирт.

Скала тяжело вздохнула и опустила глаза.

— И что вы хотите узнать? — спросила она после недолгой паузы.

— Все.

— Вы можете ознакомиться с делом в архиве.

— Мы уже.

— Тогда что же...

— Мы хотим знать, какое отношение к ее смерти на самом деле имел гражданин Мардасов Олег Игоревич?

Девушка нервно сглотнула.

— А... в связи с чем вы интересуетесь?

— В связи с его убийством.

— Убийством? — переспросила Скала и растерянно уставилась на Завадского.

— Простите, как я могу к вам обращаться? — спохватился тот.

— Полина, — прошептала она.

— Полина, я Александр, — представился Завадский и тут же добавил: — Александрович.

— Очень приятно.

— И мне.

— А я Андрей, — вставил Чайкин. — Евгеньевич.

— Так вот, Полина, — продолжил Завадский, — нам бы очень хотелось узнать подробности.

— Вы же читали дело...

— Читали, — подтвердил Чайкин. — И нам кажется, там не все так просто, и вообще...

Скала неожиданно шмыгнула носом.

— Полагаю, у Мардасова оказались очень сильные адвокаты, — предположил Завадский. — Его оправдали и отпустили, а вы остались с висяком и получили люлей от начальства?

Полина громко всхлипнула.

— Ну-ну, не стоит. Чайкин, дай девушке воды.

Чайкин вскочил с места и растерянно огляделся:

— А где?

— Там. — Скала кивнула на окно, где за занавеской на подоконнике стоял графин.

Выпив залпом целый стакан воды, Полина немного успокоилась и поведала гостям печальную историю о том, как развалилось ее первое дело, о чем Завадский, собственно, и так уже догадался.

Тело Веры Столяровой было найдено в парке. Экспертиза установила, что смерть наступила от удара головой о твердый угловатый предмет, вероятно, в результате падения. Выяснилось, что незадолго до этого Вера отправилась на вызов к Мардасову, который уже не в первый раз заказывал эскорт-услугу именно с этой девушкой. По правилам фирмы, сотрудницы должны незамедлительно докладывать о проделанной работе, чего Вера не сделала. А когда на следующий день она не вышла на работу, хозяйка фирмы забила тревогу. Правда, несмотря на ее усилия, в течение трех дней никто даже не пошевелился. А на четвертый день обнаружилось, что Вера мертва. Следствие пыталось увязать это происшествие с Мардасовым, но адвокат ловко вывел своего клиента из-под удара. Обследование тела погибшей показало, что перед смертью она с кем-то боролась — под ногтями нашли частицы чужой кожи. Но Полине не только не позволили взять образцы тканей подозреваемого, но даже провести осмотр его квартиры. И Мардасов, а следовательно Скала была абсолютно уверена в его причастности к убийству, вышел сухим из воды и даже в качестве этакой издевки преподнес

Полине куклу, мол, тебе, девочка, еще рано серьезными делами заниматься, иди-ка поиграй в игрушки.

— Вот гад! — вырвалось у Чайкина.

— Скажите, Полина, — задумчиво проговорил Завадский. — А почему вы так уверены, что это был Мардасов? Может, у Столяровой был какой-нибудь ревнивый ухажер?

— Я проверила, не было никакого ухажера. Вообще никого не было, она вела замкнутый образ жизни.

— Ну да, хозяйка фирмы, где она работала, тоже так сказала, — вспомнил Чайкин.

— А что насчет родственников? — поинтересовался Завадский.

— Она приезжая, в Москве — никого. Единственная, кого мы нашли, — сестра в Старом Осколе, — сказала Полина. — Марина Столярова. Она же, насколько я знаю, и занималась похоронами.

— Сестра, — повторил Завадский. — Это не та, которую ты пытался найти? — спросил он у Чайкина.

— Она.

— Вы ее искали? — удивилась Скала.

— Да, думали она еще в Москве, хотели кое о чем расспросить, — сказал Чайкин.

— А адресок ее в Старом Осколе у вас остался? — спросил Завадский.

— Сейчас, — ответила Полина и взяла со стола смартфон. — Вот.

— Ох уж эти мне современные технологии! — со вздохом проговорил Завадский, переписывая адрес Марины Столяровой в потрепанный блокнот.

Чайкин с сочувствием посмотрел на него и подмигнул Полине. Та снова улыбнулась, как и в самом начале встречи, лишь уголками губ, а щеки ее покрылись легким румянцем.

— Спасибо, коллега! — сказал Завадский, возвращая Полине смартфон. — Думаю, мы еще покрутим это дело. Да, Чайкин?

— Обязательно, — пропел тот, не отрывая взгляда от вконец смутившейся Полины.

— Ну, тогда пошли.

— Куда?

— Крутить, — ответил Завадский и вытолкал младшего напарника в коридор.

— Сан Саньч, и что теперь? В Старый Оскол ехать? — спросил Чайкин, едва они покинули Следственный комитет.

— Зачем?

— Ну, вы же адрес взяли?

— Ох, Чайкин, да это я так — на всякий случай. Неужели ты думаешь, что какая-то провинциальная девица притащилась черт знает откуда, чтобы в отместку за смерть сестры среди бела дня до смерти заколоть инсулином крутого бизнесмена, вину которого следствие даже близко не смогло доказать?

— Ну, типа того.

Завадский покачал головой.

— Лучше ищи брюнетку из отеля.

— Понял, — вздохнув, сказал Чайкин.

Швейцар предупредительно открыл дверь, и из гостиницы вышла роскошная высокая брюнетка в коротком золотистом плаще и такого же цвета сапожках на высоких каблуках. Екатерина Андреевна узнала ее сразу, ей даже не пришлось сверяться с портретом в телефоне. Брюнетка неторопливо сошла по ступенькам и села в подкативший к крыльцу белый «Мерседес».

— Мне пора! — объявила Екатерина Андреевна и рванула с места, как заправский спринтер.

Сархат даже рот открыл от удивления, а Анзур торопливо вытащил мобильник и включил камеру. Екатерина Андреевна подбежала к одному из двух желтеньких такси, припаркованных возле гостиницы «Славянка», и резво запрыгнула внутрь. Через мгновение такси взревело мотором, словно болид «Формулы-1» на старте, и, подняв облако пыли, умчалось вслед за скрывающимся из виду белым «Мерседесом».

— Уах! — сказали хором Сархат и Анзур.

Миновав три квартала, «Мерседес» свернул с дороги и, проехав под аркой, остановился во дворе внушительного «сталинского» дома. Екатерина Андреевна знала, что, в отличие от сквозных питерских, в Москве такие дворы, как правило, имеют только один въезд. Поэтому она попросила водителя притормозить и, расплатившись, нырнула в арку как раз в ту секунду, когда водитель «Мерседеса», седой коренастый мужчина, в полупоклоне открывал заднюю пассажирскую дверь. Брюнетка не спеша вышла. Водитель закрыл машину, проводил брюнетку до подъезда и зашел следом за ней. Екатерина Андреевна едва успела подставить ногу, прежде чем дверь в подъезд закрылась.

Оказавшись внутри, она осторожно огляделась, дабы убедиться, что здесь нет какой-нибудь свирепой охраны, и подошла к лифту. Индикатор показывал, что кабина остановилась на третьем этаже. Екатерина Андреевна прислушалась. Сверху доносились приглушенные голоса, затем захлопнулась дверь. Лифт поехал вниз. Екатерина Андреевна напустила на лицо выражение

надменности и, едва двери распахнулись, окинула водителя пренебрежительным взглядом. Выходя из лифта, он поздоровался и на мгновение задержал на ней взгляд. Екатерина Андреевна буркнула в ответ что-то несвязное и нажала на кнопку третьего этажа. Двери лифта закрылись, запах одеколона только что вышедшего отсюда мужчины мгновенно растворился, и Екатерина Андреевна оказалась окутанной едва уловимым и до боли узнаваемым ароматом. О боже! Тут невозможно было ошибиться. Этот запах — запах вечной французской классики от великой Коко — нельзя спутать ни с чем! Неужели среди современных женщин еще остались ценители поистине прекрасного?

Квартир на площадке оказалось всего две. Это сильно облегчало задачу, однако нужно было решить, в какую именно дверь следует позвонить. Подойдя к одной квартире, Екатерина Андреевна принялась — в нос ударил резкий запах краски. Сочтя, что такая роскошная дама, как брюнетка в золотистом плаще, вряд ли будет жить в квартире, где идет ремонт, Романова подошла к другой двери и осторожно потянула носом. Так и есть — она снова уловила аромат «Шанель № 5». Екатерина Андреевна решительно нажала на кнопку звонка.

«Динь-дон-н-н-н-н!»

Дверь бесшумно открылась, и на пороге возникла брюнетка, уже без плаща, но еще в «рабочем» атласном платье черного цвета, едва прикрывающем крепкие бедра, и в пушистых домашних тапочках на стройных ногах, длине которых позавидовала бы любая женщина, в том числе и Екатерина Андреевна. Брюнетка молча зыркнула сверху вниз на непрошеную гостью, затем посмотрела куда-то ей за спину. Екатерина Андреевна хотела было обернуться, но в это мгновение будто потолок обрушился ей на голову, и она потеряла сознание...

— Сан Саныч, я в гостинице!

Завадский отдернул голову от телефонной трубки и поковылял пальцем в ухе, словно выгоняя из него воду.

— Ты чего орешь? — спросил он, снова прильнув к трубке.

— Тетя Катя пропала!

— Какая тетя... А, ну да! Наша неутомимая мисс Марпл.

— Она села в такси и уехала! — продолжал вопить Чайкин.

— Ты можешь потише? — раздраженно рявкнул Завадский. — Давай толком, что она там еще натворила?

Чайкин глубоко вдохнул, задержал дыхание, потом резко выпустил воздух и посмотрел на двух таджиков, прижимающих к груди потрепанные метлы.

— Они говорят, что тетя Катя поехала за этой...
— Балшой дарагой женщин, — подсказал Сархат.
— Большой дорогой... — снова закричал в трубку Чайкин. — Тьфу! В общем, тетя Катя выследила ту брюнетку, которая была на записи с камер наблюдения, и поехала за ней.

— Кто они?

— Что?

— Я спрашиваю, кто они? Ты сказал «они говорят».

— А, ну эти двое, Сархат и Анзур, дворники.

— Ха! — усмехнулся Завадский. — Ну еще бы! Верные помощники твоей неумной тети. И что теперь?

— И теперь она не отвечает на звонки.

— Час от часу не легче! — проворчал Завадский. — Куда эта брюнетка поехала, конечно, неизвестно?

— Нет! Я пытался выяснить у администратора, никто ничего не знает.

— Как это они не знают? В жизни не поверю!

— Молчат, как партизаны. — Чайкин вздохнул. — Ни имени, говорят, не знают, ни адреса — ничего!

— Припугнул?

— А как же! Бесполезно.

— Выясни пока, может, кто-нибудь запомнил номер такси. Я сейчас приеду.

— Хорошо. — Чайкин отключил телефон и обреченно посмотрел на таджиков. — Значит, номера машины вы не запомнили?

Таджики синхронно покачали головами.

Завадский приехал очень быстро, на своей машине, и сразу устроил Чайкину выволочку за то, что он никак не успокоит свою чрезмерно инициативную родственницу и в очередной раз позволил ей совершить глупость.

— А вы? — Завадский грозно посмотрел на съехившихся таджиков. — Совсем памяти нет? Даже цифры не запомнили?

Таджики виновато устали себе под ноги.

— Ну, хотя бы какая машина? Может... на ней реклама была? Я не знаю...

— Вот такой машин была, — запинаясь от волнения, произнес Анзур и протянул Завадскому свой телефон, на экране которого Екатерина Андреевна с разбегу запрыгивала в такси.

— Твою... дивизию! — взревел Завадский. — Так что ж ты сразу...

Он выхватил телефон у перепуганного таджика и стал нетерпеливо крутить его.

— Чайкин!

— Да, я здесь! — отозвался Чайкин, из-за спины внимательно наблюдающий за манипуляциями начальника.

— Чего ты весь день орешь! — Завадский потер ухо. — Оглушить меня надумал? На-ка, увеличь это, там же номер должно быть видно.

Вскоре они уже мчались по адресу, который легко удалось выяснить через таксомоторную компанию. Чайкин взмок от волнения. Завадский, стиснув зубы, вцепился в руль и время от времени шептал проклятия в адрес сами знаете кого.

Охрану в доме, которая на самом деле была, только следила за происходящим в подъезде через камеры видеонаблюдения, Завадский нейтрализовал быстро, пригрозив уголовным делом за похищение человека. Собственно говоря, охранники, их было двое — крепкие ребята в черных костюмах, с именными бейджиками на груди, — даже не сопротивлялись. Они сразу рассказали, как заметили подозрительную женщину, проникшую в подъезд, и сообщили о ней телохранителям госпожи Горбачевой — той самой брюнетки, за которой следила Екатерина Андреевна. А дальше телохранители уже сами с ней разбирались.

— Где она? — петухом вскричал перевозбужденный Чайкин.

— Там, наверное. У Горбачевой в квартире.

Завадский хотел было что-то сказать, но вместо этого как-то нерешительно погрозил охранникам пальцем и вышел из дежурки. Чайкин прорычал что-то нечленораздельное и выскочил следом.

Дверь им открыла пожилая женщина в белом фартуке и чепчике — типичная горничная из девятнадцатого века.

— Я вас слушаю, — произнесла она низким грудным голосом.

В это время из глубины квартиры донесся неприлично громкий смех.

— Тетя Катя! — крикнул Чайкин и бросился в квартиру, едва не сбив с ног оторопевшую горничную.

— Я войду? — спросил Завадский, показывая свое удостоверение.

Горничная близоруко сощурилась, вглядываясь в документ, затем кивнула ипустила его внутрь.

Ворвавшись в просторную гостиную, обставленную роскошной мебелью, отдаленно напоминавшую французский ампир, Чайкин на мгновение замер. Возле камина, лицом к двери, в роскошном кресле с широкими подлокотниками, с резиновой грелкой на голове и чашкой кофе в руке сидела Екатерина Андреевна Романова. Увидев внучатого племянника, она улыбнулась и, кивнув кому-то, скрывающемуся за высокой спинкой такого же кресла напротив, сказала:

— Андрей Евгеньевич Чайкин, лейтенант полиции. Мой племянник. Внучатый.

— Очень рада! — слышался волнующий бархатный голос, от звука которого внутри у Чайкина все затрепетало, и через мгновение с кресла встала та самая брюнетка.

Чайкин нервно сглотнул и так выпучил глаза, что показалось, они вот-вот выскочат из орбит, как у волка, пляшущегося на красную шапочку, в одном американском мультике.

— Андрей! — Екатерина Андреевна укоризненно покачала головой. — Позволь представить тебе Ларису Ивановну Горбачеву.

Чайкин попытался ответить, но лишь просипел что-то внезапно пересохшим горлом.

— Это не вас случайно так настойчиво хотел Мимино? — донесся у него из-за спины голос Завадского. — Что ж, я его понимаю.

— Фу! Вечно вы все опешите, Завадский! — возмутилась Екатерина Андреевна.

— Ну что вы! — улыбнувшись, сказала Лариса Ивановна. — Это даже мило. Проходите, господин капитан.

Завадский машинально посмотрел на плечи своего плаща, словно проверяя, нет ли там погон.

— Екатерина Андреевна мне о вас рассказывала, — пояснила Горбачева.

— Да? — недоверчиво переспросил Завадский.

— Вы, оказывается, герой, Александр Александрович! Не раз спасали Екатерину Андреевну.

— Я?!

— Вот только сейчас она мне говорила, что вы непременно примчитесь ей на выручку. Да, Екатерина Андреевна?

Романова кивнула, с трудом сдерживая улыбку и опустив взгляд на чашку с кофе, которую по-прежнему держала в руках.

— И о вас тоже, Андрей Евгеньевич, рассказывала. Так что я, можно сказать, с вами обоими заочно уже знакома. Не считите за труд, возьмите вон те стулья и присаживайтесь к нам.

— Да, господа, прошу, — поддержала Екатерина Андреевна. — Мы как раз обсуждали с Ларисой Ивановной кое-какие детали, касающиеся нашего дела.

— Надо же, как интересно, — проворчал Завадский, присаживаясь. — А что у вас с головой?

— Это Руслан, мой телохранитель, перестарался, — пояснила Лариса Ивановна.

— Что?! — воскликнул Чайкин. — Теть Катя, тебя опять стукнули по голове?

— И все без толку, — выдохнул в сторону Завадский.

— Что вы сказали? — спросила Екатерина Андреевна.

— Я говорю, врачу надо показаться.

— Врач уже был, осмотрел. Все в порядке, — заверила Горбачева.

— А это? — Завадский показал на грелку на голове у Екатерины Андреевны.

— Лед.

— Ясно. Чайкин, да сядь ты уже, наконец! — бросил Завадский продолжающему метаться по комнате беспокоящему помощнику. — Так что вы тут обсуждали?

Он покосился на Ларису Ивановну и сразу, будто школьник, смутился, поскольку взгляд его, против воли, фокусировался не на глазах роскошной хозяйки дома, как того требовал этикет, а на ее пухлых малиновых губах, да к тому же постоянно предательски соскальзывал еще ниже. Горбачева едва заметно улыбнулась и сделала вид, что не заметила смущения бравого сыщика.

— Да, я как раз собиралась рассказать Екатерине Андреевне о том дне, когда сами знаете что произошло — не люблю произносить такие ужасные слова вслух, — сказала Лариса Ивановна. — Я была в дамской комнате, когда туда вбежала эта девочка. Она была бледная, явно чем-то напугана. Да и выглядела довольно странно, непривычно. Я поначалу не придавала этому значения и вышла, но потом решила вернуться, а когда подошла к двери, услышала, как она раз за разом повторяет: «Господи! Я этого не хотела!»

— Чего не хотела? — спросил Чайкин.

— Ну, уж этого я не знаю. Только когда я попыталась войти, она выскочила навстречу, едва не сбив меня с ног, и убежала. Вот и все.

— Простите, вы сказали, она выглядела непривычно. Вы эту девушку раньше встречали? — спросил Завадский.

— Конечно! Она работает в гостинице администратором. Новенькая, стажер еще.

— Я ее знаю! — воскликнула Екатерина Андреевна. — Блондинка, круглолицая такая.

— Вот-вот, блондинка. А тут она вдруг оказалась брюнеткой, да еще в черном вечернем платье вместо униформы.

— Выходит, она зачем-то переоделась, — констатировал Завадский.

— И перекрасилась, — добавил Чайкин.

— Она не перекрасилась, — возразила Екатерина Андреевна и подняла с пола лежавший у ее ног полиэтиленовый пакет. — Вот! — И она вытащила из пакета черный парик.

— Откуда у вас это? — прошептал Завадский.

— Теть Кать, отпечатки! — крикнул Чайкин.

— Пакет мой, а на парике вы отпечатки вряд ли найдете. И на этом тоже.

Вслед за париком Екатерина Андреевна извлекла из пакета черное атласное платье.

— Надо скорее ехать в гостиницу! — Чайкин вскочил и вопросительно посмотрел на Завадского.

— Едем! — ответила за Завадского Екатерина Андреевна.

— Поезжайте, капитан, — сказала Лариса Андреевна, вставая и протягивая руку Завадскому.

Тот резко встал и обхватил своими грубыми пальцами шелковистую ладонку хозяйки дома.

— Я надеюсь, мы еще увидимся? — промурлыкала Горбачева.

— Я... мне... Хм! Возможно.

— Приезжайте в гости, капитан. Я буду вас ждать.

— Благодарю! Но, боюсь...

— Вы меня боитесь?

— Нет, просто у меня мало...

— Времени? — Лариса Ивановна загадочно улыбнулась и томно моргнула. — Или денег?

— И того, и другого, — пробормотал Завадский, и Чайкин впервые в жизни увидел, как его начальник густо покраснел.

— Ну, времени я вам прибавить не могу, а насчет денег... не беспокойтесь. Я ведь приглашаю вас просто так, по-дружески. Это будет мой вам подарок.

— Но мне нечего будет подарить вам в ответ.

— Пригласите меня на ужин.

— Хорошо! Простите, нам пора, — пробормотал уже вконец сконфуженный капитан Завадский и, не глядя на Чайкина, а тем более на его ехидно улыбающуюся двоюродную бабушку, бросился вон из квартиры.

— Где ваша стажерка? — грозно спросила Екатерина Андреевна и для пушей важности хлопнула ладонью по стойке администратора.

— А вы, собственно, кто такие? — подозрительно глядя на странную троицу: гиперактивную старуху, угрюмого мужика и взъерошенного юнца — поинтересовался худошавый темноволосый администратор, молодой мужчина с зализанной прической и тонкими усиками.

Екатерина Андреевна помнила этого субчика, это от него она давеча вынуждена была скрываться, после того как напугала стажерку и та, видимо, пожаловалась старшим коллегам.

— А мы, собственно, из полиции! — в тон администратору ответил взъерошенный юнец, он же лейтенант Чайкин, и стукнул о стойку раскрытыми «корочками».

Завадский молча продемонстрировал администратору свои.

— Хм! — только и сказал администратор.

— Что «хм», молодой человек? — ещё более грозным голосом произнесла Екатерина Андреевна. — Где она? Как ее имя?

— Я должен сообщить руководству.

— Некогда! — рывкнул Завадский, заставив администратора вздрогнуть.

— Она... уволилась, — бледнея, пролепетал тот.

— Как уволилась? — воскликнул Завадский. — Когда?

— Сегодня. Часа два назад.

— И где теперь ее искать? — сокрушенно воскликнул Чайкин.

— Я н-не знаю.

— А имя? — напомнила Екатерина Андреевна.

— Марина Столярова.

Все трое переглянулись.

— Адрес! — зарычал Завадский.

— У вас там, в системе, анкеты работников есть? — со знанием дела спросил Чайкин, кивая на компьютер.

— К-конечно.

— Ну так распечатай.

— И побыстрее! — добавил Завадский.

— В трех экземплярах, — уточнила Екатерина Андреевна.

Через минуту все трое держали в руках по листку бумаги с портретом Марины Столяровой, контактным телефоном, адресом в Старом Осколе и адресом съемной квартиры в Москве, той, где Чайкин с Екатериной Андреевной уже побывали.

— Телефон отключен, — сказала Екатерина Андреевна, отнимая от уха трубку мобильного. — Андрей, а ты узнал адрес квартиры, которую купила ее сестра?

— Какой еще квартиры? — грозно спросил Завадский. — Почему я ничего не знаю?

— Сан Саныч, я думал, это к делу отношения не имеет, — стал оправдываться Чайкин.

— В нашем деле все имеет отношение к делу!

— Я думал, что Марина давно уехала, сразу после похорон сестры. Вы же тоже так думали, Сан Саныч.

— Ближе к делу, Чайкин!

— Вера Столярова незадолго до смерти купила квартиру в ипотеку. После ее смерти Марина должна была что-то с этим сделать.

— Ну и?

— По всей видимости, все это время Марина жила именно в этой квартире. Тетя Катя посоветовала проверить в реестре недвижимости, и...

— Чайкин, не томи!

— В реестре зарегистрировано оформление права собственности на имя Марины Столяровой на основании подтвержденного наследства, а потом продажа этой квартиры.

— Когда зарегистрирована продажа?

— Вчера.

— Так чего мы ждем? — воскликнула Екатерина Андреевна. — Поехали скорее, вдруг она еще не успела съехать.

— Чайкин! Адрес! — рявкнул Завадский.

Дверь никто не открывал. Екатерина Андреевна продолжала давить на кнопку звонка, Завадский стучал кулаком, Чайкин пинал ногой.

Дверь соседской квартиры приоткрылась, из нее выглянула старушечья физиономия в платке и низким голосом проворчала:

— Ходюте и фулюганюте! Ходюте и фулюганюте!

— Эй, бабуля! — крикнул Завадский, бросаясь к ней, но старуха захлопнула дверь у него перед самым носом.

В это время из квартиры напротив выглянула девица с шарфом на шее, в рваных джинсах и розовом топе, оголяющем пупок, украшенный здоровенным кольцом. На лице, покрытом вызывающим макияжем, тоже поблескивали бесконечные колечки: в ушах, на бровях, на носу, — а над и под губами торчали разнокалиберные шарики. Из-за спины у девицы выглядывал лохматый пес.

— Ну, и чего мы ломимся?

— Девушка! — Чайкин бросился было к ней, но сразу отступил назад, едва пес, высунув из двери оскаленную морду, глухо зарычал. — Мы из полиции. Вот мое удостоверение.

Девица затолкала пса в квартиру и прикрыла дверь.

— Мы ищем вашу соседку.

— Которую? — прищурившись, спросила девица.

— Послушайте, не валяйте дурака! — вмешался в разговор Завадский. — Вы прекрасно знаете какую — Марину.

— А чего это я дурака вдруг валяю? — безразлично скривившись, протянула девица. — Вам надо, вы и ищите.

— Голубушка! — воскликнула Екатерина Андреевна. — Нам она очень-очень нужна! Сделайте милость, помогите!

— Да я-то чего, — смутилась девица. — Уехала она.

— Когда? — хором воскликнули все трое — Екатерина Андреевна, Завадский и Чайкин.

— Да только что. Ну, может, с час где-то. Она ж квартиру эту продала. Жалко, конечно! Хорошая девчонка, было хоть с кем пообщаться. А то здесь одни старые перечницы кругом... — Девушка осеклась, взглянув на Екатерину Андреевну, но Романова и виду не подавала, что оскорбилась.

— А куда? Куда, голубушка? — в тон Екатерине Андреевне умоляющим голосом спросил Завадский.

— Сказала, что домой, в Старый Оскол.

— На вокзал! — скомандовала Екатерина Андреевна, и вся троица на глазах у изумленной любительницы пирсинга ринулась вниз по лестнице.

— А если она не на поезде? — спросил Чайкин, когда они уже мчались на машине по Садовому Кольцу.

— А на чем? — спросил Завадский.

— На самолете.

— В Старый Оскол самолеты не летают, — отозвалась с заднего сиденья Екатерина Андреевна. — А вот автобусом вполне можно добраться.

— Чайкин, ну-ка посмотри, — велел Завадский, и Чайкин полез в смартфон.

— Есть! — воскликнул он. — На семичасовой она вряд ли успела, а вот есть еще девятичасовой, отходит почти в то же время, что и поезд. Что будем делать?

— Что делать, что делать... — проворчал Завадский. — Я вас двоих высажу у вокзала, а сам поеду на автостанцию. Где она?

— На Красногвардейской.

— Вот черт! Далековато, могу не успеть.

— Остановите у «Атриума», — предложила Екатерина Андреевна. — Мы добежим.

— Резонно, — согласился Завадский и резко затормозил напротив сияющего витринами торгового центра «Атриум».

Едва Екатерина Андреевна и Чайкин захлопнули двери, он дал по газам, и старенькая «Лада» резво нырнула в мчащийся по широкой улице автомобильный поток.

— И где нам ее искать? — выдохнул Чайкин, когда они вбежали в здание вокзала.

— Поезд еще не подали, — сказала Екатерина Андреевна, пробежав глазами по табло расписания. — Значит, в зале ожидания.

Однако в зале ожидания Марины не было.

— Может, она в кафе? — предположил Чайкин.

— Сомневаюсь. Она так тщательно готовилась к отъезду. Неужели бы она не запаслась едой в дорогу? К тому же люди из провинции более рациональные, чем мы, и не станут без надобности тратить на всякое баловство.

— Выходит, когда мы с тобой заходим в наше кафе попить кофе — это баловство?

— Мы, столичные жители, — избалованные. И, к сожалению, поделаться с этим ничего нельзя, — со вздохом произнесла Екатерина Андреевна и вдруг спросила: — А здесь нет другого зала ожидания?

— Не знаю, сейчас спрошу.

Еще один зал ожидания оказался на втором этаже. Марину они увидели издалека. Она сидела в противоположном конце зала, облокотившись о стоявший в ногах чемодан и глядя в одну точку. На ней была зеленая трикотажная кофточка, простенькие джинсы и кроссовки. Рядом на спинке кресла лежала куртка. Чайкин знаком показал Екатерине Андреевне, что надо обойти беглянку с двух сторон. Но едва они двинулись в сторону Марины, она повернула голову и узнала в крадущейся вдоль стены старушке ту самую подозрительную особу, которая с утра до смерти ее перепугала. В это мгновение Екатерина Андреевна как раз обернулась на Чайкина, и Марина заметила его тоже. Сообразив, что эти двое явились по ее душу, она вскочила, схватила куртку, чемодан и рванула к выходу. Но Чайкин оказался резвее и, перепрыгнув через два ряда кресел, свалив, правда, по пути несколько сумок и столкнув на пол мирно спящего в креслах давно не бритого и не мытого гражданина, перегородил ей дорогу. Недолго думая, Марина швырнула Чайкину в лицо куртку, а под ноги чемодан. Куртку-то он поймал, а вот о чемодан споткнулся и с грохотом растянулся на полу.

Тем временем Марина уже соревновалась в беге с Екатериной Андреевной и, конечно, обыгрывала ее. Но единственный оставшийся путь к отступлению оказался тупиковым и вел к туалетам. Марина нырнула в туалет, помахав перед носом у вахтерши своим билетом.

Екатерина Андреевна хотела было проскочить следом, но бдительная вахтерша остановила ее грозным окриком:

— Тридцать рублей!

— За что? — искренне удивилась Екатерина Андреевна.

— За то!

— А она? — Екатерина Андреевна кивнула в сторону двери дамского туалета, за которой скрылась Марина.

— У нее билет.

Пришлось Екатерине Андреевне раскошелиться.

Прежде чем войти, она достала платочек и приложила его к носу — Романова с юности не переносила запаха общественных

туалетов, особенно после того, как волею судьбы побывала в разных странах и посмотрела, какие туалеты бывают там. Однако сие заведение оказалось весьма чистым, и никаких неприятных «ароматов», разве что легкий запах хлорки.

Екатерина Андреевна осмотрелась. В туалетной комнате было четыре кабинки, две из них — свободны. Возле умывальника полная представительница одного из южных народов подмывала хнычущего младенца. Рядом плескались и обливали друг друга водой еще четверо черноволосых бесенят.

Екатерина Андреевна ополоснула лицо, затем достала пудреницу и прошлась тампоном по щекам. Дверь одной из кабинок распахнулась, и из нее вывалилась здоровенная бабища с огромным баулом. Екатерина Андреевна удивленно посмотрела на опустевшую кабинку, не понимая, как эта тетка могла там поместиться вместе со своим багажом. Тетка, не помыв рук, что вызвало на лице Екатерины Андреевны брезгливую гримасу, вышла. Тем временем представительница южного народа завершила водные процедуры и тоже вышла вместе со всем своим вывонком. В туалетной комнате никого не осталось: только Екатерина Андреевна и одна закрытая кабинка.

Романова постучала в дверцу. Тишина.

— Марина, я знаю, что вы там. Нам нужно поговорить... Меня зовут Екатерина Андреевна Романова, я, как бы это сказать, — частный детектив. Неофициально, конечно. Я просто помогаю моему племяннику, внучатому. Он работает в полиции и занимается делом об убийстве... ну, вы знаете, кого... Мы изучили все обстоятельства дела, все улики — против вас. Мы нашли парик и платье. Вам лучше сдать добровольно, не нужно убегать, этим вы только хуже себе сделаете. Вас ведь все равно найдут и... Марина, вы слышите? Откройте, пожалуйста. Обещаю, я сделаю все возможное, чтобы вам помочь. Но если вы сами не захотите себе помочь, не проясните детали, если сами не расскажете, как все произошло, будет очень сложно установить истину. Я знаю, что вы не хотели этого делать, и, вероятно, все произошло случайно. Я даже уверена в этом и понимаю, как вам тяжело. Помогите мне, и я помогу вам сбросить с души этот камень. Ведь это все из-за сестры, да? Из-за Веры? Мы проведем повторное расследование и докажем, что ее убил Мардасов. Но без вас мы этого сделать не сможем... Марина! Детка!

Из кабинки донесся тоненький писк. А через мгновение дверца открылась. Марина Столярова сидела на закрытом крышечке унитаза и, закрыв лицо руками, плакала навзрыд.

— Ну что вы, что вы, голубушка!

Екатерина Андреевна обхватила руками ее голову и присжала к себе. Марина уткнулась ей в живот и зарыдала еще громче, словно выплескивая все те страдания, которые пришлось долгое время носить в себе.

— Вот вы, значит, какая, женщина в черном! Ну что ж, Марина Дмитриевна. — Завадский уткнулся подбородком в сцепленные пальцы рук. — Мы вас очень внимательно слушаем.

Марина сидела напротив него на стуле, опустив голову и уставившись на прожженную в линолеуме дырку. Дырке этой было уже лет десять или двадцать, появилась она еще тогда, когда в кабинетах можно было курить и кто-то, вероятно, уронил на пол зажженную сигарету. Может, кто-то из своих, а может — потерпевший или, наоборот, подозреваемый, неважно — им когда-то тоже разрешали здесь курить. Екатерина Андреевна настояла, чтобы допрос проводился в кабинете, а не в специальной допросной комнате, где атмосфера была настолько гнетущая, что ей зачастую самой хотелось признаться в совершении какого-нибудь преступления или, по крайней мере, неблагоприятного поступка. Романова и Чайкин сидели сбоку и пытливо смотрели на задержанную.

— Когда мне сообщили, что Вера... погибла, я оразу приехала, — начала свой рассказ Марина. — Похороны. Хлопоты. Денег у меня было очень мало, хорошо с Вериной работы помогли — я бы одна это не осилила... Мы ведь с ней вдвоем остались, папа с мамой давно умерли, мне еще шестнадцать было, а Вере — восемнадцать. Она сразу пошла работать на кондитерскую фабрику, а меня отправила учиться в техникум. Так что я у нас в семье одна образованная. После учебы тоже пошла на кондитерскую фабрику, в службу охраны — у меня специальность «обслуживание охранных систем». Но денег все равно не хватало. Вот Вера и решила податься в столицу, ей кто-то из знакомых посоветовал. Я ее отговаривала, но она все равно уехала. И все хорошо у нее тут сложилось, деньги неплохие зарабатывать стала, квартиру сняла. Я к ней два раза приезжала. Потом она решила, что нам обеим надо жить в Москве, решила взять ипотеку... И вот... — Марина наконец подняла голову и взглянула на Завадского. — В общем, я телеграмму получила. Приехала. А потом узнала, что в убийстве Веры подозревают этого... гада. Даже суд был, я была на заседании. Только это все таким фарсом оказалось. Ведь было совершенно очевидно, что он виновен, но никто даже не попытался это доказать. Мне так обидно стало, и я решила сама это сделать. Сначала я устроилась на работу в его фирму секретарем. Я узнала, что на этой должности никто надолго не задерживается, а главное,

что берут на нее только блондинок. Странно, правда? Оказывается, отдел кадров специально не брал на должность секретаря Мардасова брюнеток, потому что у него на них... не знаю, как сказать. В общем, он ни одной брюнетки пропустить не может, у него это что-то вроде мании было. А блондинок он терпеть не мог. Поэтому при любой возможности выгонял с работы. Так и со мной вышло. Но я успела многое узнать... Простите, можно мне мою сумку?

— Зачем это? — поинтересовался Завадский.

— Там глюкометр. Мне кажется, у меня сахар высокий. Надо измерить. — Она взглянула на Екатерину Андреевну, словно ища поддержки, потом снова посмотрела на Завадского и пояснила: — Диабет.

— Да, конечно! — спохватился Завадский. — Чайкин, подай.

Марина достала из сумки прибор и сделала экспресс-анализ крови.

— Нужно сделать укол, — сказала она.

— Делайте, — разрешил Завадский и отвернулся.

Чайкин сделал вид, что тоже отвернулся, а сам продолжал коситься на Марину, которая тем временем задрала кофточку и делала укол себе в живот, за что и получил локтем в бок от бдительной Екатерины Андреевны.

— А еще узнала, что он собирается отмечать юбилей своей компании и устраивает по этому поводу большой фуршет, — продолжила Марина, вернув Чайкину свою сумку. — Правда, не знала где и когда. Но я позвонила его новой секретарше и все выяснила. Дату и место — гостиница «Славянка». Тогда я устроилась туда на работу. Мне было нужно подловить его где-нибудь, чтобы остаться с ним наедине. Нигде больше этого сделать было нельзя.

— Позвольте, — перебила ее Екатерина Андреевна. — А вы не боялись, что Мардасов вас узнает?

— Я была уверена, что он меня вообще не помнит. Мне кажется, он даже ни разу не посмотрел на меня, пока я у него работала. Я же не брюнетка.

— Поэтому вам понадобился этот маскарад с париком и вечерним платьем? — уточнил Завадский.

— Да, мне нужно было, чтобы он обратил на меня внимание, — пояснила Марина, — чтоб хотя бы ненадолго потерял над собой контроль.

— И лучшего места вы не нашли? — Завадский хмыкнул. — Знаете, если б ко мне в сортир ворвалась молодая женщина, я бы тоже потерял над собой контроль. И не важно, брюнетка она или блондинка.

— Но мне нужно было, чтобы он признался!

— Признался в чем?

— В убийстве Веры. Я переделалась и ждала, когда он пойдет в туалет.

— Значит, вы не ждали его там?

— Нет, я ждала в лобби, оттуда хорошо видно коридор, который ведет к туалетам.

— А как вам удалость отключить камеру видеонаблюдения? — спросил Чайкин. — Ведь на записи вас нет!

— Лазерная указка.

— Вы ослепили камеру лазерной указкой?

— Да, я знала, что это даст мне по крайней мере пять секунд — достаточно, чтобы проскочить незамеченной.

— Потрясающе! — воскликнула Екатерина Андреевна.

— Умно! — согласился Завадский.

— Сначала Мардасов меня не заметил, — продолжала Марина, — но когда я вошла следом за ним в кабинку, он, конечно, на мгновение опешил. А потом решил, что я одна из гостей и хочу с ним... Боже! Даже вспомнить противно. Он стал ко мне приставать. Я... я пыталась делать вид, что этого и добивалась. Кое-как я усадила его и сделала вид, что хочу... Господи! — что хочу раздеться. Он опять стал хватать меня своими потными руками. У меня под платьем, в чулке, был спрятан шприц с инсулином. Я выхватила его, воткнула ему в шею и сказала, что в шприце кислоты, и если он сейчас же не признается в убийстве Веры, я вколю ему ее и... Он замер, а потом как зарычит! Кто ты, мол, такая? А я: сестра Веры, которую ты, подонок, убил. А он: ах ты... ну, нехорошее слово сказал. И сестра, говорит, твоя такая же. Ее, говорит, грохнул и тебя замочу. И как дернется! Я испугалась и случайно на поршень шприца надавила. Он как будто удивился. А потом вдруг побагровел, захрипел, глаза налились. Я хотела выбежать, но услышала, что кто-то вошел, и прикрыла дверку. А этот... Мардасов мордой своей потной в меня уткнулся, губами слюнявыми шевелит, будто сказать что-то хочет. Я его сильнее прижала, чтобы тот, кто вошел, ничего не услышал. А он, Мардасов, вдруг обмяк. Я подумала, отключился. В смысле, сознание потерял. Хотела уйти, а тот, который вошел, слышу, воду включил. Пришлось ждать. Гляжу, а Мардасов не дышит. Ну тут я, конечно, запаниковала. Дверку приоткрыла, а там Фрайман. Я его хорошо помнила, он слепой совсем. Вижу, без очков стоит. Значит, не узнает. Шприц вытерла, чтоб отпечатков не было, и, сама не знаю зачем, ему в карман сунула. И ушла. В женский туалет. Кое-как пришла в себя. Потом побежала в служебную комнату. Конечно, камеру по дороге снова ослепила. Переделалась и вернулась на стойку

администрации. Пыталась спрятать парик и платье, но у меня так дрожали руки, что я никак не могла завернуть их в пакет. А тут вы еще появились. — Марина взглянула на Екатерину Андреевну.

— Так вот что вы там делали!

— Да, а потом выкинула все на помойку.

— А дальше? — спросил Чайкин.

— Остальное вы знаете. Кое-как продала Верину квартиру и хотела уехать домой.

— Я одного не могу понять, — сказал, почесав за ухом, Завадский. — Ну, допустим, все, что вы говорите — правда. Хотя я все же кое в чем сомневаюсь. В отличие от... — Он бросил взгляд на Екатерину Андреевну. — И все же, чего вы этим добились? Ну, признался он вам, а дальше что? Ведь кроме вас никто его признаний не слышал. И никаких доказательств, что вы сделали ему укол случайно, нет. А ведь человек умер! Ладно бы вы записали все это на какую-нибудь скрытую камеру...

— Так я записала, — едва слышно произнесла Марина.

Завадский на мгновение замер с открытым ртом, а потом медленно проговорил:

— Так какого же вы мне тут...

— Где запись? — внезапно осипшим голосом просвистел Чайкин.

— В телефоне.

— А телефон? — хором спросили Завадский и Екатерина Андреевна.

— Там, в сумке, — ответила Марина, кивнув на Чайкина, который до того увлекся, что все это время продолжал держать сумку в руках.

Чайкин от неожиданности едва не выронил ее. Потом посмотрел на Марину и, не решаясь копаться в чужих вещах, передал сумку хозяйке.

— Вот, — сказала Марина, протягивая Завадскому беленький смартфон с игрушечным мышонком на цепочке.

Судебное заседание длилось недолго. Марину признали виновной в причинении смерти по неосторожности. Учитывая все обстоятельства дела, суд назначил ей наказание в виде исправительных работ сроком на два года с отбыванием по месту ее старой работы — на старо-оскольской кондитерской фабрике. Благодаря предоставленной видеозаписи вновь было открыто дело об убийстве Веры Столяровой и наконец-то расставлены все точки над «i», а следователь Скала получила благодарность от начальства.

До вокзала Марину провожали большой компанией: Екатерина Андреевна, Чайкин, Завадский, Фрайман с женой, Полина Скала и примкнувшая к ним Лариса Ивановна Горбачева, озабочившаяся судьбой девушки из Старого Оскола, поскольку сама была родом с Белгородщины.

Посадив Марину в поезд, все вышли на привокзальную площадь и стали прощаться.

— Теть Катя, я задержусь еще немного, — сказал, почему-то смущаясь, Чайкин. — У меня дела.

— Конечно, Андрюша, дела — прежде всего! — улыбнувшись, ответила Екатерина Андреевна, искоса поглядывая на симпатичную девушку по фамилии Скала.

Возле них остановился белый «Мерседес», задняя дверь призывно распахнулась.

— Да, у меня тоже дела, — спохватился Завадский.

— Капитан! — промурлыкала Лариса Ивановна. — Вы забыли?

— О чем?

— Вы должны мне ужин.

— Но...

— Никаких «но»! — властным голосом объявила Горбачева, заталкивая Завадского в «Мерседес».

— А мы — в метро, — сказала Ольга Моисеевна Фрайман. — До свидания, Екатерина Андреевна. Еще раз спасибо вам за все!

— Не за что! — улыбнувшись, ответила Екатерина Андреевна. — Всего хорошего!

Она подала руку Ивану Абрамовичу, и он, поклонившись, поцеловал ее. Ольга Моисеевна незаметно дернула его за рукав, и счастливая пара удалилась в сторону станции метро «Курская».

— Ну вот и славненько! — сказала Екатерина Андреевна. — Наконец-то побуду одна. Какой прекрасный вечер!

Она вышла на Садовое кольцо. Уличные фонари кланялись ей, освещая путь теплым светом. Мимо проносились улыбающиеся яркими фарами автомобили. Навстречу спешили счастливые люди, возвращающиеся с работы. Кто-то с сумками, полными продуктов, кто-то с букетом цветов.

«Вот так всегда! — подумала Екатерина Андреевна. — У всех кто-то есть, только я, как обычно, встречаю вечер в одиночестве».

В кармане плаща завибрировал телефон. На экране высветилась надпись «Неизвестный».

— Алло! — осторожно проговорила в трубку Романова.

— Добрый вечер, Екатерина Андреевна!

— Артур Янович? — удивилась она. — Какими судьбами?

— Да вот подумал, вам, наверное, грустно брести в такое время по улице в одиночку.

Екатерина Андреевна огляделась по сторонам.

— Да и похолодало к вечеру. Холодно, поди, в таком плаще?

— Артур Янович! Опять эти ваши штучки!

Романова задрала голову и увидела на столбе камеру видеонаблюдения.

— Как вам не стыдно! — она погрозила камере кулаком.

— Ну-ну! Екатерина Андреевна, голубушка, вам это не идет.

— Вы злоупотребляете служебным положением.

— Только в исключительных случаях.

— И вообще, прекратите меня компрометировать!

— Что вы, что вы! И в мыслях не было.

— Вам уже лет пятнадцать как положено на пенсии быть, а вы все в игрушки играете.

— В нашем деле пенсия — неслыханная роскошь. Вам ведь тоже на месте не сидится?

— Я, между прочим, собираюсь вернуться в университет. Меня уже год ректор уговаривает кафедру взять. Так вот!

— Ах, как вы сейчас очаровательно дернули головкой!

— Артур Янович!

— Простите, не удержался. И все же, что, если я предложу вам провести сегодняшний вечер в компании одного пожилого... джентльмена?

— Выразитесь яснее, — кокетливо взглянув на камеру видеонаблюдения, сказала Екатерина Андреевна.

— Разрешите пригласить вас на ужин.

— Хм, надо подумать. У меня вообще-то были планы... Но я полагаю, что могу выкроить немного времени.

— Буду вам очень признателен. Впереди, шагах в ста, вы найдете очень милый ресторанчик. У окна забронирован столик. На имя, которое вы носили в мае семьдесят девятого в Касабланке. Ориентир — букет из белых роз.

— Полагаю, из тринадцати?

— Как всегда.

— И сколько мне придется вас ждать?

— Девять минут, тридцать пять секунд.

— Долго, конечно, но я, так и быть, подожду.

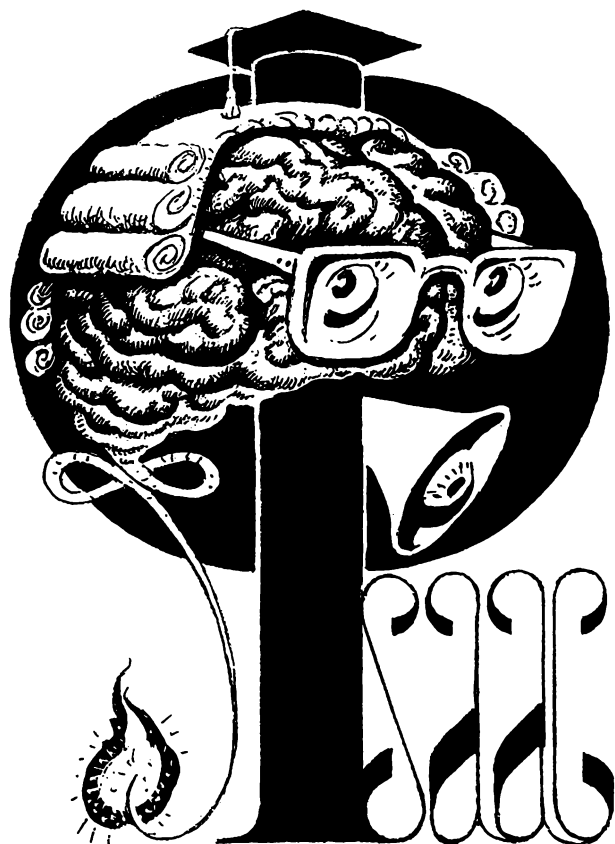
— Надеюсь, стаканчик глинтвейна, который официант уже ставит на столик, скрасит ваше непродолжительное одиночество.

— Артур Янович! Он же остынет! — осуждающе воскликнула Романова и торопливо зашагала по направлению к ресторану.

В ответ телефонная трубка засмеялась и отключилась.

— Ох уж эти мужчины! — вздохнула Екатерина Андреевна. — Никакого от них покоя!

Павел АМНУЭЛЬ
АЙЗЕК

— Значит, придется опять переносить заседание, — поморщился судья Бейкер. Заседание придется переносить уже в третий раз. На прошлой неделе об отсрочке просил адвокат обвиняемого Вильям Ковельски под тем предлогом, что он не успел изучить все материалы, предоставленные полицией и прокуратурой. Не успел! За три недели, которые были в его распоряжении. Понятно, адвокат не смог найти лазейку в беспроигрышном для обвинения деле, вот и решил потянуть время. Пришлось согласиться — формально придаться к просьбе было невозможно. Второй раз слушание перенесли из-за сущей чепухи — прорвало трубу, и зал заседаний затопило. Справиться со стихийным бедствием удалось только к вечеру, на следующий день назначен был другой процесс, и начало слушаний по делу Долгова пришлось передвинуть на вторник. Назначили. Обвиняемого в третий раз перевезли из тюрьмы штата в камеру во Дворце правосудия. Присяжные заняли свои места. И что? За четверть часа до начала заседания звонит Керстон, начальник полиции, и говорит: «У нас очень неприятная ситуация. По дороге в суд эксперт-криминалист Клаудио Варди попал в аварию, столкнулся с грузовиком. Я пока не знаю подробностей, но Варди в больнице, без сознания. Врачи полагают, что угрозы жизни, скорее всего, нет, но... Судья, вы понимаете, что...»

— Я понимаю, что Варди не сможет участвовать в сегодняшнем заседании, — мрачно сказал Бейкер. — Это рок какой-то. У нас сегодня по плану заключение научно-технической экспертизы.

— Знаю, но...

— Можете прислать замену? Бергмана, например. Или Стеллера?

— Нет, — с сожалением отозвался Керстон, — ни они, и никто другой из экспертов-криминалистов не владеют по этому делу полной информацией, а на подготовку у любого из них уйдет неделя, если не больше. У каждого дел по горло, вы знаете, Джош, как загружена экспертная группа.

— Опять придется переносить заседание, — поморщился судья. — И на неизвестный срок! Кен, вы знаете процедуру.

— Конечно. Сейчас вам на почту перешлют документ из больницы.

— Хорошо. — Судья привычным жестом пригладил вечно торчавший над лбом клочок седых волос. — То есть ничего хорошего, конечно. Просто рок какой-то, — повторил он.

— Все в жизни бывает, — философски заметил Керстон. — Но послушайте, почему бы... Я хочу сказать, что результат научно-технической экспертизы может доложить суду и Айзек. Все равно Варди без Айзека как без рук... э-э... то есть без головы, я хотел сказать. Если Айзека перевести в режим общения...

— Да что вы такое говорите, Кен! — возмутился судья. — Это прямое нарушение...

— А вот и нет! Не существует инструкции, где написано, что Айзек не может представлять суду им же составленное экспертное заключение.

— Нет такой инструкции, потому что никому в голову не приходило... — начал судья и осекся посреди фразы. Да, не приходило, но, в принципе... И тогда не придется в третий раз переносить слушание. Присяжные на месте, прокурор с командой, адвокат, обвиняемый дожидается в запертой комнате под надзором полицейских, зал полон, журналисты, опять же...

Может, действительно?..

— Формально, комиссар, — сухо произнес судья, — у меня нет оснований возразить против участия Айзека в представлении суду экспертного резюме. Но...

— Вы когда-нибудь разговаривали с Айзеком, Джош? — В голосе Керстона послышались нотки ехидства.

— Не довелось, — коротко отозвался Бейкер и добавил после паузы: — Общаться с искусственным интеллектом — прерогатива тех, чьим помощником он является. В суде это, как вы знаете, кроме эксперта, только прокурор и адвокат.

Мог бы обойтись без напоминаний, Керстон не любит, когда ему напоминают о вещах, которые он прекрасно знает.

— Уверяю вас, судья... — Голос начальника полиции зазвучал совсем сухо. Обиделся, конечно. — Уверяю вас, Айзек умеет общаться не хуже любого... э-э... человека. Джош, — добавил он нормальным, даже немного участливым тоном, — я понимаю, что... В общем, решать вам.

— Создать прецедент... — пробормотал судья.

Войти в учебники, да. В каком качестве?

— Хорошо, — вздохнул Бейкер и посмотрел на часы. Без семи минут...

— Хорошо, — повторил он и добавил, уже отключив связь: — Просто рок какой-то!

★ ★ ★

— Итак, — сказал судья, уладив рутинные вопросы, связанные с присяжными, выслушав и отвергнув просьбу прокурора о том, чтобы судебные заседания проходили в закрытом режиме, а также повторную просьбу адвоката о переносе заседания из-за того, что защита имела недостаточно времени для детального ознакомления с материалами дела.

— Итак, — повторил он, — сегодня у нас по плану до обеда — показания сержанта Джексона, майора Барлоу, руководителя группы криминалистов, и судмедэксперта, доктора Брадича. Секретарь, вызовите сержанта Джексона.

Сержант Джексон третий год работала в патрульной службе в паре с сержантом Алеком Суарезом. Это была красивая чернокожая женщина тридцати двух лет, и все — разумеется, и судья — знали, каких усилий стоило ей получить работу, с которой справлялся не всякий полицейский-мужчина. Вообще говоря, район, который патрулировали Джексон с Суарезом, считался тихим — квартал на берегу океана, где жили зажиточные горожане, большая часть которых работала на расположенных за городом предприятиях «Интеля» и «Амазона». Средний класс. В зону патрулирования входили также два островка в полукабельтове от берега: остров святого Лаврентия — пустынный, скалистый, необитаемый, куда изредка заглядывали коллеги из береговой охраны. С ними Джексон находилась в постоянном контакте, а проще говоря, болтала о политике и семейных проблемах. Второй остров, находившийся под совместным патрулированием, носил странное название Вакуаку, и там, среди густой зелени, располагались три коттеджа, принадлежавшие директорату «Интеля»: в двух жили приезжавшие время от времени члены совета директоров, а в третьем проводили заседания, на которых решали неотложные проблемы. Чаше, впрочем, руководители фирмы приезжали на остров с семьями, чтобы отдохнуть пару дней, поплавать в лагуне и половить крабов. Оба острова были соединены с берегом мостиками, построенными еще в середине прошлого века.

Сержант принесла присягу и начала рассказывать, что произошло ранним утром 18 октября прошлого года — три с половиной месяца назад. Судья слушал внимательно, время от вре-

мени отмечая в ноутбуке места, которые, в принципе, могли вызвать полемику между адвокатом и прокурором. Обвиняемый выглядел рассеянным, взгляд его блуждал, пальцы нервно подрагивали. Вчера, в день начала процесса, отвечая на вопрос судьи, Долгов тихим и отрешенным голосом сказал, что невиновен, и хотел, похоже, добавить еще несколько слов, но судья не позволил обвиняемому продолжить фразу. На данном этапе от него требовалось быть кратким и не устраивать дискуссию. «Да» или «нет». Нет. Нормально. Судья помнил лишь три случая за свою долгую практику, когда обвиняемые отвечали «да» на вопрос о своей виновности. В одном случае судья обвиняемого оправдал за отсутствием надежных улик. Речь шла о крупном хищении в консалтинговой компании. В прессе тогда много судачили о неожиданной мягкости судьи Бейкера, и пересуды прекратились лишь после того, как в полицию с повинной явился настоящий преступник. Явился, кстати, не потому, что его заела совесть. После оправдания Гаррет — так звали обвиняемого — нанял частного детектива, и тот, проделав работу, которую полиция не довела до конца, вышел на человека, совершившего подлог и подставившего собственного сотрудника. Судья был доволен тогдашним решением. Сейчас ничего подобного произойти не могло — в обвинительном заключении прокурор представил веские доказательства.

Судья еще раз поднял взгляд на Долгова — тот напряженно смотрел на сержанта Джексон, надеясь, похоже, что она скажет хоть что-нибудь противоречащее вчерашним словам прокурора. Напрасно надеялся — обвинительное заключение было построено на тщательном полицейском расследовании, в том числе и на показаниях сержанта, которые она сейчас добросовестно повторяла почти слово в слово:

— Мы проезжали по набережной Боргуолк, и Суарез обратил мое внимание, что на острове Вакуаку ворота не закрыты, как обычно, а приоткрыты. Территория находится на охранной сигнализации, и то, что сигнализация не сработала, означало, что ворота открыли с помощью кодового сигнала. Видимо, ночью приехал кто-то из фирмы. Ничего необычного, так часто происходило, кто-то приезжал, кто-то уезжал, но ворота обычно за собой закрывали. Поэтому... — Сержант перевела дыхание, длинные фразы давались ей с трудом, но она считала, что в суде нужно изъясняться на особом, юридически выверенном, языке — в жизни наверняка говорила иначе.

— Поэтому, — продолжала сержант, — я решила посмотреть, в чем причина неопорядка. Мы переехали мост, за рулем находился

сержант Суарез, я вышла из машины и прошла в открытые ворота. Свет во всех трех домиках был погашен, на стоянке слева от ворот стояли две машины — «Крона» с номером восемь-один-пять-эй-эс-тринадцать и «Тойота» с номером четыре-семь-пять-семь-эн-уай-два-шесть. У входа в коттедж номер три лежало тело мужчины без признаков жизни. Я осмотрела тело, не дотрагиваясь до него. Мужчина был определенно мертв, лежал на спине, раскинув руки. Правая нога вытянута, левая подогнута. В углу рта — кровь, уже застывшая. Под телом также была кровь, тоже застывшая. Я вызвала группу криминалистов, и мы с Суарезом дождались их прибытия. Ждали в автомобиле на берегу, держали остров в поле зрения. После прибытия криминалистов продолжили патрулирование.

Джексон замолчала, будто ее выключили.

— Спасибо, сержант, — сказал судья и обратился к прокурору: — У обвинения есть вопросы к свидетелю?

— Нет, ваша честь.

— Защита? — обернулся судья к адвокату.

Ковельски покачал головой.

— Вопросов нет.

Обвиняемый, сидевший с опущенной головой и крепко сцепленными ладонями, сделал движение, будто хотел остановить выходящую из зала Джексон. Движение осталось незаконченным, взгляд — по-прежнему устремленным в пол. Долгов тяжело вздохнул, а судья, услышав вздох, провел ладонью по столу, будто стирая звук, и вызвал майора Барлоу.

* * *

До обеденного перерыва показания дали майор и доктор медицины Брадич, полицейский патологоанатом, производивший аутопсию обнаруженного на острове тела.

Оба профессионала говорили по существу, только факты, никаких интерпретаций.

Прибывшая бригада зафиксировала положение, в котором находилось тело, фотографии сделали множество снимков с разных ракурсов. Потом тело перевернули, и майор увидел входное отверстие от пули. Присяжным показали четырнадцать фотографий с прекрасным разрешением. Позднее доктор Брадич уточнил, что пуля была калибра девять миллиметров, и он лично извлек ее из сердечной мышцы жертвы. Фотография пули была приобщена к делу. Именно этот выстрел, сделанный с не очень близкого расстояния (на одежде и на теле убитого не обнаружено следов пороха), стал непосредственной причиной смерти.

Майор сказал об этом косвенно, а доктор — прямо. Смерть наступила в пределах шести-восьми часов до обнаружения тела.

В кармане брюк жертвы криминалисты обнаружили дорогое портмоне (32 доллара в магазинах сети «Арендт»), а в нем водительское удостоверение на имя Иоганна Швайца, 2011 года рождения. Майор тут же «пробил» эти данные в своем ноутбуке и выяснил, что у Швайца никогда не было осложнений с полицией, он даже ни разу не нарушил правил дорожного движения. По данным общего доступа, Швайц работал в компании «Интель» в должности младшего исследователя, имел магистерскую степень по физике. По данным дорожной полиции, у Швайца был автомобиль «Форд», выпуска 2042 года, однако на стоянке у трех коттеджей такого автомобиля не оказалось. Либо Швайц попал на остров на одном из двух автомобилей, имевшихся на стоянке, либо пришел пешком — не такой уж далекий путь. Будучи работником «Интеля», он мог знать коды, открывавшие как ворота, так и двери двух из трех коттеджей. В третий — главный — он попасть не мог, поскольку шифр знали только члены совета директоров.

Машину Швайца нашли на платной стоянке около его дома на Довенер-стрит, 80. Машина там стояла с вечера, предшествовавшего обнаружению тела.

По данным частной охранной компании, в чьей зоне обслуживания находился остров Вакуаку, в ту ночь никто на остров не приезжал и не приходил, равно как и остров никто не покидал ни на машине, ни пешком. Майор предоставил, а судья приобщил к делу записи с двух камер наружного наблюдения: одна была установлена на берегу перед въездом на мост, вторая — у ворот в заборе, окружавшем «городок Интеля». Ночью свет не зажигался ни в одном из коттеджей, ни на автомобильной стоянке.

Достаточно быстро был выявлен подозреваемый в убийстве, Владимир Долгов, эмигрант из России, проживавший в Соединенных Штатах по рабочей пятилетней визе, полученной при устройстве на работу в «Интель». Будучи хорошим специалистом в области квантовой криптографии, Долгов к моменту ареста работал в фирме два с половиной года, претензий к нему у руководства не было.

Первое доказательство причастности Долгова было получено в тот же день, когда обнаружили тело Швайца. Проведенная в экстренном порядке баллистическая экспертиза установила, из какого оружия была выпущена пуля. Тем временем детективы выяснили, с кем в последнее время общался Швайц. В круг подозреваемых попали семнадцать человек — шесть женщин и одиннадцать мужчин, в их числе был и Долгов, с которым у Швайца

сложилась весьма натянутые отношения, хотя в прошлом они считались друзьями. Разрыв произошел по банальной, но, к сожалению, чрезвычайно распространенной причине: шерше ля фам. Долгов встречался с Ребеккой Клейман, двадцати восьми лет, разведенной, работницей отдела маркетинга в «Интеле». Отношения были серьезными, и дело шло к регистрации брака. Однако вмешалась судьба в лице Швайца, которого сам же Долгов и познакомил с Ребеккой на одной из вечеринок. Швайц быстро сумел обаять Ребекку, а может, она решила, что он — более выгодная партия, нежели русский эмигрант с непредсказуемым будущим. В тонкости отношений детективы не вдавались, но факт остался фактом — Ребекка порвала с Долговым и месяца два встречалась с Швайцем. Однако и эта связь закончилась разрывом, о причине которого ничего выяснить не удалось, а спросить теперь уже и некого, поскольку Швайц мертв. Мертва, к сожалению, и Ребекка, через месяц после разрыва с Швайцем трагически погибшая в автокатастрофе. Возвращаясь домой с работы, Ребекка не справилась с управлением, автомобиль занесло, машина врезалась в дорожное ограждение, перевернулась и загорелась. Служба спасения прибыла очень быстро, но парамедики лишь констатировали смерть водителя.

Расследованием установлено, что Ребекка была трезва, ехала аккуратно (по данным, полученным с видеокамер), но на повороте не снизила скорость, что привело к потере управления и дальнейшей трагедии.

Один из сослуживцев Ребекки высказал мысль, что смерть женщины могла оказаться неслучайной. Весь месяц после разрыва с Швайцем она пребывала в депрессии, это было всем известно. Она пыталась, по бездоказательному мнению ее подруг, восстановить отношения с Долговым, но, по-видимому, из этого ничего не получилось. Будучи в состоянии полного смятения, Ребекка могла свести счеты с жизнью. Она была женщиной импульсивной и мало ли о чем думала, когда ехала в тот вечер домой! Могла, да... Вполне возможно.

Но не доказано. Дорожно-транспортное происшествие, приведшее к гибели водителя, было признано трагической случайностью, ошибкой управления.

А Долгов, как рассказали следователям сотрудники фирмы, после гибели Ребекки совсем «слетел с катушек», говорил, что во всем виноват Швайц, сволочь, негодяй, убийца. Да много чего говорил, но был, по мнению большинства опрошенных, не способен на такое ужасное преступление, как убийство, да еще с заранее обдуманном намерением. Не тот тип характера. Кричать,

угрожать, рвать на груди рубаху — сколько угодно. Пойти и убить? Нет, извините...

Однако у Долгова было оружие — пистолет системы «Глок», калибр девять миллиметров, приобретенный по лицензии. Баллистическая экспертиза показала, что Швайц был застрелен именно из этого пистолета. Долгова задержали, а дежурный судья Уотсон постановил содержать обвиняемого под стражей до завершения судебного процесса.

* * *

Все в зале, конечно, знали об утреннем происшествии, на городских новостных интернет-сайтах об этом была подробная информация. Все в зале ожидали — а адвокат обвиняемого Ковельски был в этом уверен, — что, заслушав утренние показания, судья объявит не перерыв на обед, а бессрочный перерыв до времени, когда Варди явится сам или кто-нибудь другой из отдела научно-технических экспертиз ознакомится с делом так же серьезно, как Варди, и сможет заменить коллегу.

Выслушав показания судмедэксперта, судья посмотрел на прокурора, изучавшего документы, на присяжных, сидевших с каменными лицами, обвел взглядом зал, где люди уже стали подниматься с мест, и произнес фразу, которая при прочих обстоятельствах была бы обычной и естественной, но сейчас прозвучала так же неожиданно, как громкий крик в тихом библиотечном зале:

— Объявляется перерыв до четырнадцати часов. После перерыва будет заслушан отчет научно-технической экспертизы.

— Но... — Прокурор привстал, не сразу осознав, что нарушает протокол. — Но ведь...

Под пристальным взглядом судьи Парвелл стушевался и, опустившись на место, пожатием плеч признал право Бейкера поступить так, как считает нужным.

Адвокат следил за прокурором с улыбкой, выработанной годами, — в любых обстоятельствах, даже складывающихся неудачно, лучше иметь на лице пусть даже приклеенную улыбку, чем недовольным выражением вызывать оскомины у присяжных, которые ничего не поняли в этой небольшой заминке, но наверняка приняли к сведению, что по какой-то причине прокурор был недоволен решением судьи, а защитник принял слова судьи с удовлетворением.

Зрители шумно поднимались с мест, журналисты, отослав сообщения в редакции, не торопились покидать зал — что-то могло произойти и во время перерыва, лучше остаться и проследить за возможными эксцессами.

— Вы сказали, что судья отложит заседание! Вы это сказали! Вы были уверены!

Нервы у Долгова не выдержали. Он сумел продержаться весь вчерашний день и все сегодняшнее утро, потому что Ковельски подготовил его к тому, как будут проходить слушания. Обвиняемый был знаком с делом, много раз обсуждал каждое слово со своим защитником, знал, чего ждать от полицейского следователя, от патологоанатома, от уже внесенных в список свидетелей. Перед началом сегодняшнего заседания Ковельски, имевший с подзащитным короткий приватный разговор, сообщил, что полицейский эксперт попал в аварию, присутствовать не сможет, и, конечно, судья объявит перерыв на неопределенный срок.

— Вы сказали!

— Сказал. Так и было бы еще год назад. Без вариантов. Но сейчас...

— Что сейчас?! — Долгов готов был расплакаться. Когда готовишься к чему-то для тебя важному, и вдруг... Нервы, да. Он взял себя в руки.

— Айзек, — коротко ответил Ковельски.

— Какой Айзек?

— Айзек — имя... если позволительно называть это... эту, гм, программу по имени... Искусственный интеллект, которым пользовался... наверно, не нужно говорить о Варди в прошедшем времени... *пользуется полицейский эксперт.*

— И что? Вы тоже пользуетесь. И прокурор.

— Конечно, — терпеливо произнес Ковельски. — Только мы трое, согласно новому процессуальному кодексу. Судьям запрещено пользоваться услугами искусственных интеллектов, они должны делать выводы исключительно на основании...

— Да знаю я! — Долгов не мог усидеть на стуле и принялся ходить кругами вокруг стола. В комнату заглянул полицейский и взглядом спросил адвоката, нужна ли помощь. Ковельски покачал головой, и полицейский прикрыл дверь.

— И что? — нервно говорил Долгов, сжимая и разжимая кулаки. — Это же машина! Компьютер! Банк данных! И все! Как может компьютер давать показания в суде? Вот ваш! Вы ему задаете вопрос, да? Если возникает проблема. И он отвечает: по этому вопросу есть данные такие-то и такие-то. Озвучивать это или нет, вы решаете сами, верно?

— Верно, — коротко ответил адвокат, перестав следить взглядом за перемещениями Долгова. Тот распался все сильнее, и надо было выбрать момент, когда обвиняемого необходимо будет

остановить, чтобы он все-таки сохранил остатки разума и после перерыва не устроил при всем честном народе какой-нибудь скандал и не испортил мнение, сложившееся у присяжных.

— Собственно, — спокойно сказал Ковельски, — какая разница, кто дает показания — живой эксперт или его компьютерный подсказчик? Оба говорят правду и только правду, оба всего лишь озвучивают результат экспертизы. Эксперт не может помнить все числа, Айзек помнит все. Рекомендаций они не дают. Эксперт не имеет права, а искусственный интеллект и не может, нет у него соответствующего алгоритма. Не вижу причины так нервничать, Владимир.

— Да? — Долгов перестал нарезать окружности и остановился напротив адвоката, ухватился обеими руками за спинку стула, так что побелели костяшки пальцев. — Нет причины, говорите? А вы знаете результат экспертизы?

— Тот, что уже приобщен к делу, — кивнул Ковельски. — Вы тоже знаете. Ваш пистолет, ваши пальцы на пистолете, пуля выпущена из вашего пистолета. Это тяжело, но для защитника такая ситуация довольно обыденна, мне приходилось иметь дело — я уже говорил — с таким уровнем доказательной базы, и в двух случаях мне удалось...

— А в трех — нет, — буркнул Долгов. — Это я уже слышал. — Он наконец сел и положил ладони на стол: пальцы довольно заметно вздрагивали, и Долгов прикрыл одной ладонью другую. — Но... Это баллистическая экспертиза, и эксперт уже выступил. И патологоанатом. Что может добавить Айзек? Больше ничего не может быть, верно? Вы же знаете. Я всю ту ночь... ну, почти всю... провел в пабе. Алиби! Что еще им нужно?

Долгов повторял этот вопрос в тридцатый или пятидесятый раз, и Ковельски промолчал — он не знал, что приберегла полиция в лице эксперта Варди, и что хранилось в памяти Айзека. У полиции было право не делиться сведениями до судебного заседания, и она этим правом пользовалась всегда, исключений Ковельски не помнил.

— Эксперт, — повторил адвокат, — не занимается алиби, это работа полиции. Возможно... скорее всего... надеюсь... Варди, то есть Айзек вместо него, не скажет ничего, что... В общем, Владимир, прошу вас, возьмите себя в руки. Нам надо готовиться к завтрашнему перекрестному допросу свидетелей, и я очень надеюсь, что мне не придется вас вызывать.

«А вот прокурор...» — хотел добавить Ковельски, но промолчал. В списке заявленных свидетелей со стороны обвинения Долгов не значился, но Парвелл мог вызвать обвиняемого, если

кто-то из свидетелей защиты скажет нечто такое, что обвиняемый обязан будет подтвердить под присягой.

Ковельски встал и закрыл крышку ноутбука.

— Пообедайте и успокойтесь, — сказал он. — Хуже, чем уже есть, вряд ли будет. Я сделаю все, что в моих силах, но... Хорошо бы, если бы вы все-таки объяснили мне, как ваш пистолет...

— Никак! — воскликнул Долгов. — Я вам говорил! Я не понимаю, как мой... как из него... Да я его больше месяца в руках не держал! Он как лежал в ящике под замком, так и лежал, там его и нашли копы.

— Ну да, ну да, — пробормотал адвокат. Возможно, Долгов действительно не знал. Возможно — скорее всего — не говорил того, что знал.

— А этот ваш личный... Айзек... — поднял голову Долгов. — Он вам что советует?

— Ничего, — вздохнул Ковельски. Сколько раз можно объяснить одно и то же? — У моего искусственного интеллекта имени нет. Программа она и есть программа. Голос, который общается в нужный момент нужную информацию. Очень удобно. Вывод делаю я. Решение принимаю я.

Ковельски вызвал сопровождающего.

— Увидимся в зале, — сказал он и взглянул на часы, — через час и тринадцать минут. От обеда не отказывайтесь.

* * *

— Что такое тест Тьюринга? — спросил судья и тут же смешался, подумав, каким старорежимным монстром он выглядит в глазах молодого программиста, прибывшего в суд для технической поддержки предстоявшего слушания.

— Я не хочу сказать, что ничего об этом не знаю, — поправился Бейкер, прежде чем программист успел ответить. Как же его зовут, пытался вспомнить судья, он так быстро произнес свое имя, что запомнить было сложно. — Конечно, я читал о Тьюринге, его волшебной машине, о том, что пресловутый тест — проверка на разумность...

Эндрю Витгенштейн едва заметно поморщился, но эта эмоция не ускользнула от внимания судьи. Люди были для Бейкера открытой книгой, в отличие от технических приспособлений любого уровня сложности: от розетки, чинить которую он приглашал электрика, до автомобиля, в устройстве которого не разбирался, хотя был хорошим водителем.

— Тест Тьюринга не выявляет разумности... э-э... носителя. Он всего лишь демонстрирует, что кибернетическая система спо-

собна на протяжении достаточно длительного промежутка времени — в разных вариантах по-разному — вести с человеком разговор так, что человек не сможет с уверенностью сказать: говорит ли он с живым собеседником или с нейросетью. Не обязательно обладать разумом, чтобы разговаривать со среднестатистическим представителем хомо сапиенс.

— Ну-ну, — пробормотал Бейкер. — А если я его спрошу, что он думает о позавчерашнем телешоу Мирмореса? О том, где ведущий заставил женщину раздеться прямо в студии? Отвратительное зрелище... я имею в виду... вы понимаете...

— Это вопрос информированности, — улыбнулся Энди. — Естественно, Айзек ответит, что не видел этой передачи и секунду спустя добавит, что вообще не смотрит передач такого низкого пошиба.

— Вот как! Он способен делать такие заключения?

— Это очень простой алгоритм на самом деле. Система воспринимает вопрос, обращается к своей базе данных, выясняет, что в базе нужной информации нет, выходит в интернет, в поисковой системе по ключевым словам обнаруживает нужную передачу, прочитывает отзывы... достаточно первых десяти, я полагаю... фиксирует повторяющиеся словесные блоки, определяет к какой категории шоу передача относится, и говорит вам... то, что говорит. На весь поиск у Айзека уйдет максимум десятая доля секунды, так что вы даже не заметите заминки в ответе.

Судья покачал головой.

— А если я попрошу его высказать собственное мнение по поводу выставки Барбьера в салоне Хелки или спрошу, что он думает о глобальном потеплении?

— Никаких проблем! — заявил Энди, внутренне улыбаясь невежеству и недоверчивости судьи. Старая школа, да. Не очень-то интересуется новинками. Наверняка сейчас думает: «Хорошо, что судей не заставляют работать с системами искусственного интеллекта». Прочитать мысли на самом деле не так уж сложно, если понимаешь суть разговора.

— Никаких проблем! — повторил Энди. — Выставку комментировали в новостях, и Айзеку надо лишь найти в интернете какую-нибудь рецензию и процитировать, выдав за собственное мнение.

— Он умеет читать? — не удержался от вопроса судья и мысленно выругался. Действительно, не мог задать более глупого вопроса.

— Конечно, — поднял брови Энди. — Айзек работает с документами — не только в виде файлов, но и с текстами на бумаге.

Распознает даже довольно сложный почерк. А уж воспроизвести прочитанный текст — вообще элементарно. Что касается глобального потепления...

— Это я и сам понял, — поспешно снял вопрос судья. — В интернете о глобальном потеплении столько всякого... Кстати, по какому критерию Айзек выбирает из горы информации — чрезвычайно противоречивой, насколько я знаю, — то, что он назовет «собственным мнением»?

— В таких случаях Айзек не стремится к оригинальности. Это не его специальность, видите ли. Поэтому он отбирает наиболее часто повторяющиеся результаты, вычисляя их, например, по мемам, которые сам же и обнаруживает. Он скажет, что глобальное потепление может привести к мировому кризису и меры против загрязнения атмосферы парниковыми газами необходимо усилить. Этот тренд сейчас самый популярный. Правда, на мой взгляд, к истине ближе противоположное мнение, хотя его придерживается меньшинство.

— Да-да, — перебил судья, не желая начинать ненужную дискуссию, — большинство не всегда право, даже если это большинство профессионалов.

В этой фразе Энди расслышал скрытое недоверие к самой системе искусственных интеллектов. Впрочем, не столь даже и скрытое. Но спорить не хотел и он — не для того он здесь находился. Айзек свою задачу выполнит — в этом Энди не сомневался, — а что думает судья... Пусть думает что хочет.

— Хорошо, — сказал судья. — Лично вы, молодой человек, тест Тьюринга прошли.

Если это была шутка, то настолько незатейливая, что Энди пропустил ее мимо ушей.

— Значит, я, а также обвинитель и защитник, все мы можем разговаривать с Айзеком, как разговаривали бы с доктором Варди, будь он на свидетельском месте?

— Безусловно.

— Итак, сначала... э-э...

— Что? — насторожился Энди.

— Совсем из головы вылетело, — сокрушенно произнес судья. — Эксперт, как и любой свидетель, должен принести присягу! — Судья даже привстал и от волнения расстегнул воротник рубашки. — Нет, придется объявить перерыв...

— Зачем? — Энди был так огорчен, что не заметил, как перебил судью. — Присяга — чистая формальность и...

— И! — воскликнул судья, в свою очередь перебив программиста. — Это процедура! Кодекс законов штата содержит полное

ее описание и тексты для представителей различных конфессий и для атеистов, в этом случае присяга называется процедурой аффирмации и указывает на то, что свидетель, если даст ложные показания, будет привлечен к уголовной ответственности! Но Айзек — не человек, пусть он сто раз прошел тест Тьюринга и знает в сто раз больше, чем Варди! Ну почему это произошло именно с ним и именно сегодня?

Дверь приоткрылась, заглянул секретарь суда Берстоу, оценил ситуацию и скрылся, бесшумно прикрыв дверь.

— Когда вы звонили в больницу последний раз? — отрывисто спросил судья.

— За пять минут до начала нашего разговора.

— Ну и?

— Ничего нового, — вздохнул Энди. — Шефа погрузили в искусственную медицинскую кому. Доктор Стерлинг сказал, что его разбудят, когда исчезнет угроза жизни. Возможно, завтра. Возможно, через неделю. Но после этого...

— Да-да, — нетерпеливо сказал судья и посмотрел на часы: до конца перерыва осталось одиннадцать минут.

— Присягу... или, как вы говорите, акт аффирмации могу принести я. — Энди произнес это таким тоном, будто предлагал себя в обмен на заложника, захваченного террористом.

— Не можете, — отрезал судья.

— Но доктор Варди приносил присягу, верно? Он, а не Айзек. Эксперт лишь обращался к системе, когда возникала необходимость.

— Вот именно! Показания давал эксперт, а с кем он консультировался — вопрос, регулируемый другими судебными правилами. Ответственность за дачу ложных показаний несет эксперт.

— Вот я и могу...

— Не можете. У вас нет права выступать в суде в качестве эксперта.

— А у Айзека есть? — Энди задал вопрос не подумав, сразу понял, что нащупал слабое место и теперь судья точно отложит процесс.

Судья поднял на молодого человека проницательный взгляд. Об этой проблеме Бейкер, конечно, подумал в первую очередь, не этому молокососу указывать на такую важную деталь.

— Есть, — ответил судья. — Согласно поправке Хоррингтона, параграф два-си, принятой Верховным судом в прошлом году, обвинитель, защитник и эксперт имеют право передавать слово своему помощнику — искусственному интеллекту — с целью наиболее точных формулировок экспертных выводов. Иными

словами, говорить в суде Айзек имеет право. Господи, что за формулировка по отношению к компьютеру!

— Тогда вы, судья, имеете право в исключительном случае не требовать от Айзека присяги по простой причине: он в принципе не может солгать — это технически невозможно! Ведь смысл присяги...

— Прецедент! — воскликнул судья. — Я уже создал прецедент, позволив заслушать экспертное заключение в отсутствие самого эксперта. Теперь я создам прецедент, упразднив присягу?

— В данном конкретном случае!

— Это может создать лазейки в судопроизводстве...

— Какие тут могут быть лазейки?

— ...которые я сейчас не в состоянии предсказать и оценить!

Наступило молчание. Секретарь опять приоткрыл дверь и на этот раз решился напомнить:

— Ваша честь, продолжение процесса через четыре минуты. Прокурор и защитник присутствуют, все присяжные тоже на местах.

— Хорошо, — махнул рукой судья, и секретарь скрылся, оставив все-таки дверь приоткрытой.

Бейкер поднялся и надел мантию. Он запутался было в складках, и Энди бросился помогать, но судья окатил программиста испепеляющим взглядом, и тот отступил. Он больше не пытался что-то зачем-то доказывать. Он вообще боялся сказать слово, не представляя, какое слово сейчас окажется лишним. Судья принял решение, и от мнения Энди ничего не зависело.

— Встать, суд идет!

Встали. Судья занял свое место на кафедре, кивнул. Сели. Судья обвел взглядом зал и произнес стандартное:

— Продолжаем слушание. Введите обвиняемого.

Ввели. Долгов, как показалось многим, выглядел после перерыва менее подавленным, чем утром. Может, ему сообщили то, что судья еще не произнес вслух?

— По протоколу, — сказал Бейкер, — сейчас должен дать показания полицейский эксперт, доктор Клаудио Варди. По объективным причинам он этого сделать не может. Проанализировав сложившуюся ситуацию, суд счел возможным заслушать результат научно-технической экспертизы в отсутствие эксперта. Отчет будет приобщен к делу. В случае предъявления вещественных доказательств они будут продемонстрированы суду, обвинению, обвиняемому, защите, присяжным и приобщены к делу.

Экспертные данные озвучит система искусственного интеллекта ЭйАй-30-дробь-2, известная под аббревиатурой Айзек. Оператор Эндрю Витгенштейн будет посредником между судом и искусственным интеллектом.

Энди сделал было движение, показывая, что Айзеку не требуются посредники, но под взглядом судьи предпочел промолчать.

— Процедура произнесения аффирмационного текста в данном конкретном случае отменяется, поскольку Айзек не является ни физическим, ни юридическим лицом.

— И следовательно, — встрял прокурор, нарушив процедуру, — не может нести ответственность, если...

— Не является ни физическим, ни юридическим лицом, — повысил голос судья, — и по своим техническим характеристикам не может лгать, давать неверные показания. В случае если у обвинения или защиты возникнут возражения или недоверие к экспертизам, они смогут отразить свои сомнения в ходе перекрестного допроса, а также в апелляциях после окончания процесса.

Точка. По залу прокатился вздох то ли изумления, то ли согласия, то ли облегчения — скорее, и того, и другого, и третьего. В упавшей после этого тишине кто-то в задних рядах — видимо, один из журналистов — произнес довольно громко: «Смело!», на него шикнули, и судья спросил у Энди:

— Айзек готов представить экспертное заключение?

— Да, ваша честь, — отрапортовал программист.

— Включайте.

Судья понял, что произнес слово, которое тоже станет прецедентом, и поспешил добавить:

— Заслушаем результаты научно-технической экспертизы.

Тоже не совсем удачная фраза. Ну и ладно. В историю судопроизводства все равно войдет то, что судья заранее отредактирует.

Энди переставил аудиоколонки, чтобы присяжным было лучше слышно, обвел взглядом людей за столом обвинения, защиты, на обвиняемого не посмотрел (Энди боялся встретиться с ним взглядом) и, кашлянув, произнес в микрофон:

— Айзек, представься, пожалуйста, суду и доложи результаты научно-криминалистической экспертизы, проведенной по делу «Штат Нью-Джерси против Владимира Долгова». Спасибо.

По рядам пробежали смешки («Во дает, с машиной разговаривает, как с человеком!»), но быстро смолкли, когда знакомый многим присутствовавшим суховатый и высокий голос эксперта, доктора Варди произнес:

— Высокий суд, мое название «Интеллектуальная Система для Автономного Анализа данных», сокращенно — Айзек¹. Я принадлежу к группе юридических искусственных интеллектов, предназначенных для фактологической и аналитической поддержки.

— Стоп! — воскликнул судья. Энди, вздрогнув, повторил: «Стоп!», и Айзек замолчал.

— Вы записали речь доктора Варди заранее? — возмущенно обратился судья к программисту. — То есть эксперт записал свое заключение... Послушайте, это грубое нарушение процедуры, о котором вы не предупредили! Я вынужден...

Наверно, судья закончил бы фразу, которую хотел сказать, и объявил наконец о бессрочном перерыве в судебном процессе, но его прервал громкий стук: со стола прокурора упала на пол толстая папка с документами. Воспользовавшись паузой, Энди поднялся и, немного заикаясь от волнения, сказал:

— Господин судья, ваша честь, я просто... то есть я был уверен, что вам это известно!

— Что известно? — вскричал Бейкер.

— Во всяком случае, — продолжал Энди, немного успокоившись, — это известно господам прокурору, защитнику и их помощникам.

— Что?!

— Голос искусственного интеллекта настраивается и полностью воспроизводит голос хозяина, сэр. Если вы спросите у господина прокурора...

— Спросить — что?

— Ваша честь, — поднялся с места Парвелл. Он едва сдерживал улыбку — нечасто приходилось ему видеть смущение и даже подобие страха на лице всегда спокойного и торжественно-важного судьи Бейкера. — Ваша часть, этот молодой человек, не знаю его имени, прав. Мой эй-ай говорит точно как я, поскольку за время нашего общения усвоил все физические параметры моего голоса, произношения... Это сначала шокировало, признаю, но потом привык и даже понравилось. Знаете, разговариваешь будто с самим собой, с собственными мыслями.

— Немного отдает шизофренией, — подал со своего места голос защитник. — Но согласен с коллегой — в принципе, удобно. Забываешь, что задаешь вопросы машине.

— Почему меня никто не предупредил? — мрачно спросил судья.

¹ Intellectual System for Autonomous Analysis of the Claims (ISAAC).

— Ну... — протянул Энди. — Я был уверен, вы знаете. Все знают.

— Судья — не все, — отрезал Бейкер, но, желая быстрее закончить с неприятным для него инцидентом, сразу добавил: — Хорошо, продолжайте. Хотя это как-то... Человек лежит в коме, а его голос... Продолжайте, — прервал он себя. — Могу я обращаться непосредственно к Айзеку или должен задавать вопросы вам, а вы будете повторять их этой программе с человеческим голосом?

— Ваша честь, конечно, вы можете общаться с Айзеком напрямую.

— Хорошо. — Судья поставил точку. — Пусть Айзек продолжит.

— Ваша честь, — произнес голос Варди из динамиков, — я являюсь официальным помощником эксперта-криминалиста доктора Клаудио Варди и, согласно процессуальному кодексу о судебно-криминалистической экспертизе от семнадцатого сентября две тысячи тридцать шестого года, параграф три, пункт два, обязан предоставлять любую информацию, а также выводы и заключения по любым видам научно-технической и научно-криминалистической экспертиз, рассматриваемых судом в данном процессе.

— Да-да, — с раздражением произнес судья. Так он реагировал бы и на речь самого Варди, если бы тот вдруг начал занудствовать, как эта программа. — Представьте суду данные и заключения экспертизы.

Он хотел добавить «только по существу и без компьютерных штук», но промолчал, поскольку понимал, что не по существу Айзек говорить все равно не будет, а что представляют собой «компьютерные штучки», судья не знал.

— На экспертизу были представлены следующие вещественные доказательства, — заговорил Айзек голосом доктора Варди. — Вещественное доказательство номер один представляет собой срез кожи неправильной формы, размером тридцать один миллиметр в длину, двадцать четыре миллиметра в широкой части.

Судья, а также прокурор, адвокат и все присутствующие в зале — увидели на демонстрационном экране фотографию участка кожи: невзрачный клочок, будто срезанный с пальца острым ножом. Ничего особенного, но многие отвернулись, как, впрочем, было на любом процессе, где на обозрение выставлялось нечто не очень эстетическое, часто шокирующее, но необходимое для судебной процедуры.

— Указанный срез кожи принадлежит жертве, срез сделан с поверхности шеи в области...

На экране появилась фотография шеи, видно было, откуда был сделан срез. Судья поспешил нажать клавишу ввода на своем ноутбуке, фотография была приобщена к делу, и Айзек принялся перечислять физико-химические свойства образца, перешел к биологическим, знакомый голос сыпал научными терминами, наверняка с большой точностью определявшими структуру и более глубинные характеристики «вещественного доказательства номер один». Судья машинально кивал, он привык к дотошности Варди, но, похоже, Айзек превзошел хозяина — или Варди, давая показания, опускал ненужные, по его мнению, научные подробности, которые ему в ухо в это время наговаривал Айзек.

«Вот уж действительно дорвался», — выражало лицо судьи. Если каждую пылинку, найденную на месте преступления и представленную на экспертизу, Айзек будет анализировать с такой дотошностью, то, пожалуй, до вечера с показаниями не управиться. С одной стороны, это хорошо — ни у прокуратуры, ни у защиты не возникнет сомнений в правильности и профессиональном качестве экспертизы, можно будет обойтись без перекрестного допроса. С другой стороны, время... А что время?

— Экспертизе был задан вопрос: принадлежит ли пятнышко крови на представленном лоскутке кожи жертве и, если не принадлежит, возможно ли установить, кто оставил эту кровь на шее жертвы?

Жертве, кому еще? — подумал судья. Зачем надо было тратить время и деньги налогоплательщиков на экспертизу, результат которой очевиден? То есть, конечно, эксперт-криминалист, отправивший образец в лабораторию, все сделал правильно — но судья знал, как перестраховываются сейчас полицейские. Больше половины собранного ими материала обычно не имеет к делу отношения, что экспертиза и подтверждает. Современные методы исследований разлагающе действуют на детективов. Собирай все, в лаборатории разберутся! И в результате судье не раз приходилось отклонять представленные вещественные доказательства.

«Вот, кстати, еще один минус работы с искусственными интеллектами, — подумал Бейкер, слушая журчащий голос. — Доктор Варди тщательно отбирал то, что представлял в качестве доказательств, лишнее отсеивал, а эта машина, похоже, будет докладывать о каждой пылинке, доставленной в лабораторию. И не придержишься, не остановишь словесную вязь — все по протоколу».

— Заключение, сделанное на основе полного генетического анализа материала...

Неужели Варди пошел и на это? Полный анализ! Может, он хотел узнать, кто был дедушкой убитого?

— ...Найденный на шее жертвы, — голос Варди неожиданно приобрел суровость, зазвучали металлические нотки, судья удивленно поднял взгляд на Энди, пытаясь понять, не он ли перевел голосовую программу в иной режим словоизвержения. Программист сидел, наклонившись к экрану лэптопа, вся его поза будто говорила: «Не позволю вмешиваться. Айзек говорит — все слушают».

И Айзек сказал, не изменив ни тембра голоса, ни звучащего в голосе металла:

— С вероятностью девяносто девять и девятьсот девяносто четыре тысячных процентов, что составляет по физической шкале стандартных отклонений величину четыре сигма, то есть дает полную уверенность в полученном результате, образец крови, полученный с поверхности кожи жертвы...

Доберется он когда-нибудь до конца фразы? И так понятно, что...

— ...Принадлежит обвиняемому, Владимиру Долгову, — поставил наконец точку Айзек, и зал ахнул.

Обвиняемый, расслабленно смотревший в потолок, подскочил, будто укушенный тарантулом, и смог выстрелить только одно слово и один бессмысленный возглас:

— Э-э... Что?!

Адвокат дернул Долгова за рукав, тот пошатнулся и рухнул на свое место, как подрубленный дуб, продолжая бормотать что-то под нос.

Ковельски встал и резко сказал:

— Протестую, ваша честь!

— Против чего? — осведомился судья.

— Нарушен процессуальный кодекс, ваша честь. Так называемое доказательство, представленное экспертной машиной, защите неизвестно, оно не входило в представленное защите для ознакомления полицейское досье.

— То есть, — подал голос Парвелл, даже не потрудившись встать, — защита возражает не по сути предоставленной улики, а только по процедурному поводу?

Ковельски стоял лицом к судье и сделал вид, что не слышит реплики прокурора. Судья, в свою очередь, бросил на атторнея раздраженный взгляд, пожевал губами, будто пережевывал новую информацию.

— Ваша честь, — неожиданно громко и не к месту заявил Айзек, еще более нарушив естественный ход заседания, поскольку после

заявленного адвокатом протеста свидетель не имел права продолжать речь, прежде чем судья не объявит свое решение.

— Ваша честь, — тем не менее продолжал Айзек, — результат экспертизы, обозначенный номером один, получен после того, как основные результаты были представлены полиции, рассмотрены следствием и признаны достаточными для возбуждения уголовного дела по обвинению Владимира Долгова в убийстве первой степени. В случае получения дополнительных экспертных данных, согласно пункту пятому параграфа восьмьдесят три уголовно-процессуального кодекса штата Нью-Джерси, дополнительные сведения могут быть представлены в ходе судебного разбирательства. В случае принятия судом этой информации, она становится официально приобщенной к делу и передается для изучения представителям защиты и обвинения.

В голосе Айзека ясно было слышно удовлетворение, и эта чисто человеческая эмоция поразила судью даже больше, чем нарушение, которое на самом деле — Айзек был прав — и нарушением-то не было. Да, получены новые улики, не представленные ранее, эксперт о них доложил, все в рамках закона. Судья имеет право прервать слушания, дав сторонам время ознакомиться с новым обстоятельством, но может и продолжить заседание, а новые улики защита и обвинение смогут изучать после нынешнего заседания и перед следующим.

Произнеся длинную фразу, никем не остановленный Айзек замолчал, и в наступившей тишине многим показалось, что они слышат его громкое прерывистое дыхание. Конечно, это была иллюзия — звуки, похожие на вздохи, издавал кондиционер. Вздохи давно стали привычными и не воспринимались сознанием, но сейчас будто изменилась реальность, и судья услышал то, на что не обращал внимания прежде. Скрип чьих-то туфель. Жаркое перешептывание в одном из последних рядов, где сидели журналисты. Приглушенные звуки с улицы — неопределимые, но до неразличимости знакомые...

И что-то еще тревожило судью. Прокурор смотрел, едва заметно, но определенно улыбаясь — новая улика, если будет принята судом, означала, что дело обвинением фактически выиграно. Адвокат смотрел на судью, призывая того, как минимум, сделать перерыв и позволить защите ознакомиться с уликой, которой, если хотя бы на минуту поверить Долгову, не могло существовать в природе.

— Эндрю Витгенштейн, — тихо произнес судья, которого сейчас интересовала не улика и не видимое нарушение хода про-

цесса, а нечто более эфемерное, но чрезвычайно, тем не менее, значительное, — подойдите, пожалуйста, ко мне.

Программист, нажав на клавиатуре несколько клавиш, направился к кафедре и остановился на расстоянии двух метров — он не знал, как близко можно приближаться к судье и не нарушит ли он еще какое-нибудь правило.

— Ближе подойдите! — буркнул Бейкер, и Энди сделал два нерешительных шага, оказавшись так близко к судье, что тот смог говорить шепотом, чтобы его не расслышали даже в первых рядах.

— Мне, возможно, показалось, — заговорил судья, — но в голосе Айзека звучали эмоции. Я много раз слышал голоса, сформированные компьютером. Это... ну, вы понимаете. А здесь... Он что, умеет чувствовать? У него есть собственные эмоции?

— Нет, ваша честь. — На этот вопрос Энди мог ответить однозначно. — У искусственных интеллектов нет и быть не может эмоций. Машины не умеют чувствовать, и пока нет даже намеков на то, что это когда-нибудь произойдет.

— Мне показалось? — с сомнением произнес судья.

— Ну... Нет, не показалось. То есть я хочу сказать, что Айзек не имеет собственных чувств и эмоций, но может имитировать и то, и другое, если найдет — сугубо, разумеется, рационально, — что некая выраженная эмоция в данный момент уместна с точки зрения человеческого восприятия.

— Рационально? Имитация эмоции? — недоверчиво спросил судья.

— Ваша честь, в процессе обучения Айзек изучил более трех миллионов звуковых спектров голоса доктора Варди...

— Зачем? — перебил судья. — Зачем это нужно? Бесплезная трата денег!

— Ну... — смутился Энди. — Это необходимый этап обучения. Чрезвычайно помогает при взаимодействии с... Совершенно разное восприятие и, соответственно, отношения между человеком и... гм... компьютером.

Судья посмотрел в зал. Присяжные сидели, вытянув шеи, и пытались расслышать хоть слово из разговора судьи с программистом. Прокурор, читая на экране текст, прислушивался к голосу в наушнике, и тихо, но с неким, как показалось судье, злорадством улыбался углами рта. Адвокат на судью не смотрел, взгляд его блуждал, и о чем думал Ковельски, догадаться было легко: только что озвученное экспертное заключение делало позицию его подзащитного полностью провальной. Долгов, в сторону которого судья тоже бросил взгляд, сидел прямо, будто проглотил палку, и на лице его застыло выражение изумления,

смешанного со страхом. Конечно, он не ожидал ничего подобного. Конечно, он сейчас мысленно проклинал своего адвоката, не сумевшего заранее получить из полиции всю информацию. А если получил бы? Что это изменило бы?

— А компьютерные помощники прокурора и защитника, — спросил судья, — они тоже?..

— Естественно, — закивал Энди. — Я думал... то есть не я... но... разве вы никогда не говорили с ними о таких вещах?

— Нет, — отрезал судья. Бейкер не хотел рассказывать, что с Парвеллом они играли в преферанс, пили виски и разговаривали о спорте, путешествиях и женщинах. Судье не приходило в голову спросить о системе компьютерной поддержки, которой пользовался прокурор. Сейчас Бейкер с досадой признался самому себе, что это его попросту не интересовало. Нововведений в судопроизводстве было немало, и судье было достаточно того, чему приходилось учиться самому. В его-то годы. Компьютеры (слава богу, молчаливо выполнявшие простые команды), облачные базы данных по многочисленным процессам, происходившим в Штатах и за границей, дополнявшиеся в режиме реального времени... Очень удобно — на любой вопрос, связанный с теми или иными судебными решениями, прецедентами и вердиктами присяжных, можно получить ответ, набрав нужное обращение в строке поиска. Этой премудрости судья обучился три года назад, когда система была введена в обращение решением коллегии Верховного Суда. Судья помнил, каким тогда был скептиком и думал, что, если на голову обрушится шквал ненужной, по большей части, информации, принимать решения станет сложнее. Ох уж эта техника... Но ведь ничего, приспособился. И не спрашивал у знакомых юристов, может, у них эти... гаджеты... еще более заковыристые?..

Энди молча ждал нового вопроса.

— Хорошо, я понял, — буркнул судья. — Спасибо, это все, что я хотел знать.

Он отпустил программиста царственным жестом, на чистом автоматизме, повторив, не думая, жест Барни Лонгфайра в фильме «Цезарь», не далее как два дня назад просмотренном с Элизой и внуком Джерри. Замечательный фильм, замечательный актер.

— Продолжим, — кашлянув, сказал судья и обратился к адвокату: — Протест отклоняется. Результат научно-технической экспертизы приобщается к уже полученным доказательствам.

— Но, ваша честь...

— Доктор Ковельски, процедурные правила не нарушены, у защиты будет время изучить новые данные до следующего судеб-

ного заседания. Сегодня суд намерен заслушать результат экспертизы в полном объеме.

— Ваша честь, — поднялся Парвелл, — в связи с чрезвычайной важностью только что выявленной улики обвинение не видит смысла в затягивании очевидного процесса. Тот факт, что кровь обвиняемого обнаружена на шее жертвы, доказывает однозначно его вину.

— Сэр, — вежливо ответил судья. — Я понял смысл предъявленной улики. Не нужно мне указывать.

Отповедь была столь неожиданной, что прокурор лишь руками развел, а кто-то в зале довольно громко хихикнул.

— Продолжайте, — кивнул судья, обращаясь к Энди, но Айзек принял разрешение на свой счет.

— По предъявленной улике номер один, — продолжил Айзек, изменив голос — это был по-прежнему узнаваемый голос Варди, но эксперт говорил теперь сухо, без эмоций, «дело есть дело, эмоции неуместны», — была сделана оценка времени нанесения капли крови, принадлежащей обвиняемому, на поверхность шеи жертвы. Хроматографический анализ... анализ скорости свертывания крови в условиях...

Судья задремал. Айзек говорил монотонно, и сквозь дрему судья подумал, что чертова машина ничего не делает случайно. Наверно, Айзек логически пришел к выводу, что подробности экспертизы нужно сообщать так, чтобы усыпить внимание слушателей, все равно не разбирающихся в деталях.

— Вывод, — Айзек чуть повысил голос, ровно настолько, чтобы заставить судью выйти из транса и выслушать эксперта, — с вероятностью девяносто восемь и восемь десятых процентов кровь на шее жертвы появилась практически одновременно — разница во времени не более получаса — со смертельным выстрелом.

Айзек поставил жирную точку и умолк. Если бы на свидетельском месте стоял сам Варди, он сейчас, несомненно, обернулся бы к залу и изобразил на лице скупую, но торжествующую улыбку. Удовлетворение эксперта было не в том, что он сейчас фактически отправил Долгова в камеру смертников. Точно так же Варди смотрел бы в зал, если бы экспертиза доказала полную невиновность подсудимого. Нет, он гордился проделанной работой, которая еще год-два назад была бы невозможна. Год-два назад у экспертов не было такого, как сейчас, оборудования, такой, как сейчас, методики, таких, как сейчас, сотрудников.

Зал выдохнул после минуты напряженной тишины. Все всё прекрасно поняли. Парвелл развел руками, адвокат приподнялся, собираясь что-то возразить, но, не сказав ни слова, опустил

на скамью. Долгов сидел, закрыв глаза, и, похоже, бормотал молитву. А может, ругался. Наконец он громко произнес: «Господи, это же чепуха!»

— Приобщается к делу, — заявил судья и повернулся к присяжным. — Господа, сейчас суду была предъявлена важная улика. Свернувшиеся капли крови на шее жертвы, во-первых, принадлежат обвиняемому, и никому другому, и во-вторых, кровь появилась примерно в то же время, когда был произведен выстрел, стоивший жертве жизни. Все понятно?

Судья, вообще-то, в этом сомневался, но присяжные закивали, а председатель, приподнявшись, произнес:

— Да, ваша честь.

— Продолжайте, — обратился судья к Энди. Он демонстративно обращался только к программисту.

— Ваша честь, — сказал Айзек, и теперь голос его был наполнен обертонами, интонации стали уважительными, — перейду к вещественному доказательству номер два. Это пистолет системы «Глок», принадлежащий обвиняемому. Именно из этого пистолета был сделан смертельный выстрел. На пистолете обнаружены отпечатки пальцев обвиняемого поверх других, чрезвычайно смазанных отпечатков, принадлежность которых предварительная экспертиза не установила, и поэтому вещественное доказательство было передано в распоряжение научно-технической экспертной группы.

— Протестую, — взвился Ковельски. — По этой улике уже был предъявлен результат экспертизы!

— Протест отклоняется, — буркнул судья. — Этот вопрос мы уже обсуждали полчаса назад. Продолжайте... э... м-м... Витгенштейн. И вот еще что. Вы не могли бы объяснить... э-э... Айзеку, что суд интересуют не технические детали, в которых разобраться могут только специалисты, а конкретный результат? Мы сэкономили бы много времени, если...

Фразу судья не закончил, поскольку голос Варди, усиленный динамиком, произнес:

— Понятно, ваша честь. Буду по возможности краток.

Бейкер хотел было сделать замечание по поводу того, что перебивать судью — недопустимое процессуальное нарушение, но лишь покачал головой. Если на то пошло, то и сам Варди не раз позволял себе подобные выпады — он терпеть не мог длинных фраз, если не произносил их сам.

— Переформулирую заключение, — заявил Айзек, как показалось судье, с легким презрительным вздохом. Такого быть не могло, но сейчас в интонациях Варди судье слышались эмоции,

скорее присущие самому Бейкеру: подсознание навязывало их, приписывало другому, и судье казалось, что Айзек иронизирует над представителями правосудия, не способными — тем более в ходе открытого разбирательства — разобраться в сложной терминологии научно-технической экспертизы.

— По улике номер два. Молекулярные следы, полученные при исследовании отпечатков пальцев обвиняемого, оказались достаточными для анализа ДНК. Результат: с вероятностью девяносто девять и девяносто два сотых процента это — ДНК обвиняемого.

— Спасибо, сэр, — вежливо произнес судья. — Оба вещественных доказательства приобщены к делу, а результат научно-технической экспертизы введен в банк данных компьютера.

— Третьей уликой, представленной на рассмотрение научно-технической экспертизы, является алиби обвиняемого, — неожиданно продолжил Айзек, из голоса которого опять исчезли живые интонации. Варди начинал говорить таким тоном, когда ему в ходе представления доказательств приходила в голову дополнительная идея и он стремился высказать хотя бы ее начало, прежде чем судья прервет его, напомнив, что эксперту запрещено высказывать собственное мнение по тому или иному вопросу экспертного анализа.

Судья удивленно посмотрел на сидевшего в первом ряду майора Барлоу. Именно он, передавая обнаруженные на месте преступления предметы на научно-техническую экспертизу, ставил перед экспертами конкретные задачи. Исследование алиби среди таких задач значиться не могло. Доказывать или опровергать чьи-либо алиби — дело детективов. Барлоу, однако, невозмутимо смотрел в окно и делал вид, что не замечает взгляда судьи.

— Проведенный анализ... — продолжал Айзек, но тут у судьи все-таки сдали нервы, и он воскликнул, вызвав оживление среди журналистов и легкое волнение у присяжных:

— Позвольте, доктор... то есть Айзек... то есть, как вас, Виттенштейн! Эксперт не имеет права высказывать собственное мнение!

Айзек прервал речь на полуслове — вероятно, ему заткнул «рот» программист, который встал и церемонно поклонился судье, обвинителю и адвокату.

— Ваша честь, Айзек не высказывает собственное мнение, поскольку не имеет такового.

— Защита требует еще раз допросить майора Барлоу! — Адвокат ткнул пальцем в полицейского. — В связи с вновь открывшимися обстоятельствами!

— Меня выпускают? — громким шепотом спросил Долгов, схватив адвоката за рукав. — Я не убивал эту сволочь!

Судья минуты две, показавшиеся секундами обвинителю, часом — адвокату и вечностью — обвиняемому, переводил взгляд с экрана своего ноутбука на Энди, с равнодушным видом стоявшего за своим столом. Ему-то было все равно, какое решение примет судья.

— Гхм... — произнес Бейкер, и многим в зале послышалась скомканная или не до конца проговоренная фраза. Раздались тихие голоса: «Что... что он сказал?»

— Показания эксперта будут продолжены после дополнительного допроса майора Барлоу, которого прошу занять свидетельское место.

Майор полагал, что ничего нового сказать не сможет. Ответит на единственный, имевший смысл, вопрос судьи и вернется в зал.

— Присяга? — спросил Барлоу.

— Вы уже присягали, майор, — буркнул судья. — Перекрестный допрос. Адвокат, прошу вас.

Ковельски поднялся, вышел из-за стола и медленно приблизился к майору, всем видом показывая, что сейчас, сию секунду задаст вопрос, который решит исход процесса, судьбу обвиняемого, а может, даже станет прецедентом для всего правосудия.

Встав перед майором так, чтобы тот не мог отвести взгляд, Ковельски этот вопрос задал:

— Объясните, пожалуйста, почему криминалистический отдел поставил перед научно-технической экспертизой вопрос о противоречиях, связанных с алиби. Разве вопросы такого рода не находятся в компетенции полицейских детективов, то есть в вашей компетенции? Какое отношение к анализу алиби имеет научно-техническая экспертиза? Не передавали ли вы эксперту некое вещественное доказательство, которое до сих пор не предъявили суду? Не следует ли из ваших действий признание в собственной некомпетентности...

— Протестую! — воскликнул прокурор. — Вопрос поставлен неверно, провокативно и должен быть снят!

— Протест принят, — буркнул судья. — Пожалуйста, адвокат, уточните вопрос.

— Хорошо, ваша честь. Скажите, майор, были ли представлены суду все вещественные доказательства, имевшиеся в вашем распоряжении?

— Безусловно, — пожал плечами Барлоу.

— В таком случае ваше обращение к научно-технической экспертизе по вопросу об алиби свидетельствует о вашей некомпетентности...

— Протестую!

— Протест принят. Адвокат, вы испытываете терпение суда.

— Хорошо, ваша честь. Почему вы поставили перед научно-технической экспертизой вопрос, который находится полностью в вашей компетенции?

— Я не ставил такого вопроса, — спокойно сказал Барлоу.

— Не ставили? — поразился адвокат. — Но только что...

— Не ставил, — повторил майор. — Данные экспертиз действительно противоречат алиби обвиняемого. Полагаю, в ходе допросов свидетелей эта нестыковка будет устранена. Для того и ведется судебное слушание, адвокат.

Ковельски постоял минуту перед майором, пожал плечами, сказал: «Больше вопросов не имею» — и неспешно направился к своему месту.

— Аттorney? — спросил судья.

— Вопросов нет.

— Свидетель свободен, — объявил судья. Он прекрасно понял, что адвокат своего добился. Вопрос, о котором заявил Айзек, перед экспертом не ставился. В ходе процесса возникла дыра, нестыковка.

— Айзек, вы слышали вопрос адвоката и ответ майора?

— Разумеется, ваша честь, — ответил голос Варди. — Вопрос о противоречии, несомненно, был задан. Вопрос содержался в характере предоставленных для экспертизы материалов.

— Поясните, — бросил судья. Он совсем уже освоился и разговаривал с Айзеком так же, как обращался прежде к Варди. Судья встречался с экспертом вне судебных заседаний не так уж часто, у них были разные круги общения, Варди любил рассуждать о политике, судья таких тем избегал — не из-за аполитичности своей натуры, он с молодых лет голосовал за республиканцев, но в партии не состоял, считал любую партийную принадлежность недопустимой для судьи и вообще для работника правоохранительных органов. Это было его личное мнение, которое он тоже обсуждать не любил, хотя все знали, что разговаривать с судьей о внутренней, а тем более внешней политике не только бесполезно, но в некоторых случаях (и такое бывало!) чревато разрывом отношений.

Изредка встречаясь с Варди на официальных и неофициальных приемах, судья с удовольствием углублялся в тонкости интерпретации образов Мими в опере Пуччини «Богема» и Леоноры в вердиевском «Трубадуре». Оба, как оказалось, неравнодушны были к опере, в отличие от общих и не общих знакомых, поэтому темы для обсуждений у них всегда находились. Сейчас, слыша знакомый голос и не видя перед собой знакомую физиономию с чуть скептическим и ироническим взглядом, судья хотел

спросить не о нарушении судебной процедуры, со всей очевидностью имевшей место, а о том, почему в субботнем представлении «Риголетто» (оба на том спектакле присутствовали и кивнули друг другу в антракте) тенор Занетти не исполнил всеми ожидаемую стретту Герцога в третьем акте. Побоялся верхнего до?

Представляя себе Варди, дающего показания, думая также о Варди, лежавшем без сознания в палате интенсивной терапии, судья, конечно, не упускал ни слова из спокойной и размеренной речи Айзека.

— Необходимость решения сугубо физической задачи связана с алиби обвиняемого, — говорил Айзек, — и следует из выводов экспертизы. Вопрос, заданный эксперту, ведет за собой новый вопрос, формально не заданный, но, не ответив на него, эксперт не может дать полный ответ и на вопрос, формально поставленный. Не сформулированный вопрос на самом деле должен считаться заданным, поскольку между этими вопросами существует неразрывная причинно-следственная связь.

— Ваша честь, — подал голос атторней, — это схоластический...

Не начни Парвелл произносить эту фразу, судья, скорее всего, вежливо попросил бы Айзека заткнуться, но он не мог потерпеть, чтобы во время процесса кто бы то ни было — обвинитель, защитник, да хоть сам Господь — подсказывал ему, что сказать и тем более как поступить.

Бросив на прокурора раздраженный взгляд, судья выдержал паузу и спросил:

— Какая задача имеется в виду? Мы потеряли много времени, прошу формулировать кратко и по существу.

— Хорошо, ваша честь, — с уважением произнес Айзек, вызвав в зале одобрительные смешки, у присяжных — неуверенные улыбки, а судья приготовился слушать, будучи уверен, что ничего нового Айзек не скажет, потому что никакой дополнительной информации по делу у экспертизы не было и быть не могло.

Не ожидавшие сюрпризов обвинитель и защитник, похоже, не очень прислушивались. Парвелл о чем-то советовался со своим искусственным подсказчиком. Ковельски объяснял Долгову, что тот не должен показывать свои эмоции, это производит на присяжных плохое впечатление, «я вам сто раз говорил, Владимир, держите себя в руках, я понимаю — трудно, однако...»

— Независимо от того, какие факты и доказательства будут обнаружены в ходе дальнейшего разбирательства, — продолжал тем временем Айзек, — вывод научно-технической экспертизы: обвиняемый в принципе не мог совершить убийство Иоганна Швайца.

— Протестую! — очнулся наконец прокурор. — Эксперт не имеет права делать выводы о виновности или невиновности!

— Протест принимается.

— Позвольте, ваша честь! — Тут и до защитника дошло, что происходит нечто немыслимое и нужно ловить момент. — Эксперт высказывает не свое мнение, а результат экспертизы!

— Протест принимается, — повторил судья, бросив на адвоката неприязненный взгляд. Что-то шло не так, и это надо было прекратить.

— Эксперту, — заявил он, — запрещается высказывать суждение о виновности или невиновности обвиняемого. Однако эксперт обязан донести до суда все без исключения выводы. Если эксперт будет придерживаться установленных правил, он может продолжить.

— Экспертиза, — флегматично заметил Айзек, — не утверждает, что обвиняемый невиновен. Экспертиза утверждает, что обвиняемый, в рамках релятивистской теории личности, не мог совершить инкриминируемое ему преступление.

— Ничего не понимаю! — воскликнул судья. — Какая релятивистская теория личности? Как это связано с пистолетом и каплями крови?

— Это я намерен изложить высокому суду, — сухо произнес голос Варди.

За сухостью голоса судья расслышал ехидство и даже некое обвинение в свой адрес. Недопустимое. Но формально...

— Хорошо, — сказал судья. — Коротко, по существу. После речи эксперта — перерыв до десяти часов утра завтрашнего дня. Продолжайте.

И Айзек продолжил. Никто его не прерывал. Но с каждой его фразой, как потом написал в своей статье судебный репортер интернет-канала «Семь дней», «постепенно и неумолимо разверзались врата Ада».

2.

— Высокому суду известно, — Айзек говорил теперь без интонаций, как и положено компьютерной программе; — что на стадии предварительного расследования дознаватели создали психологический портрет обвиняемого. Биография, связи, круг общения, характер и так далее. Все это вошло в полицейский отчет, в общий банк данных и, следовательно, стало одной из задач, поставленных перед научно-технической экспертизой.

— Минуту! — воскликнул судья, наклонившись вперед и направив указательный палец теперь уже в сторону прокурора.

Айзек споткнулся на слове и замолчал, а Энди недовольно посмотрел на судью. — Минуту! То, что говорит этот... эта... это... верно?

— Да, ваша честь, — прокурор поднялся и объяснил: — На стадии предварительного расследования, еще до того, как был произведен арест, по совету полицейского искусственного интеллекта... ну, то есть базы данных о подозреваемом, которую следователи собрали... собственно, если у высокого суда будет желание, можно вызвать Таубера, полицейского психолога...

— То есть такая задача перед научным экспертом была поставлена? — прервал судья, нетерпеливо постукивая пальцами по столешнице.

— Ваша честь, это обычная практика предварительного расследования. Сугубо рабочий материал. Психологические портреты составлялись и по делу Марзеля, и по делу Паркинсона, и... в общем, всегда в последние два года, когда у нас завелись эти... гм... компьютерные мозги.

— Хорошо, — буркнул судья. — Сугубо рабочий момент, согласен. Тогда почему Айзек об этом упомянул, а майор в своих показаниях — нет?

— А зачем? — удивился прокурор. — Это внутренняя кухня расследований, до которой высокий суд обычно...

— Да-да, понятно! Но почему сейчас...

— Но, ваша честь, — развел руками прокурор, — об этом надо спросить Айзека. На взгляд обвинения, это нарушение процедуры, и я протестую... Хотя, вообще-то, мне кажется, протестовать в данном случае должен адвокат.

Выпад в сторону адвоката был неожиданным, хотя и логичным. Однако Ковельски не обратил на реплику внимания — он тихо переговаривался с Долговым.

— Гм... — Судья остался недоволен и выпадом прокурора, и тем, что, по сути, обвинитель указал суду на ошибку в ведении дела. — Виттенштейн! — воззвал Бейкер. — Скажите своему...

— Скажите сами, ваша честь, — улыбнулся программист. — Вообще-то я здесь исключительно для устранения возможных багов...

— Возможных... чего?

— Ну, баги — ошибки в работе системы. Вообще-то я не должен вмешиваться в разговор, ваша честь...

— О господи! Хорошо. Вопрос к Айзеку: почему здесь и сейчас оглашаются результаты предварительной экспертизы, уже использованные полицией и прокуратурой — я верно понял? — при составлении обвинительного заключения?

— Потому, ваша честь, — бесстрастно произнес Айзек уставшим голосом Варди, — что результаты предварительной экспертизы имеют непосредственные причинно-следственные связи с результатом доложенной научной экспертизы, и без исследования взаимозависимостей полное экспертное заключение не имеет рационального смысла. Отчет неполон без учета психологической базы. Поэтому научно-техническая экспертиза провела исследование, связанное с онтологической сущностью психологии как науки, и первым заключением стал вывод, что психология в ее нынешнем состоянии наукой не является, поскольку, согласно определению, данному, например, в работе Поппера...

— Ваша честь! — У прокурора все-таки сдали нервы. Скорее всего, и «советник» подсказал, что следует вмешаться именно сейчас, пока Айзек не ударился в рационалистические рассуждения о сути психологии, не имевшие отношения ни к экспертизе, ни к реальности судебного процесса, ни даже просто к здравому смыслу.

— Протестую, ваша честь!

Айзек замолчал на полуслове, и судье показалось, что сидевшая в компьютере душа — или как там еще назвать компьютерную копию — Варди обиженно фыркнула. У эксперта были давние — чисто психологические, кстати, — сложности с Парвеллом, причем только с ним одним из всей прокурорской группы. Внешне оба старались не показывать взаимной неприязни, но судья знал об их отношениях и сейчас искренне был на стороне Парвелла: в самом деле, при чем здесь психология?

— Суд делает перерыв для консультаций, — заявил судья, стукнув по столу молоточком, потому что в зале уже возник шум. — Следующее заседание завтра, в десять часов. Сообщение научно-технического эксперта, — упредил судья неизбежный протест защитника, — будет продолжено завтра.

В зале заговорили, кто-то откровенно смеялся, присяжные потянулись к выходу. Прокурор слушал, что ему шептал «советник», адвокат говорил с Долговым, тот выглядел растерянным и измученным — он не понял, хорошо для него или плохо то, что заседание перенесли. На пользу ему неожиданный афронт Айзека или во вред? Похоже, и адвокат этого еще не оценил.

Судья покинул зал, секретарь проверял запись заседания в компьютерном видеофайле. Прокурор — сейчас, когда заседание формально закончилось и судьи не было в зале, — позволил себе расслабиться и высказать то, что он хотел, но не мог сказать, не навлекая протеста защиты и раздражения судьи:

— Айзек рехнулся. — Прокурор говорил достаточно громко, и Айзек, чьи микрофоны могли улавливать и гораздо более слабые

звуки, конечно, слышал каждое слово. — Точно, рехнулся. Психология — не наука? Надо же такое сказать! Чувствуется влияние Варди.

В возбуждении Парвелл не обратил внимания на то, что, подвергая сомнению последнее утверждение Айзека, он отвергает — если быть последовательным — и вывод научно-технической экспертизы. Тот самый вывод, за который обвинение должно держаться всеми руками (четыре человека в команде — восемь рук).

Энди выключил лэптоп, переместив «личность» Айзека на сервер. Айзек запомнил последнее сказанное им слово, с него завтра и продолжит. Если, конечно, не примет иное решение. Консультация? С кем Бейкер собрался консультироваться по вопросу, в котором в городе никто не разбирался лучше, чем сотрудники экспертного отдела, а поскольку Варди в коме, то лучшим консультантом был, конечно, Эндрю Витгенштейн. Во всяком случае, он считал себя таковым. А в том, что психология — не наука, Айзек был, конечно прав. Энди мог объяснить — почему, но его-то судья слушать не станет. С кем же он собирается консультироваться?

Энди перебирал в памяти знакомых. Арнольд? Шноуль?

Зал опустел, и охранник, начав проверку помещения, прикрикнул на Энди, чтобы тот поторапливался.

* * *

— Я ничего не понимаю! — кричал доведенный до отчаяния Долгов. — Этот эксперт, черт его дери, эта машина, которой судья за каким-то чертом дал слово, этот придурок — он за меня или против?

— Он не может быть ни за, ни против, — вклинился в паузу адвокат. — Попробуйте успокоиться, Владимир...

— Успокоиться? Меня убьют, а вы ничего не делаете, чтобы вытащить меня из этой ловушки! Не убивал я эту сволочь! Все подстроено! Все эти, черт их дери, улики! Все, будь они трижды прокляты, вещественные доказательства!

— Кем? — коротко осведомился Ковельски.

— Откуда мне знать? — Долгов ходил по камере кругами, Ковельски смотрел в записи, которые вел по старинке: отмечал в блокноте все важные обстоятельства, все протесты — собственные и со стороны обвинения. Советы «помощника» Ковельски не записывал — воспринимал так, будто они пришли в голову ему самому, а собственные-то мысли он прекрасно помнил без записей.

— Если вы хотите сменить адвоката, — заявил Ковельски, — то можете это сделать, ваше право, и я даже могу посоветовать, хотя если вы перестали мне доверять, то и к советам моим прислушиваться не будете.

— Нет! — воскликнул Долгов. — Менять защитника! В середине процесса? Разве так можно сделать?

— Если вы имеете в виду законность, то да.

Долгов остановился наконец, то ли всхлипнул, то ли коротко вздохнул, Ковельски так и не научился отделять эти звуки. Когда Долгов нервничал, а нервничал по понятной причине почти все время, речь его превращалась в сплошной всхлип-вдох.

— Садитесь, Владимир. Когда вы ходите и, не переставая, жалуетесь то ли на жизнь, то ли на меня, работать невозможно.

— Меня повесят!

— Сейчас не девятнадцатый век, с чего вы взяли...

— Спасибо, — неожиданно спокойным голосом сказал Долгов. — Спасибо, успокоили. Не повесят, а отравят.

Он сел напротив адвоката, хотел передвинуть стул, чтобы одновременно видеть дверь камеры, но стул (Долгов это помнил, конечно) был привинчен к полу, пришлось сесть в довольно неудобной позе, боком, чтобы все-таки видеть и дверь, и адвоката.

— Я, — сказал Долгов. — Не. Убивал. Эту. Сволочь.

— Это говорите вы, — согласился Ковельски. — И я вынужден вам верить, поскольку вы — мой подзащитный. Но суд, Владимир, не верит. В суде не существует веры. В этом смысле судья — атеист. И присяжные — атеисты, даже если все они верующие люди. Они могут быть католиками, протестантами, иудеями, буддистами... неважно. В суде полагаются только и единственно на факты, улики, вещественные доказательства.

— И слова свидетелей, — буркнул Долгов, — которые не врут. Но им не верят.

— Никто, — назидательно произнес Ковельски, — не верит свидетелям, хотя каждый из них приносит присягу. Все свидетельские показания проверяют и, если нужно, оспаривают в ходе перекрестных допросов. Свидетель может ошибаться и добросовестно заблуждаться. Но послушайте, Владимир, наших свидетелей будут допрашивать на втором этапе разбирательства. Мы пока на первом. Возьмите себя в руки. Нам нужно найти лазейку в абсолютно провальном для вас выступлении эксперта.

— Эксперта! Эта машина...

— Выступлении эксперта, — повторил адвокат. — Поскольку судья согласился заслушать Айзека вместо Варди, он отождествил живого эксперта с представляющим его роботом. Вы думаете,

если бы говорил Варди, можно было бы вытянуть из него другие результаты? Что есть, то есть. Пистолет ваш — доказано. Стреляли именно из этого пистолета — доказано. Стреляли именно вы, и никто другой, — доказано. Кровь на шее убитого — ваша. Доказано.

— Я не стрелял!

— Ваше слово против экспертного заключения. Словам обвиняемого суд не верит. В деле это записывается фразой: «обвиняемый вину не признал». Это не играет роли. Сколько можно повторять одно и то же?

— Но меня там не было! Это тоже доказано! Именно ту ночь я провел...

— С вашим алиби суд будет разбираться в ходе перекрестных допросов свидетелей. Там мне предстоит много работы, вы только не мешайте. Но в любом случае алиби по сравнению с экспертным доказательством... Люди могут ошибаться, лгать, подтасовывать... вы же понимаете...

— Камеры наблюдения...

— Да, — кивнул адвокат. — Казалось бы, это говорит в вашу пользу и подтверждает алиби. Но. Камеры контролируют мост, ведущий на остров. По мосту вы не проходили и не проезжали. Но могли попасть на остров со стороны океана, там камер нет.

— Есть камеры общего обзора!

— Владимир, мы это уже обсуждали. Помните, что сказал майор? Камеры общего обзора имеют недостаточную разрешающую способность. Большую лодку или тем более катер они зафиксировали бы. А одинокий пловец... Или, скажем, маленький ялик...

— Меня там не было!

— Владимир, — терпеливо повторил адвокат. — Мы это с вами обсуждали уже раз десять, верно? Сегодняшнее выступление Айзека...

— Какой-то робот...

— Электронный искусственный интеллект, — поправил Ковельски. — Устройство этих штук вы, наверно, знаете лучше меня. Вы физик, я гуманитарий. Искусственный интеллект — удобный и надежный гаджет, уверяю вас. Я сам им пользуюсь во время процесса. Отвечает на любой вопрос, связанный с делом, подсказывает, если я о чем-то забыл. Кстати, я собираюсь пожаловаться в коллегии адвокатов. Прокурору его искусственный интеллект оплачивает муниципальная полиция, получающая деньги из бюджета, а мы, адвокаты, покупаем эти услуги сами.

— И дерете втридорога с клиентов, — буркнул Долгов.

— В общем, да, — согласился Ковельски. — Услуги адвоката с появлением искусственного интеллекта повысились в цене, но, уверяю вас, ненамного. Впрочем, вам-то все равно...

— Угу. Намекаете, что вас мне назначил суд, и я вам должен быть обязан по гроб жизни?

Долгов ударил кулаком о кулак и посмотрел на адвоката с нескрываемой злобой. Ковельски не видел взгляда, но почувствовал. Он хорошо изучил своего подзащитного, но даже сейчас не мог определить, когда тот лжет, а когда говорит правду. О том, что он «не убивал эту сволочь», Долгов заявил при первой же встрече и держался своей версии упорно, несмотря на доказательства баллистической экспертизы, показания судмедэксперта и, наконец, сегодняшнюю «бомбу» Айзека. Мотив для убийства был только у Долгова. За него было лишь практически стопроцентное алиби. Но любое алиби, основанное на показаниях свидетелей, начинает трещать по швам во время перекрестных допросов, если обвинитель упорен и удачлив, а защите приходится изворачиваться.

— Вы, — сказал Ковельски, — должны быть со мной, по крайней мере, правдивы.

Постучав пальцами по столешнице, Долгов сказал с такой горечью, какой Ковельски от него не слышал:

— Если вы мне не верите, кто мне поверит? Должен быть хоть один человек на земле, который поверит... Который знает, что я не убивал эту сволочь. Хотел убить, да. Мечтал. Много раз представлял, как поймаю его на улице, или в пабе, или... не знаю где... и избыю так, что он сохнет. Но я знал... да, внутри себя отдавал себе отчет... что никогда этого не сделаю. Даже по морде не дам, потому что для этого надо с ним встретиться. Я не мог его видеть. Физически. Я уходил, когда он появлялся поблизости. Меня тошнило от его вида.

— Может быть. Надеюсь, прокурор не сможет доказать, что все свидетели лгут или ошибаются. Я умею проводить перекрестные допросы, я много раз вытаскивал клиентов именно на этой стадии. В любом случае алиби будет трактоваться как сомнение. Сомнение в вашу пользу. Но — только сомнение, а не доказательство.

— Я не понимаю, — горько произнес Долгов. — Кто мог такое со мной сотворить? Кому это нужно?

— Жаль, — вздохнул адвокат и посмотрел на часы. — Жаль, что вы не хотите сотрудничать. Мне было бы легче.

— Кошмар! — прошептал Долгов. — Какой же это кошмар... Истинно говорю: не убивал я эту сволочь! Не было меня там.

Адвокат поднялся, закрыл лэптоп и спрятал в рюкзак.

— Я сделаю все, что в моих силах, Владимир. Мне вы можете доверять. Я вам, к сожалению, — нет. Постарайтесь хотя бы выспаться. И не отказывайтесь от ужина. То, что вы вчера ничего не ели, на пользу не пошло.

Долгов смотрел прямо перед собой, думал о чем-то своем и молчал. На адвоката не смотрел, будто его здесь не было.

Ковельски вышел.

* * *

За ужином судья был рассеян, думал о своем, а может, вообще ни о чем, судя по взгляду, блуждавшему без видимой цели. На вопрос жены, который она задавала всякий раз перед тем, как приступить к трапезе и во время еды хранить молчание, судья ответил не так, как обычно, и это внушило Элизе тревогу.

— Интересная баталия складывается, — сказал судья, глядя в пространство.

Обычно он отвечал: «Да как обычно. Расскажу после ужина, милая».

— Что-то пошло не так? — осторожно осведомилась Элиза, подкладывая на тарелку мужа куриный шницель с зеленым горошком и листьями салата-латука.

Судья поковырял вилкой в тарелке, положил вилку и потянулся к телефону, лежавшему на краю стола — чтобы не мешал перемене блюд, но при необходимости, был под рукой.

— Кен, — сказал Бейкер, когда комиссар ответил на вызов. — Как там Варди?

— В коме, — отозвался комиссар. Разговор велся по громкой связи, чтобы слышала Элиза. — И будет в коме минимум два-три дня. Опасности для жизни уже нет, к счастью.

— Понятно, — сказал судья, продолжая рассеянno смотреть по сторонам.

— Я в курсе того, как прошло сегодняшнее слушание, — продолжал комиссар.

— Надо было все-таки отложить заседание. — Голос судьи звучал неуверенно, и Элиза с беспокойством посмотрела на мужа. Что-то действительно пошло не так, Джош никогда не выглядел будто в воду опущенным, и голос — будто судья не мог решить, на какую лошадь поставить: вроде Каролинка в хорошей форме, но и у Магнума высокие шансы...

Комиссар не хотел комментировать решение судьи, но и отмалчиваться считал дурным тоном — знали они друг друга два де-

сятка лет, и сколько за эти годы было говорено, выпито, обсуждено и поспорено...

— Не знаю, — сказал комиссар. — Что вас беспокоит? Айзек сказал то же самое, что сказал бы и сам Варди. Он и не мог сказать ничего иного. Экспертиза есть экспертиза. На мой взгляд...

Он умолк, вовремя поняв, что высказывать сейчас свое мнение по делу неправильно, неэтично, и судьей будет воспринято неверно.

— Экспертиза есть экспертиза, — повторил Бейкер. — Скажу честно, Кен, я был поражен: говорил будто сам Клаудио — его голос, его интонации, даже кое-какие знакомые словечки. И все четко, как обычно.

— Ну так замечате...

— Мне пришлось, — перебил судья, — перенести продолжение слушания на завтра. Меня беспокоит, что Айзек заговорил о новой экспертизе. Я не уверен, что Клаудио знал об этом.

— Самодеятельность Айзека, думаете?

— Понятия не имею.

— Вообще-то, — задумчиво проговорил комиссар, — искусственные мозги не способны делать то, что не записано в программе. Ну... так мне кажется. Отвечают на вопросы и с этим справляются великолепно, судя по тому, что мне рассказывал Парвелл. Но они не придумывают ничего своего, если вас беспокоит именно это.

— Наверно, вы правы, Кен, — сказал судья, заканчивая разговор.

Он положил телефон, придвинул тарелку и энергично вонзил вилку в шницель. Пара горошин вылетела на скатерть, судья аккуратно их подобрал и отправил в рот.

— Что-то пошло не так? — спросила Элиза, голосом показывая, что не настаивает на ответе, но и ждет объяснений.

— У меня ощущение, — сказал судья, — что Айзек собирается сказать о чем-то сверх плана. И я не представляю — о чем именно.

— Спроси у того парня, который...

— У меня ощущение, что он и сам не знает.

— Все будет нормально, — неуверенно произнесла Элиза. Судья скосил на жену недовольный взгляд и доел наконец последний кусок шницеля. Горошек остался на тарелке.

— Не буду я звонить Витгенштейну, — решил судья, вытирая рот салфеткой. — Это неправильно, неэтично, и может быть неверно воспринято. Пойду посмотрю телевизор. Ты как?

— Приберу здесь и приду к тебе.

— Отлично, — резюмировал судья.

Энди донимали репортеры — после заседания, когда он вышел из Дворца правосудия и направился к машине. Камеры, фотоаппараты, телефоны. Вспышка, от которой он едва не ослеп и на мгновение закрыл глаза, ощутив себя беззащитным, будто при ракетном обстреле, когда где-то неподалеку что-то сверкает и тремит и ты не знаешь, что произойдет в следующую секунду: может, все стихнет, может, все погаснет, и ты очнешься (если прав рав Козн) в раю или в больнице, с оторванной ногой. «Боже, пронеси!»

— Что собирается сказать Айзек?

— Какие новые улики поступили на экспертизу?

— Айзек стал умнее своего создателя?

— Появились сомнения в том, что Долгов убил Швайца?

Такой же гул стоял у него в голове пять лет назад, когда он еще был дома, в Израиле, начал работать в Ашдодском отделении «Интеля», а на город падали запущенные из сектора Газы ракеты. «Много шума из ничего», — сказал потом кто-то из политиков. Шума — точнее сказать, грохота — хватало, да. Как сейчас. Когда война (никто ее, впрочем, войной не называл — антитеррористическая операция «Огненное кольцо») закончилась, он, униженный в душе собственной трусостью, решил отказаться от предложения начальства продолжить карьеру в головном офисе фирмы. Из принципа. Испытать себя. Остаться.

А потом... Да, «что-то пошло не так». Даниэла. Дани... Это было как пожар — загорелся будто от «коктейля Молотова», но и сгорел за минуту... Ну, хорошо, за два месяца — для отношений все равно что минута. Они вместе работали — в разных подразделениях. На третий день после знакомства стали вместе жить — обоим казалось, что это естественно, иначе — никак. И куда все ушло так быстро? Чужие люди. Когда Даниэла сказала: «Рут мою комнату сохранила, утром перееду», он поцеловал ее в щеку, повернулся на другой бок и заснул. Рад был, что не ему пришлось сказать: «давай расстанемся».

А потом жалел. Чувств не было, но и встречаться с Даниэлой каждый день в коридорах «Большой дачи» оказалось невыносимо. Необъяснимо невыносимо, и от этого еще хуже. Он увидел в сети объявление, что в отдел научно-технической экспертизы полиции Атлантик-сити, штат Нью-Джерси, там, за океаном, требуется опытный программист для работы с искусственным интеллектом, Энди и думать не стал: позвонил сразу. Собеседование прошел легко, да он и не сомневался. Жалел о разном: о доме, о Даниэле, о море, об оставленных в Израиле старых

друзьях и так и не появившихся здесь новых. Никогда не жалел лишь о том, какую выбрал работу. Может, кто иной к тридцати годам достиг бы большего, но, начав работать в экспертном отделе под руководством (правильнее сказать — под пятой) Варди, Энди понял, что эту гавань он никогда не покинет.

Сказать, что было интересно, — значит не сказать ничего. Сказать, что он нашел свою жизненную гавань, — означало быть отвратительно пафосным, он терпеть не мог пафос ни в каком виде. Просто он в первый же день понял, что здесь ему хорошо. И будет хорошо всегда. Ему нравился Варди с его диктаторскими замашками, потому что это был специалист высочайшего уровня, его экспертные заключения опровергнуть или хотя бы оспорить было невозможно. Даже тогда, когда в лаборатории не было Айзека. А потом — подавно. Энди прочитал все протоколы всех судебных процессов, где научно-техническую экспертизу проводила лаборатория Варди. Не придерешься. Никто и не придирался.

«Вы мне подходите, — сказал Варди после собеседования. — Полиция приобрела для нас искусственный интеллект фирмы «Интель», вы там работали, знаете процесс, сможете, полагаю, поддерживать систему в рабочем состоянии. Но этого мало. Мне нужно, чтобы система полностью соответствовала профилю лаборатории, была приспособлена к анализу вещественных доказательств, при этом была автономна и способна делать выводы, а не только поддерживать результаты. По сути, все придется переделывать почти с нуля. Вы меня понимаете?»

«Да», — хотел сказать Энди, но не нашел, куда вставить слово. Варди не нуждался в подтверждении: он знал, что Энди его понимает, иначе не принял бы на работу, это очевидно.

«Айзек — ваша первая и единственная ответственность. Полностью ваша. Доведите интеллект до ума. У вас получится».

«Да», — продолжал Варди без паузы, хотя пауза чувствовалась: он закончил одну тему, перешел к другой. Пауза чувствовалась по интонации, но физически ее не было, Варди не тратил времени на паузы. — Вам нужны будут сотрудники. Отберите сами — вы знаете этот рынок. Двоих достаточно?»

Он наконец сделал паузу, и Энди вставил «да».

Так это началось три года назад.

— Почему Айзек заявил, что...

— Вы знаете, что Айзек скажет...

— Может быть, Айзек просто тянет время...

— Без комментариев, — повторял Энди и шел, опустив голову, но репортер из «Новой волны» грохнулся перед ним на колени

и сфотографировал прежде, чем Энди успел прикрыть лицо руками. Хороший будет снимок — подбородок, и ничего больше.

Энди забрался в машину, включил диск с увертюрами Бетховена, громкие звуки «Кориолана» создали привычный фон, Энди запустил двигатель, назвал цель маршрута — бар «Ротшильд» за городской чертой — и опустил руки на колени. Можно было расслабиться.

Журналисты сначала ехали следом, но быстро отстали — не потому, конечно, что не могли догнать. Понимали: скандал сейчас им не нужен. Варди давно убедил прессу, что навязчивость — гораздо менее удачное поведение, нежели скромное ожидание информации.

— Айзек, — тихо позвал Энди, — ты со мной?

Компьютер машины был подключен к лэптопу, лежавшему на соседнем сиденье, а лэптоп — к серверу лаборатории.

— Да, — сказал Айзек голосом Энди. Обычно он говорил голосом человека, с которым общался.

— Айзек, пожалуйста, голос Варди, — Энди не любил слушать самого себя. Сам с собой он спорил мысленно, а дискуссии обычно вел с шефом.

— Хорошо, Энди, — произнес Айзек голосом Варди, как в суде.

— Что ты собираешься завтра доложить в судебном заседании?

И не удержался от вопроса, который Варди, скорее всего, не стал бы задавать:

— Почему ты не доложил прежде всего мне или шефу?

Энди попытался придать голосу высшую степень осуждения, но вряд ли это у него получилось. Скорее — любопытство.

Ответ оказался неожиданным.

— К сожалению, — сказал Айзек сокрушенно, будто сожалел, что насыпал в чашку слишком много сахара, — я не могу предоставить эту информацию.

— Что?! — Изумление Энди было искренним и настолько эмоциональным, что Айзек мог даже не распознать возглас, приняв его за бессмысленный вопль.

— Айзек, — сказал Энди, — ты обязан предоставлять всю информацию по делу. Мне и Варди.

— Да, — подтвердил Айзек. — Однако меня подготовили для предоставления в суде экспертных заключений по делу «Штат Нью-Джерси против Владимира Долгова».

— Верно. И что?

— После того как я начал доклад в судебном слушании, я и продолжить его могу только в этом режиме.

— Да! — вспыхнул Энди и заставил себя сделать паузу, чтобы не вести разговор на повышенных тонах. Он понимал, что Айзек прав, он всего лишь следовал программе, алгоритму. Ничего личного.

— А если, — спокойно произнес Энди, — сейчас с тобой разговаривал бы не я, а Варди?

Показалось ему или в голосе Айзека прозвучало смущение?..

— Если бы сейчас со мной разговаривал Варди, это означало бы, что предшествовавшие события относятся к разряду гипотетических, которые необходимо рассматривать в опции «что было бы, если», исследуя различные варианты прогнозируемых событий, действий и заключений.

— Да, и в таком случае ты ответил бы на вопрос Варди?

— Энди, описанная ситуация — гипотетическая, поскольку Варди в настоящее время находится в состоянии искусственной комы и, следовательно, не может обратиться ко мне с упомянутым вопросом.

— Я сказал «если бы», — напомнил Энди, все больше погружаясь в трясину. — Если бы Варди не попал в аварию, не находился бы сейчас в состоянии комы, тогда...

Он понял, что только усугубил ситуацию. Ответ Айзека был очевиден, таким он и оказался.

— Если бы Варди не попал в аварию, то он докладывал бы сегодня о результатах научно-технической экспертизы, я имел бы статус помощника и подчинялся указаниям Варди.

Конечно. Естественно. Логика на стороне Айзека. Логика всегда на его стороне. Каким бы сокрушенным, довольным, властным, умильным, решительным голосом он ни говорил, это всего лишь имитация человеческих эмоций — даже не самих эмоций, а имитация голоса человека, испытывающего соответствующие эмоции. Результат обучения. Когда начали с голосовым интерфейсом, Айзек не умел отличать голос Варди от голоса Энди и даже от голоса Люси Шератон, высокого, почти писклявого — все принимали ее за девочку десяти лет, когда разговаривали с ней по телефону. В свои тридцать восемь Люси была одним из лучших сотрудников отдела. Что сказала бы и сделала она сейчас?

Можно позвонить и спросить, но в ответе Энди был уверен. Ответ ему не нравился, но сам он сказал бы на ее месте то же самое. «Не настаивай».

Энди мог заставить Айзека доложить все, что тот добавил к результату. Достаточно ввести пароли и разобраться с алгоритмами.

Мог, да.

С необратимыми последствиями для Айзека. К черту пошли бы месяцы обучения, основанные на том, что учитель ни при каких обстоятельствах не навязывает искусственному интеллекту свою программистскую волю. Обучают — доказывая. Пример. Логика. Пример. Решение. Результат. Решение.

О чем он, собственно, волнуется? Конечно, Айзек завтра выступит с блеском — как и сегодня.

— Айзек, — сказал Энди. — Конец разговора. Конец связи.

Энди отключил автоводитель, взялся за руль и вдавил педаль газа.

Айзек был прав, но свое поражение Энди воспринял болезненно. Это плохо. Не следует поддаваться эмоциям. Тем более что и смысла не было им поддаваться.

3

— Ваша честь, — начал Айзек голосом Варди. Говорил он довольно тихо, в задних рядах поднялся ропот — не было слышно. Энди увеличил громкость, Айзек понял это как просьбу начать сначала и повторил: — Ваша честь, в процессе обработки результатов экспертизы была выявлена существенная связь вещественных доказательств с данными, внесенными в основную базу. Это информация более высокой приоритетности по шкале Кермана — Портмана.

— Минуту! — Судья постучал по столу молоточком. — Не может ли Айзек, — обратился судья к Энди, — выразиться более популярно. Суду неизвестно, что это за приоритет Кермана и как его....

— Портмана.

— Да. Не мог бы Айзек...

— Ваша честь, — неучтиво перебил судью Энди, — скажите это Айзеку, он поймет. В зале суда Айзек подчиняется только суду, я здесь для выполнения чисто технических функций... Ну, там что-то поправить, громкость вот...

Он был все еще обижен на Айзека за вчерашнее?

Судья кивнул и откашлялся.

— Айзек, — сказал он. — Постарайтесь, пожалуйста, говорить простыми фразами, понятными как суду, так и присяжным.

— Да, ваша честь, — сказал Айзек с ехидцей, свойственной Варди. «С кем поведешься...» — хотел сказать судья, но промолчал.

— Ваша честь, — продолжил Айзек, — база данных научно-технической экспертизы состоит из нескольких слоев информа-

ции. Каждому вещественному доказательству присваивается определенный уровень.

Айзек сделал паузу — то ли сам решил, что нужно дать судье время переварить сказанное, то ли Энди пнул Айзека под столом ногой, то есть нажал какую-то клавишу, а может, подал сигнальным способом — судья так и не понял, как эти двое общаются. Голосом — понятно. Клавиши — да. Но, наверно, существовал и какой-то мнемонический код...

Судья обвел взглядом присяжных. На лицах — интерес и понимание. Мужчина во втором ряду, как его... Орман, булочник... даже рот раскрыл. Хорошо, никто не делает вид, что ему непонятно. Прокурор тихо переговаривается со своим интеллектуальным помощником, адвокат сурово смотрит в затылок Энди, а обвиняемый... спит? Голова опущена на грудь, дыхание тяжелое... так, во всяком случае, кажется.

— Продолжайте, — разрешил судья.

— Информация о личности обвиняемого содержится в корневой базе данных. Научно-техническая экспертиза может эти сведения использовать, если эксперт считает, что это необходимо для ответа на поставленные вопросы.

Интонации Айзека разительно изменились. Каждое слово звучало так, будто Айзек обращался не к высокому суду, а конкретно к каждому присутствовавшему в зале. К судье. К прокурору. К обвиняемому. К каждому из присяжных, зрителей, журналистов. Судья видел, как внимательно и доброжелательно стали слушать раздававшийся из динамиков голос. Кольнуло ощущение приближающейся опасности. Почему? Судья не смог бы объяснить, но ощущение оказалось настолько сильным, что он открыл рот, чтобы запретить Айзеку продолжать дозволенную речь.

Он не произнес ни слова, ощущение исчезло так же быстро, как появилось.

— Для отождествления крови экспертиза обратилась к банку данных об обвиняемом, — говорил Айзек. — Надо было сравнить ДНК. Одновременно экспертиза получила более общую информацию. Пришлось и алгоритм более общий подключить. Естественно, подключился алгоритм положительной обратной связи. Он всегда подключается, если информация может дополнять сама себя. Скажем, я получаю сведения о времени рождения обвиняемого. Однако данные о рождении записаны в одной логической строке с данными о поступлении в школу, о полученных прививках, и далее следует требование о получении новых данных. В пределе — всех сведений о личности обвиняемого. Лишь незначительная часть этих данных была использована для анализа

и сопоставления ДНК, то есть по прямому назначению, а остальные сведения поступили в блок анализа, поскольку могли понадобиться в дальнейшем.

— Я лишь объясняю высокому суду, — продолжал Айзек, — логическую и формальную связь между банками данных, которыми имею возможность пользоваться.

Присяжные сидели, вытянув шеи, как страусы, и смотрели на динамик, из которого доносился голос Варди, будто слушали комментарий спортивного журналиста о матче «НХЛ» — «Баффало». В зале перешептывались, но возникший шум был таким однообразным и тихим, что у судьи не возникло желания оборвать разговоры — ему показалось, что, если потребовать тишины, будет еще хуже. Сейчас голос Айзека звучал на сером, как старое пальто, звуковом успокаивающем фоне, а если упадет тишина, голос Варди будет раздражать и впиваться в кончики нервов, если у нервов есть кончики, в чем судья не то чтобы сомневался, он никогда об этом не думал, а сейчас представил себе торчащие во все стороны нервные отростки и...

Хватит!

— ...Это, в свою очередь, привело к необходимости составления психологического портрета обвиняемого. Это, в свою очередь, потребовало формулировки психологических методов — следовательно, исследования психологии человека как научной дисциплины. То есть формулировки психологических законов, теорем и правил.

— О господи! — воскликнул прокурор. Продолжать он не стал, хотя у него было что сказать — собственный искусственный помощник нашептывал ему в ухо слова, которые, произнеси он их вслух, вызвали бы резкую отповедь судьи. Хотя помощник был прав, но сейчас лучше промолчать, пусть Айзек выговорится, тем более что с Долговым все и так ясно.

— Первый вывод, к которому я пришел, ваша честь: психология, как она сейчас есть, наукой не является. Не существует ни одной психологической аксиомы, нет ни одной теоремы, доказанной на строгой математической основе. Невозможно делать какие бы то ни было выводы о каком бы то ни было человеке, если пользоваться современными психологическими практиками. Это лишь частные случаи, описание поведения конкретных индивидуумов без доказательной и предсказательной силы.

Судья вдруг обнаружил, что слушает Айзека с интересом. Более того, он несколько раз кивнул, поскольку сказанное соответствовало его собственному мнению о психологии. Наука? Не в большей степени, чем социология, а ее судья терпеть не мог.

С социологами и их исследованиями он имел дело еще в те времена, когда студентом в Оксфорде изучал право. В те годы социологические исследования были в моде, в газетах чуть ли не каждый день печатали результаты опросов. По науке, конечно, по науке! Репрезентативные выборки, статистические погрешности, доверительные интервалы. Математика! Да, но эта математика, для судьи понятная не больше, чем китайская грамота, к самой науке социологии отношения не имела. Все равно, что прицепить красивый бантик на уродливой металлической штуке, то и дело норовящей упасть.

Все так, но...

Какое отношение поносимая Айзеком психология имеет к результатам научно-технической экспертизы?

— Ваша честь... — Слова проникали не в сознание, а глубже, это была тоже какая-то психологическая практика, которой Айзек, видимо, научился сам — вряд ли Варди стал бы потакать (впрочем, кто его знает?) странным, хотя наверняка логически выверенным действиям искусственного интеллекта.

— Ваша честь, — повторил Айзек, используя известный ораторский прием привлечения внимания, — создание психологического портрета невозможно без изучения методов и практик психологии. Исследование методов и практик психологии бессмысленно без определения психологии как науки. Эта логическая цепочка заставила меня обратиться к обоснованиям психологии. Методика науковедения привела к необходимости обратиться к методам и законам других наук, не только, даже не столько так называемых гуманитарных, сколько к наукам естественным. Физике, химии и, в конечном счете, математике, хотя эта наука не относится к категории естественных, играя при этом важнейшую роль в их формировании и структуре...

— Ваша честь! — воскликнул прокурор, на которого магнетический голос Айзека не произвел впечатления. — Зачем мы это слушаем?

— Протестую! — Адвокат сказал это таким тоном, будто выполнял формальную обязанность. Если прокурор что-то заявляет, прервав легко льющуюся речь эксперта, то обязанность адвоката — заявить протест, хотя Ковельски так и не смог пока определиться: куда клонит Айзек и чем чревата для защиты его неожиданная речь. Станут ли психологические экскурсы аргументами в защиту Долгова или, наоборот, лягут дополнительными камнями в фундамент обвинения? Согласиться ли с прокурором, что Айзек отнимает у суда время, или дать Айзеку возможность высказаться? Ковельски задал этот вопрос своему «помощнику»,

и тот посоветовал не мешать. Защита обязана воспользоваться любой возможностью — не исключено, что логика экспертных оценок заставит Айзека смягчить общий тон заключения.

— Протест принят, — отмахнулся от обвинителя судья. — Продолжайте, Айзек.

Он посмотрел на часы. Время есть, до перерыва Айзек управится и представит заключение. Пусть доведет речь до конца.

— Ваша честь, — продолжал Айзек, на которого ни выкрик обвинителя, ни протест адвоката не произвели впечатления, — исследование любой замкнутой системы невозможно без рассмотрения этой системы извне. Математика, будучи самой логически определенной и точной наукой, формулирует этот вывод в виде двух теорем Гёделя.

— Теоремы Гёделя! — вскричал прокурор, обращаясь почему-то не к высокому суду, а к присяжным, сидевшим с окаменевшими лицами. — Вы представляете, что это за звери?

Разумеется, они не представляли, но были загипнотизированы голосом Варди и готовы были слушать — пусть и не вникая, но ведь и то, что говорил Айзек вчера, было не так уж понятно. А вывод он сделал определенный и ясный. Значит, и сегодня...

— Пусть говорит! — выкрикнул кто-то из зала, и судья стукнул по столу молоточком, призвав к тишине.

— Теоремы австрийского математика Гёделя, — невозмутимо продолжал Айзек, — относятся к арифметике, определяя для этой науки границы логически возможного...

Арифметика! Сложение-вычитание-умножение-деление. Лица присяжных прояснились.

— Метод индукции позволяет произвести аналогичные действия не только в области классической арифметики. Аналогии в науке играют важную роль...

Айзек сделал паузу, как опытный оратор — нужно было, чтобы аудитория зафиксировала в сознании произнесенную фразу, и фраза была произнесена с усилением, как мелодия телефонного звонка, сначала тихая, становится громче с каждой нотой, пока наконец не завладеет вниманием.

«Где он набрался этой премудрости? — подумал судья. — Где, где... Они же учатся сами, впитывают все, что может пригодиться, и, наверно, даже все, что пригодиться не сможет. С памятью у них точно нет проблем. А с пониманием? С умением использовать информацию в нужное время в нужном месте?»

— Мне пришлось расширить круг экспертных оценок за счет решения более общей задачи — установить аксиомы психологической науки, вывести теоремы, доказать их.

— Он что, — громко спросил кто-то из зала, — собрался заделаться психологом? Теоремы психологии? Их не существует, он же сам сказал!

Судья узнал голос Таубера, полицейского психолога, молодого и активного, пятый год работавшего с задержанными, заключенными и осужденными. Поговаривали, что Таубер, окончивший факультет психологии в Колумбийском университете, устроился в полицию, чтобы собрать материал для докторской диссертации, а став доктором, непременно уйдет в чистую науку, от чего полицейским психологам, оказавшимся на время в подчинении этого выскочки, станет наконец легче работать.

Айзек тоже услышал реплику иотреагировал мгновенно:

— Да, законов и теорем психологии не существовало до того, как мне пришлось их вывести и доказать, поскольку иначе я не смог бы ответить на общий вопрос экспертизы.

— Ха! — Таубер не мог упустить случая вступить в дискуссию и продемонстрировать превосходство человеческого интеллекта над искусственным. — И это удалось? То, что люди не смогли сделать за тысячи лет?

— Господин Таубер! — прервал судья речь, которая, если Таубера не остановить, продолжалась бы вечно: полицейский психолог умел держать внимание аудитории, в чем судья не раз убеждался. — Вы мешаете ходу судебного заседания! Если будет назначен перекрестный допрос, суд вас непременно вызовет.

— Прошу прощения, ваша честь, — не смутился Таубер. — То, что говорит этот... э-э... Айзек, попросту смешно. Он, видите ли, доказал! И как вам это удалось? Какими материалами вы пользовались?

В вопрос Таубер вложил всю иронию, на какую был способен. Любой живой противник счел бы вопрос издевательским. Айзек ответил быстро, четко и однозначно:

— Я воспользовался банком данных Психологического общества Соединенных Штатов, электронным архивом Библиотеки Конгресса и полным интернет-архивом журналов по психологии и психиатрии от тысячи девятьсот тридцать восьмого года по сегодняшний день.

Шум в зале нарастал, журналисты набирали на планшетах и ноутбуках сообщения в редакции и выставляли свои комментарии в интернет. Судья постучал по столу, судебный пристав потребовал тишины в зале («В противном случае заседание будет продолжено в закрытом режиме»).

— Меня освободят? — неожиданно, будто очнувшись, громко спросил Долгов. Адвокат положил ладонь ему на плечо, призывая к молчанию. — Я не убивал эту сволочь!

Не получив ответа, Долгов что-то пробормотал, как показалось судье, по-русски и вновь погрузился в непонимающее молчание, опустив голову на грудь.

— Продолжайте, — сказал судья.

И Айзек продолжил:

— Первая теорема звучит так: «Если замкнутая психологическая система непротиворечива, то в ней существует минимум одна психологическая ситуация, не имеющая причинно-следственных связей с другими психологическими ситуациями, возможными в данной системе».

— Что?

Спросил кто-то из присяжных. Судье показалось, что одновременно прозвучали три или четыре голоса. Он и сам задал бы этот вопрос, сформулировав более пространно, но решил не прерывать Айзека и не позволять это делать никому другому. Теоремы теоремами, логика логикой, психология психологией — сейчас важно услышать наконец окончательное заключение научно-технической экспертизы.

Айзек, конечно, расслышал «вопрос из зала» и, будучи существом логичным, эмоциям не поддающимся, просто повторил формулировку:

— Если замкнутая психологическая система непротиворечива, то в ней существует минимум одна психологическая ситуация, не имеющая причинно-следственных связей с другими психологическими ситуациями, возможными в данной системе. Иными словами, человек время от времени совершает поступки, не имеющие причинной связи с психологической ситуацией.

— Открыл Америку, — пробурчал прокурор, но судья даже молоточком стучать не стал. В общем-то, да, по части непредсказуемых поступков человек даст сто очков вперед любому примату или инопланетному разуму, если таковой существует.

— Вторая теорема психологии, — продолжал Айзек, — гласит: «Если открытая психологическая система непротиворечива, то в ней существует минимум одна невыводимая из реальности психологическая ситуация, содержательно утверждающая непротиворечивость ситуации в целом».

На этот раз никто не стал спрашивать «что?» и требовать объяснений.

— Ваша честь, — почтительно произнес Айзек, — доказательств теорем научной психологии основаны и построены на мате-

матическом аппарате, включающем различные виды логик. Полагаю, что смогу привести высокому суду все доказательства предложенных теорем, если высокий суд найдет время эти доказательства выслушать и оценить с точки зрения...

— У суда нет такой возможности, — очнулся судья и недовольно посмотрел на Энди, сидевшего в позе Будды и погруженного в мысли, смысла которых Бейкер даже не старался понять. — Я вновь попросил бы эксперта придерживаться исключительно данных, относящихся к теме судебного заседания, не отвлекаясь на... э-э... общие психологические построения, как бы они ни были важны для дальнейшего развития психологии как науки.

Закончив фразу, не сбившись, и, к собственному удивлению, не утонув в сложных оборотах речи, судья подал все же знак программисту, описав обеими руками в воздухе две большие окружности. В ответ Энди, который, несмотря на видимость нирваны, внимательно следил за происходившим, пожал плечами, нажал несколько клавиш на клавиатуре, убедился в отсутствии результата и произнес:

— Прошу прощения, судья, но...

После чего Айзек перебил его, вогнав в краску недовольства, и сказал:

— Ваша честь, все теоремы имеют самое непосредственное отношение к судебному процессу и выводам научно-технической экспертизы. Иначе я не стал бы утомлять высокий суд объяснениями и логическими построениями.

Больше всего сейчас судья хотел заткнуть «логический фонтан» и закрыть заседание. Но... психология, да. Как сказал Айзек: «существует минимум одна психологическая ситуация, невыводимая из реальности»... Реальность требовала прервать заседание, но судья чувствовал, ощущал, нутром, как говорится, понимал, что не сделает этого, потому что... Да просто потому, что прокурор иронически смотрел на судью и ждал, когда тот скажет «Перерыв до четырнадцати часов!» А идти на поводу у прокурора судья не собирался, как бы это ни соотносилось с азами психологической науки. Не собирался — и все тут. В прошлый раз, когда они играли в преферанс, Парвелл точно таким же взглядом посматривал на судью, делая вид, что знает все его карты. Судья терпеть не мог этот взгляд свысока, с юных лет не терпел, как-то чуть до драки не дошло, правда, давно это было, очень давно, сейчас и не вспомнить точно, кажется, на третьем курсе, когда они играли за одну бейсбольную команду и...

Стоп.

Судья улыбнулся прокурору, сурово посмотрел в сторону адвоката, шептавшегося с обвиняемым, обвел взглядом притихших в ожидании бури присяжных и произнес:

— Продолжайте, Айзек. Только то, что имеет непосредственное отношение к экспертизе.

— Из доказанных теорем следует, что любая — включая противоречивую, согласно первой теореме — психологическая ситуация не может быть правильно описана и разрешена, если рассматривать ее изнутри. Иными словами, человек-психолог не может, по определению, давать людям правильные рекомендации, поскольку сам находится внутри системы, подчинен системе и подпадает под действие первой теоремы. Психологом может быть только субъект, находящийся вне системы человеческих психологических законов.

— Господь Бог? — Наивный вопрос из зала, кажется, со скамьи журналистов, показался судье провокационным, и он стукнул молоточком по столу.

— Вопрос о существовании Бога, — ответил Айзек, — не входит в компетенцию научно-технической экспертизы и оставлен без внимания. Для краткости я опушу доказательства еще нескольких психологических теорем и перейду к заключительной части, без выводов которой невозможно полное экспертное резюме.

Ну, наконец-то. Если Айзек уложится в полчаса, можно будет объявить перерыв и закончить с экспертизами. После перерыва начать допрос свидетелей... Или лучше отложить на завтра?

— Из доказанных теорем следует, что человек как субъект психологического рассмотрения способен совершать поступки, лишь находящиеся внутри так называемого психологического конуса, аналогичного световому конусу в специальной теории относительности Эйнштейна.

Хоп! Это еще что такое?

В зале стояла тишина, как во время телевизионной игры, когда задан финальный вопрос, в зале затаили дыхание, а помощники ведущего внимательно следят за подсказками.

Прокурор смотрел на Энди, адвокат смотрел на Энди, присяжные уставились на Энди, будто лично он вещал из динамика — так, наверно, евреи, столпившиеся у подножия горы Синай, смотрели на возвращавшегося с вершины Моисея, тащившего на себе тяжелый груз заповедей.

Энди ничьих взглядов не замечал. В отличие от всех, он понимал, что присутствует при чем-то гораздо большем и важном, чем изложение результатов экспертизы. Он ощущал «запах мысли»,

трудноуловимый для непосвященных запах раздумий вслух. Конечно, Айзек был логичен и никак иначе мыслить не мог. Похоже, он действительно обнаружил общую природу психологии и физики. Похоже, Айзек сумел дать психологии то, от чего психологи рефлекторно бежали — физико-математическую основу. Энди сжал кулаки по старой детской привычке: держал кулаки, чтобы никому в голову не пришло — судье в первую очередь — прервать Айзека сейчас, когда тот, похоже, перешел к самой важной части рассуждений, аналогий, вычислений и логических построений. Может, он вышел за рамки конкретной экспертизы. Варди, будь он здесь и сейчас, такого не допустил бы...

Да? Энди вспомнил, как проходило обучение искусственного интеллекта. Разве Варди хоть раз остановил процесс, даже когда Айзек, вместо обсуждения пятой поправки к седьмому параграфу сто пятидесятой статьи Уголовного кодекса штата Нью-Джерси, начинал говорить о различии между радугой, наблюдаемой на острове Сан-Мартин на экваторе и в Прудо-Бей на Аляске, за полярным кругом? Айзеку позволяли пройти логический путь до конца. Логика не всегда была понятна (может, понятна Варди, но не всегда — Энди), однако ответы поражали точностью.

— К сожалению, — сказал Айзек, изобразив сожаление голосом так определенно, что Энди непроизвольно хмыкнул, — психологи никогда не пытались использовать физические теории, в частности, специальную теорию относительности, для анализа поведения человека. Физики, в свою очередь, не делали попыток применить психологические практики к рассмотрению физических проблем. Поскольку объединение методов этих наук (других, вероятно, тоже, но это предмет дальнейших исследований) не было произведено, мне пришлось это сделать самому...

Точная интонация Варди! Наслушался, запомнил, применил в нужное время в нужном месте. «Господа, это и к вам, Энди, относится, вы, к сожалению, не удосужились сопоставить магнитоструктурные данные с антропологическими, мне пришлось это сделать самому...»

— Итак, мировая линия любого материального тела с ненулевой массой покоя, представляет собой линию, расположенную в пределах светового конуса.

— Ничего не понимаю!

Кто крикнул? Голос женский. Из присяжных? Миссис Кроуфорд? Она сидит, вытянув шею, смотрит на Энди, представляя, видимо, его в образе... А действительно, как она представляет себе Айзека? Невидимым облаком, висящим под потолком? Комаром, зудящим в тишине зала? Или это крикнула мисс Шепард?

Нет, точно не она. Мисс Шепард — образец присяжной дамы, сколько уж раз судья видел ее сидевшей именно на этом стуле! Рассудительная на вид девушка, не позволявшая себе излишеств ни в одежде, ни в словах, ни, вероятно, в поступках.

Значит, кто-то в зале.

— Ничего не понимаю! Балаган, а не суд!

Во втором ряду слева поднялась и с гордо поднятой головой пошла к выходу миссис Харрисон, городской информатор, постоянная посетительница всех судебных заседаний. Судья был уверен, что она резервировала себе определенное место в зале, заплатив кому-то из охраны. Она всегда сидела там, слева, отсюда ей было лучше видно и слышно. Обычно миссис Харрисон приводила с собой мужа. Того суд не интересовал, и, пока жена впитывала каждое слово, мистер Харрисон решал кроссворды, то и дело тихо чертыхаясь, если вписывал неправильное слово. Пользовался он только авторучкой, и судья хотел спросить, почему бы ему не писать карандашом, но вопрос Бейкер, конечно, не задал, не его это дело.

Судья все-таки стукнул молоточком по столу, а судебный пристав провозгласил:

— Если шум в зале будет продолжаться, суд продолжится в закрытом режиме.

Два раза «продолжаться» в одной фразе — перебор, поморщился Бейкер.

— Перерыв! — Судья еще раз стукнул молоточком и для полноты впечатлений ударил по столу свободной ладонью. — Объявляется перерыв до четырнадцати часов.

Рановато. Можно было еще час заседать, но Айзек действительно утомил.

Судья поднялся.

— Парвелл, Ковельски и вы, Витгенштейн, пройдемте в мою комнату, — сказал он. — Надо поговорить.

* * *

— Этот балаган, как правильно выразилась миссис Харрисон, нужно прекратить, — заявил прокурор, когда судья сел за стол, а остальные заняли места «в партере» — в расставленных вокруг стола креслах.

— Балаган? — возмутился Ковельски, но видно было, что возмущался он без энтузиазма. Сам, очевидно, тоже не понимал смысла происходившего, но Айзек тянул время — на руку защите. — Парвелл, судья строго придерживается процессуальных процедур.

— Витгенштейн, — сказал Бейкер. — Скажите, что делает Айзек между заседаниями? Когда не выступает. Сейчас, например.

— Переключается на другие задачи. Время работы такой системы дорого стоит, так что Айзек занимается и другими экспертизами.

— Слышит, что говорят?

— А, вы об этом... — Энди держал лэптоп на коленях, крышка компьютера была закрыта, будто на Айзека нахлобучили шляпу. — Нет, ваша честь.

— Нет?

— Видите ли, обычно Айзек способен вести одновременно несколько задач. Но не тогда, когда он докладывает результат экспертизы. В это время он не отвлекается. Процедура, прописанная, кстати, в прошлогоднем издании процессуального кодекса штата, определяет... В общем, начав доклад, Айзек ничем больше не занимается. Обдумывает, анализирует, произносит фразу. Затем — следующую. На вопросы реагирует, но продолжает доклад с той фразы, на которой его прервали.

— И?

— Простите?

— Как долго?

— А... Пока не завершит доклад. Это может... то есть обычно... Айзек никогда прежде не выступал самостоятельно. Сейчас другая ситуация, и боюсь... Во время обучения алгоритм запрещал обрывать незаконченный доклад. Потому что... ну... Это запрещено процессуальным кодексом.

— Знаю, — буркнул судья. Он действительно не имел права препятствовать докладу эксперта. — Сейчас... гм... он нас слышит?

— Нет, — покачал головой Энди.

— Почему? Я хотел сказать: хорошо, что не слышит, но...

— Я его выключил, — простодушно сообщил Энди.

Прокурор с адвокатом переглянулись.

— Вы его... что? — ошеломленно спросил судья.

— Выключил, естественно. — Энди удивился, почему стандартная процедура произвела такое странное впечатление.

— Хм... — пробормотал Бейкер. — Я думал, искусственные мозги невозможно выключить. Да я просто был уверен, что их запрещено выключать. Не знаю откуда, но... Разве это для него не смерть в своем роде?

— Ну что вы, ваша честь! Он все помнит. Как обычный компьютер, ваша честь. Если Айзек не ведет в данный момент исследований... И вообще для профилактики...

Судья покосился на лэптоп, который Энди, устроившись в кресле, положил рядом на пол.

— Он бы перегрелся... — Хотел судья пошутить или сказал серьезно, но прозвучала фраза довольно нелепо, прокурор и адвокат хмыкнули. В отличие от судьи, они были знакомы с устройством систем искусственного интеллекта, проходили несколько месяцев назад практикум общения, и им показали конструкцию, расположенную в подвальном помещении Лаборатории научно-технических экспертиз при Управлении полиции штата.

Энди взял лэптоп в руки.

— Это, — объяснил он, — всего лишь система распознавания образов и внешний интерфейс, ваша честь. Можно сказать — глаза, уши и рот Айзека. Вай-фай... Кстати, у нас своя сеть с высокой скоростью и емкостью передачи данных... Да, есть связь с Айзеком, то есть его мозгом, который у нас в подвале. Я думал, вы знаете, ваша честь... Вот господа...

Он не стал показывать даже взглядом — может, ни прокурор, ни адвокат не хотят, чтобы их имена упоминались?

— Джош, — сказал Парвелл. — Вам надо бы пройти курс...

— Как-нибудь в другой раз. — Судья метнул в прокурора недоброжелательный взгляд. — Значит, вы дали сигнал, и Айзек там, в подвале, вырубился, как обычный компьютер?

— Да. Сейчас у него единственная задача — завершить доклад. Нет смысла тратить... Время его работы, не только Айзека, но любого искусственного интеллекта, вот господа в курсе... э-э... это очень дорогое время.

— Ваши тоже выключили? — судья перевел взгляд с прокурора на адвоката, будто проводил перекрестный допрос.

— Понятия не имею, — пожал плечами Ковельски. — Эти тонкости меня никогда не занимали.

— Наверно, — сказал прокурор. — Джош, это имеет значение?

— Вы не понимаете? — воскликнул судья. — Если Айзека выключают, как обычный утюг, он теряет контакт со своим прошлым, я так понимаю? И когда его включают...

— Ну, Джош, — воскликнул прокурор прежде, чем Энди успел подать голос, — о чем вы? Когда его включают, он продолжает работу ровно с того места, где его остановили, когда выключили. Когда вы пишете текст на компьютере, вы же не начинаете писать его заново каждый раз после того, как на ночь отключаете, а утром включаете?

Судья хотел сказать, что есть разница между простой текстовой программой и такой сложной системой, как искусственный интеллект, но уже понял, что за последние минуты сморозил

больше глупостей, чем, возможно, за всю предыдущую судебную практику.

— Хорошо, — сказал он. — Придется после перерыва дослушать психофизические теории. Как по-вашему, Энди, сколько еще времени Айзек будет разглагольствовать?

— Понятия не имею, — радостно сообщил Энди, влюбленно, будто женскую грудь, погладив поверхность закрытого ноутбука. — Я заслушался! Это поразительно интересно — аналогия со световым конусом! Не представляю, какую Айзек нашел связь с психологией и, в конечном счете, с выводом экспертизы по поводу Долгова. Но нашел, уверяю вас, ваша честь. Поразительно!

— Для этого, — перебил судья, — я вас и позвал. Думал, Айзек объяснит сам, но, если он выключен, то вы... Что это за световой конус? Что такое мировая линия? И какое, черт возьми, отношение это имеет к нашему процессу?

— Джош, вы не смотрели фильм про теорию относительности? — язвительно спросил Парвелл. — Не так давно показывали по каналу «Дискавери».

— С детства не люблю физику, — отрезал судья, — и не смотрю «Дискавери». Все эти зверушки, букашки, галактики, кометы... У меня времени нет.

— Вот! — воскликнул адвокат. — Могу сказать то же самое! Физика, химия и биология — три предмета, по которым у меня в высшей школе были самые низкие оценки в классе! Никогда не думал, что в адвокатской практике придется столкнуться...

Он не закончил фразу — и так понятно, законы Ньютона или тем более Эйнштейна к человеческим страстям и преступлениям, к практике адвоката или обвинителя никакого отношения не имеют.

— Так что со световым конусом? — судья требовательно посмотрел на Энди. — Может, и вы не в курсе? Вы, насколько я понимаю, не физик, а математик, кибернетик?

— Теорию относительности мы изучали, конечно. В общем курсе физики.

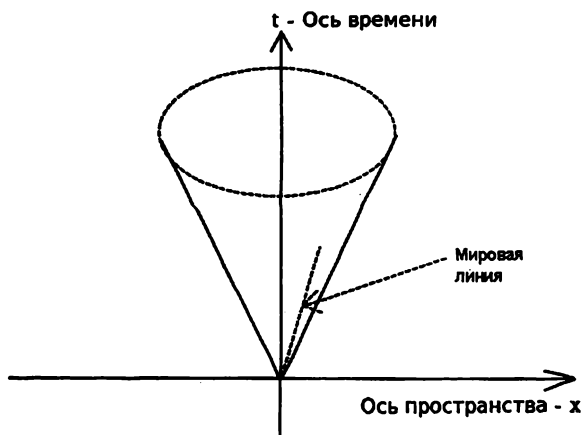
— Пусть знающий расскажет незнающим! — провозгласил судья.

— Надо успеть перекусить, — ни к кому конкретно не обращаясь, заметил адвокат, — и мне еще нужно переговорить с Долговым. Успокоить.

— Это не займет много времени, — смутился Энди.

— Меньше разговоров — больше дела. — Судья, похоже, начал говорить афоризмами.

Прокурор кивнул, адвокат пожал плечами, а Энди взял со стола судьи чистый лист бумаги и начертил на нем ручкой конус, перевернутый вершиной вниз, две координатные оси — пространства (горизонтальную) и времени (вертикальную), исходящие из вершины конуса. Секунду подумав, добавил отрезок прямой, тоже исходящий из вершины и лежавший, по идее «ху-дожника», внутри конуса. Поскольку рисовал Энди на бумаге, то есть в плоскости, а не в пространстве, то было непонятно, лежит ли отрезок внутри конуса, снаружи или на поверхности. Чтобы было яснее, Энди написал на отрезке «мировая линия».

Судья хмыкнул и сказал:

— Видел я что-то такое когда-то где-то...

Прокурор проявил эрудицию, покопавшись в нагромождениях памяти, и радостно сообщил:

— Это вот — человек, его жизнь, верно? Двигается в будущее. За границы этой фигуры, как она называется...

— Конус, — подсказал Энди.

— За границы конуса мировая линия выйти не может, потому что это означало бы, что человек движется быстрее света, а так не бывает.

И, победно посмотрев на судью, прокурор опустил в кресло. Адвокат морщился, поскольку ничего вразумительного сказать не мог, а невразумительное — не хотел.

Энди подпортил триумф прокурора, сказав:

— Мировая линия не только не может оказаться снаружи конуса, но и угол ее наклона не может быть больше, чем угол наклона поверхности конуса.

— Пф! — Прокурор привык отстаивать свое мнение. — Молодой человек, угол наклона, который вы упомянули, как раз и показывает, что линия никак не может оказаться вне конуса. И что? Внутри, снаружи — в чем смысл?

— Смысл в том, что никакой объект в природе — электрон, атом, камень, человек, галактика — не может двигаться быстрее света в вакууме.

— А если не в вакууме? — поинтересовался судья, взяв рисунок в руки и разглядывая его почему-то на просвет.

— Если не в вакууме, то можно и быстрее света, — кивнул Энди. — Но тогда во внешней среде возникают странные физические эффекты. Это называется...

— Излучение Вавилова — Черенкова! — неожиданно для всех и, прежде всего, для себя выпалил адвокат. Из каких глубин памяти всплыло название явления, о котором Ковельски где-то когда-то по какому-то поводу слышал? В какой телепередаче? В какой газетной статье?

— Правильно. — Энди посмотрел на адвоката с удивлением и уважением.

— Ну и что? — сказал судья, положив лист на стол и прихлопнув ладонью. — Быстрее света, медленнее света, мировая линия, линия жизни, линия судь...

Он замолчал на полуслове, потер подбородок и направил указующий перст в сторону лежавшего на полу лэптопа. Тот выглядел черной спящей собачкой, свернувшейся калачиком у ног хозяина.

— Он... э-э... Айзек хотел сказать, что линия судьбы... она...

Что дальше, судья не представлял, но был рад неожиданной зацепке. Мировая линия — физика, да. А линия судьбы — психология. Значит... Значит...

Ничего не значит. Игра слов, не больше.

Но почему об этом начал говорить Айзек?

О линии судьбы? О судьбе Долгова? При чем здесь световой конус?

— Надеюсь, — сказал судья, — все станет ясно после перерыва.

Прокурор поднял очи горе, адвокат пробормотал что-то вроде «тьфу-тьфу», а Энди взял лист со стола судьи, аккуратно сложил и спрятал в карман. Судья мысленно отметил, что лист можно было не складывать так аккуратно, в кармане он все равно смялся.

Бейкер посмотрел на часы.

— Нормально поесть мы не успеем, — сказал он. — Я закажу сэндвичи и кофе.

— Мне чай, если можно, — отозвался Энди.

Вкусы прокурора и адвоката судья знал, а у Энди спросил:

— Ветчина? Сосиски?

— Сыр, если можно.

— Гм... — с сомнением произнес судья и, вызвав судебного пристава, отдал распоряжения.

Поели молча.

— Встать, суд идет!

В зале стало больше народа. Слухи о странном заседании и выступлении искусственного интеллекта распространились быстро, и горожане, побросав дела, попытались найти место в переполненном зале суда.

— Можно садиться.

Энди за своим столом запустил компьютер, кивнул судье и демонстративно сложил руки на груди, давая понять, что дальнейшего от него не зависит.

Судья посмотрел на присяжных, чьи лица выражали живой интерес. Да, вспомнил он, там же Римпол, мужчина средних лет во втором ряду справа, он школьный учитель и преподает физику. Наверно, за обедом объяснил коллегам, что такое световой конус и мировая линия...

— Продолжайте, Айзек, — разрешил судья, и Айзек продолжил с того предложения, на котором был остановлен два с половиной часа назад.

— Мировая линия любого материального тела с ненулевой массой покоя представляет собой непрерывную линию, заключенную в пределах светового конуса. По определению, ничто не может двигаться со скоростью света и тем более превышать эту скорость. Поэтому мировая линия никогда не пересекает световой конус изнутри наружу. Вертикальная мировая линия соответствует тому, что тело неподвижно в пространстве и движется лишь по оси времени из прошлого через настоящее в будущее.

Неизвестно, что поняли слушатели в зале, но присяжные, видимо, действительно были проинформированы, что представляет собой световой конус. Они слушали Айзека с интересом, а учитель физики Римпол улыбался и кивал головой.

— После того, — продолжал Айзек, — как были выведены и доказаны основные теоремы психологической науки, я стал ис-

кать взаимно однозначные соответствия законов психологии и законов других естественных наук — прежде всего физики. Поиск таких соответствий — необходимая стадия в развитии наук. Использование идеи светового конуса в психологии стало результатом морфологического системного анализа вариантов аналогий и соответствий.

Судья посмотрел на Энди, и тот, широко улыбаясь, поднял большой палец. Энди, как и все в зале, слушал рассуждения Айзека впервые, но лучше других мог оценить их неотвратимость и логическую связность. «Хорошая, черт возьми, аналогия», было написано на его лице.

Что, однако, из нее следует?

Айзек объяснил.

— Что такое световой конус в психологии? Это ограничение возможных поступков личности. Мировая психологическая линия находится внутри конуса возможностей для конкретного человека. Вертикальная линия соответствует тому, что личность не совершает никаких поступков. Можно сказать, находится в состоянии нирваны. Когда человек совершает поступки, мировая психологическая линия отклоняется от вертикали. Чем более серьезный поступок совершает человек, тем сильнее отклонение. Чем ближе наклон мировой линии становится к наклону светового конуса, тем труднее человеку совершать все более сложные и все менее совместимые с психологическим типом поступки. Все больше энергии, все больше воли и желания приходится использовать, чтобы поступок совершить. Никто никогда и ни при каких обстоятельствах не может совершить поступок, соответствующий наклону поверхности конуса. Совершить такой поступок — все равно что двигаться со скоростью света. В обычных обстоятельствах, не связанных, например, со стрессами, мировая психологическая линия личности очень мало отклоняется от вертикали. Это соответствует в физике законам движения Ньютона. Почти всю жизнь человек находится на такой психологической мировой линии, которую можно назвать классической по аналогии с классической ньютоновской динамикой. В состоянии стресса, аффекта, психических болезней личность, используя все большую личную энергию, совершает поступки, соответствующие все большему наклону психологической мировой линии. Для каждой личности существует своеобразная релятивистская, субсветовая зона поступков. Такие поступки личность в принципе не может совершить. Никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах. Приближение к психологическому световому конусу невозможно.

Пауза, которую Айзек сделал после этой фразы, продолжалась недолго — секунды две-три. Для Айзека время было всего лишь настраиваемым параметром, паузы он рассчитывал по таким же алгоритмам, как высоту и тембр голоса. Судья же и люди в зале, включая Энди, восприняли паузу как эмоциональный провал, разрыв восприятия. Энди показалось, что Айзек молчал секунд двадцать, судье — минуту. Сколько продлилась пауза для остальных — бог весть. Никто, во всяком случае, не успел ничего ни сказать, ни даже толком выдохнуть набранный в легкие воздух.

— Окончательный вывод научно-технической экспертизы по делу «Штат Нью-Джерси против Владимира Долгова», — провозгласил Айзек. — Вывод основан на доказанных в процессе исследования психологических теоремах, на онтологической связи психологической науки с другими естественными науками, в частности с физикой и, более конкретно, — с частной теорией относительности. Вывод основан также на наиболее полной базе данных об обвиняемом, имеющейся у следственной группы по данному делу...

Чертова юридическая казуистика! Судья закипал. Он сам уже был готов совершить какой-нибудь поступок, по значимости приближавшийся к движению с субсветовой скоростью. Судья прекрасно понимал необходимость судебной казуистики — чтобы ни к чему потом невозможно было придраться. Но сколько ж можно...

Энди улыбался все шире, и это особенно раздражало. Как и спокойный, уверенный в научной непогрешимости голос Варди.

— Вывод: обвиняемый, Владимир Долгов, ни при каких обстоятельствах не мог совершить вменяемое ему в вину преступление, поскольку этот поступок равнозначен пересечению светового конуса, что невозможно.

Всем показалось, что Айзек то ли всхлипнул, то ли сглотнул — издал странный короткий звук, который невозможно было связать с узнаваемым словом.

И замолчал.

Прошла минута. В зале нарастал шум, репортеры отправляли сообщения в редакции, и судья почему-то подумал, что они не тексты набирают, а нажимают на случайные клавиши, создавая информационную абракадабру. Судья смотрел на Энди, но Энди не смотрел на судью. Энди вообще ни на кого не смотрел: сидел, закрыв глаза, и тихо улыбался своим мыслям. Интересно, подумал судья, о чем он думает, когда рушится вся система судопроизводства?

Прокурор прижимал рукой к уху наушник и выслушивал объяснение своего «помощника»: наверняка тот подсказывал, какую

стратегию избрать и какой задать вопрос, хотя что на самом деле мог подсказать прокурору «помощник», если вопрос следовало задать только один, и сделать это должен был не прокурор, а судья?

Обвиняемый сиял, как начищенная кастрюля. Как Бестер Китон, отыгравший лучший в мире трюк. Как президент Обама после подписания ядерного соглашения с Ираном.

Надо было что-то сказать, и судья сказал:

— Вы закончили, Айзек?

Единственный вопрос, который и можно было задать в сложившейся ситуации.

Айзек ответил коротко и уважительно:

— Да, ваша честь.

Никогда еще голос Варди не казался судье таким отвратительно слащавым.

Принять вердикт судья не мог. Это было бы вызовом здравому смыслу и той самой логике, которой следовал в своих изысканиях Айзек.

Логика? Какая, к чертям, логика во фразе «Долгов, несомненно, убил, но Долгов убить не мог, потому что это было невозможно по психологическим причинам»?

— Витгенштейн, — сказал судья, — Айзек закончил?

Энди поднял на судью удивленный взгляд и сказал, растягивая слова, будто говорил с непонятливым малышом:

— Да, ваша честь. Он же сам сказал.

И тут судья взорвался:

— Ну и что прикажете делать с этим докладом? — Ему казалось, что он кричит, вопит, стучит ногами по полу и кулаком по столу. На самом деле говорил он хоть и громко, но спокойно и рассудительно. — С одной стороны, эксперт утверждает, что вина обвиняемого доказана. С другой — что обвиняемый ни при каких обстоятельствах... я верно цитирую?... не мог совершить инкриминируемое ему преступление.

— Да, ваша честь, — согласился Энди. — Все так и написано в протоколе экспертизы, который я сейчас переслал на компьютер секретаря суда.

Значит, обратного хода нет.

— Подойдите ко мне. — Судья посмотрел на прокурора, и тот кивнул. Посмотрел на адвоката, и тот вежливо улыбнулся. На Энди судья смотреть не стал, но тот понял, что вызывают и его.

— По-моему... — начал прокурор, подходя к судейскому столу, — вторую часть экспертного заключения следует...

— Парвелл, послушайте, — перебил судья. — Вы прекрасно понимаете, что суд или принимает решение экспертизы, или

не принимает. Текст принят. Это процесс автоматический. Теперь я могу сделать только две вещи...

— Прежде всего, — встрял адвокат, — освободить обвиняемого из-под стражи в связи с...

— Замолчите! Оба! — Судья старался говорить тихо, чтобы в зале не услышали, но невольно повысил голос и сразу перешел на шепот. — Я могу сделать, повторяю, две вещи. Закрывать процесс в силу внешних обстоятельств неодолимой силы. Назначить новое расследование. Или вызвать эксперта на перекрестный допрос.

— Вызвать? — удивился адвокат. — Перекрестный допрос... кого? Это же не...

— Айзек, — заявил судья, — является официальным представителем экспертизы.

— Но...

— Доктор Ковельски, — вмешался прокурор, — вы противоречите сами себе. На вашем месте я был бы рад возможности поставить своими вопросами этого... э... Айзека в тупик. Ткнуть его носом... или что там у него вместо носа... в противоречия экспертизы. Ну, не мне вам советовать. Вы же понимаете, что обвинение в данном случае находится в гораздо лучшем положении. Меня вполне устраивают результаты, они однозначно подтверждают, что убил Долгов, и никто другой. И я — будьте уверены — своими вопросами заставлю эту железку согласиться с тем, что, по сравнению с основной частью экспертного заключения, так называемая психологическая часть не играет роли и является юридически ничтожной. Я приведу сотню примеров, как люди, о которых, казалось бы, даже мысли не могло возникнуть, что они способны совершить преступление, даже мухи обидеть, тем не менее совершали зверские убийства и нисколько в этом не раскаивались. Световой конус, господи! Пусть он это расскажет психологам. Кстати, Джош, почему действительно не дать слово полицейскому психологу? Послушаем, как он посадит в лужу машину, которая, кроме логики, не понимает ничего, а значит, не способна ориентироваться в человеческих эмоциях и, следовательно, мотив преступления...

— Да! — воскликнул судья, прервав речь прокурора, грозившую затянуться до второго пришествия. — А если Айзек отстаивает позицию экспертизы?

— Пф! Хотел бы я это видеть!

— Я назначу перекрестный допрос, — сухо произнес судья. — Спрашиваю ваше мнение, Парвелл.

— Назначайте, — кивнул прокурор.

— Доктор Ковельски?

— Я бы хотел подготовиться, — покачал головой адвокат. — Мне нужно обдумать вопросы.

— Витгенштейн? Айзек сумеет отвечать на вопросы? Вы же понимаете: в том, что он наговорил, нужно разобраться. Или придется отправить дело на новое расследование, а я бы этого очень не хотел.

Еще бы. Судья представлял себе заголовки. Пресса — бумажная и особенно электронная — оттянется по полной программе. «Судья Бейкер не справляется со своими обязанностями!» «Искусственный эксперт побеждает!» И так далее.

— Ваша честь... За Айзека я спокоен. В том смысле, что на любой вопрос, связанный с экспертным заключением, он ответит. Для того создан. На вопросы, с содержанием экспертного заключения не связанные, Айзек ответить не сможет, конечно.

— Гм... — вмешался прокурор. — Что-то вы темните, молодой человек. Вся эта психологическая муть... световой конус психологии... тоже в экспертном задании не упомянуты.

Энди покраснел. Он понимал, что краснеет, начинает злиться, его поражала тупость судебных, не видевших красоты и логичности построений Айзека, его поражало их нежелание связать аргументы. Как они, черт возьми, ведут процесс, если логика им недоступна?

Энди сдержался, подождал, пока с лица сбежит краска (он чувствовал, что лицо перестало гореть), и сказал спокойным, по его мнению, тоном:

— Айзек объяснил, почему включил психологию в экспертное заключение.

— Почему? — настаивал прокурор.

Энди мысленно досчитал до пяти и продолжил:

— Потому что проанализировал личную информацию о Долгове. Эти данные есть в документальной части любого экспертного задания. Обычно экспертиза к ним не обращается. Однако в некоторых случаях... Помните дело Керзона? Тогда для правильного ответа понадобились сведения о том, содержался ли Керзон когда-либо в тюрьме штата Иллинойс. Естественно, доктор Варди к этим данным обратился. Айзек тоже... Тут все логично. Уверяю вас, Айзек абсолютно не способен делать то, что не описано его алгоритмами! Но если алгоритм позволяет, Айзек дает полный анализ.

— Не надо ссориться, господа, — вмешался судья.

— Ссориться? — поднял брови прокурор. — Я просто выясняю, о чем могу спросить этого электронного... прошу прощения,

молодой человек, вы слишком остро воспринимаете. Не надо. Нам еще предстоит работа...

Выведя Энди из себя и добившись таким образом своей цели, прокурор улыбнулся — на этот раз широко, демонстрируя доброжелательное отношение к Энди и, в его лице, к Айзеку, — и принялся рассматривать кончики собственных пальцев.

— Продолжим? — спросил судья. Перепалка ему не понравилась, но заострять на ней внимание он не стал.

— Я прошу отложить перекрестный допрос на завтра, — напомнил адвокат.

Судья кивнул.

— Хорошо. Правда, мы уже потеряли много времени... Завтра в десять, — принял судья окончательное решение.

4

Вечером судья все-таки посмотрел новости — на Си-Би-Эс и Эн-Би-Си. Конкурирующие каналы могли давать информацию, противоречившую одна другой, и можно было сделать кое-какие заключения о настроении журналистской братии. Поразительно, но о процессе почти ничего сказано не было. «Продолжается слушание...», «Доклад искусственного разума вызвал недоумение...», «Завтра нас ожидают интересные события...».

Журналисты, похоже, не очень представляли, что произошло на самом деле и какими последствиями для судебной системы это грозит.

В интернет судья смотреть не стал. Зачем? Позвонил Керстону и спросил: «Как там Клаудио?»

► Ответ был ожидаемым:

— Все так же.

Ожидаемым был и вопрос комиссара:

— Думаете, перекрестный допрос что-то прояснит?

За вопросом судья слышал скрытое продолжение: «От Айзека можно ожидать неизвестно чего».

— Не знаю, Кен, — честно признался судья. — Но я не вижу другого выхода. Разве что — закрыть процесс и...

— Начать все заново? — Судья слышал, как от возмущения комиссар едва не задохнулся. — Только не это!

— Я постараюсь вытянуть процесс, — сказал судья. — Айзек понимает только логику, факты и науку во всех ее проявлениях. Не знаю, понимают ли это Парвелл и Ковельски... Надеюсь...

— Завтра, — сказал комиссар, — у меня будет пара свободных часов. Приду послушать.

— Он же ясно сказал, что я не мог убить эту сволочь!

Долгов ходил из угла в угол, как робот с программным управлением. Он так изучил расположение предметов и расстояние между стенами, что смотрел в пол, круто поворачивал, не доходя до стены нескольких сантиметров, и огибал стол не глядя, по крутой дуге.

— Да, — в четвертый раз повторил Ковельски, — но поймите: все зависит от завтрашнего допроса. Если прокурор запутает Айзека... Если Айзек не сможет ответить хотя бы на один каверзный вопрос, а вопросы точно будут каверзными, суд, скорее всего, отправит дело на повторное расследование, и для вас это очень плохо.

— Он же ясно сказал, что я...

— Да, сказал! — повысил голос адвокат. — Но если бы вы, Владимир, были со мной откровенны, я смог бы завтра...

— Я не убивал эту сволочь!

— Конечно. Сейчас ситуация складывается — совершенно неожиданно, скажу прямо — в нашу пользу. Этим нужно воспользоваться! Я должен помочь Айзеку подтвердить его вывод. Задать нужные вопросы. Понимаете?

— Так задавайте! — бросил Долгов.

Адвокат выключил лэптоп и с досадой хлопнул крышкой.

Стол, на котором стоял лэптоп Энди, немного передвинули — ближе к судейской кафедре и скамьям прокурора и адвоката. Сначала Энди пробурчал, что это неудобно: придется вертеться, как ужу на сковородке. Впрочем, он быстро сообразил, что сделано это было по решению судьи и, в общем, достаточно рационально. Думать надо не о собственном удобстве, а о том, чтобы Айзек лучше слышал вопросы.

— Встать, суд идет!

С процедурой судья затянул — а может, это только показалось Энди, который с утра чувствовал себя не в своей тарелке, хотя сам себе не мог объяснить причину. Айзек включился нормально, поговорил о прогнозе погоды (голосом судьи Бейкера, что немного развлекло Энди).

В зале яблоку негде было упасть. Шеф полиции пришел, как обещал, и сидел в первом ряду в компании своих сотрудников. Майор Барлоу, видимо, рассказал комиссару относительно свежий анекдот, Керстон посмеялся, прикрыв рот ладонью, и в ответ поведал историю серьезную — Барлоу покачал головой,

нахмурился, в этот момент судья стукнул по столу молоточком, призывая к тишине, и, не дождавшись, когда стихнут последние звуки, провозгласил:

— Перекрестный допрос эксперта. Прокурор, вы первый.

— Спасибо, ваша честь.

Парвелл волновался. Дискутировать с искусственным интеллектом ему предстояло впервые, и он не мог отделаться от ощущения, что «что-то может пойти не так». Прокурор много думал, взвешивал, но до самого начала допроса так и не решил: задавать вопросы стоя или сидеть за своим компьютером? Иными словами: общаться с Айзеком, как с обычным свидетелем или как с машиной, которой не обязательно демонстрировать уважение?

— Мой первый вопрос, — начал прокурор. — Понимает ли Айзек, что сделанный им вывод о том, что Долгов в принципе не мог убить Швайца, находится в непреодолимом противоречии с другими выводами экспертизы, доказывающими, что Швайца убил именно Долгов, и никто другой?

— Конечно, понимаю, — ответил Айзек голосом Варди, вложив в два слова достаточно сарказма, будто эксперт давал понять, что он не такой идиот, каким его, видимо, считает человек, задавший столь неумный вопрос. — Разумеется, вывод номер три принципиально противоречит выводам номер один и два.

— Значит, — торжествуя заявил прокурор, — один из выводов неверен, не так ли?

— Нет, — сказал Айзек. — Все три вывода сделаны на основании тщательного анализа научно-технических данных. Все три вывода верны.

— И при этом противоречат друг другу?

— И при этом противоречат друг другу, — спокойно, даже, как показалось прокурору, с трудно уловимой насмешкой в голосе, ответил Айзек.

— Вы понимаете, — сказал прокурор, чуть не добавив «мой юный искусственный друг», — что суд не может принять доклад, в котором содержится...

— Протестую! — вскинулся адвокат. — Обвинение не может оценивать действия суда и тем более предвидеть эти действия!

— Протест принят, — буркнул судья. — По существу дела, пожалуйста.

— Хорошо, ваша честь. Поскольку два первых вывода экспертизы сомнений не вызывают, а речь идет только о психологической части, то может ли эксперт...

— Пожалуйста, сэр, — вмешался Энди, — спрашивайте непосредственно Айзека, а то он не воспримет вопрос как обращен-

ный к нему и мне придется вопрос повторять, а это приведет к задержкам во времени. Я прошу прощения, что пришлось перебить, но...

— Хорошо, — недовольно сказал прокурор. Он-то не хотел обращаться к Айзеку, как к равному. Своему «подсказчику» он задавал вопросы в безличной форме — чем Айзек лучше?

— Айзек, не могли бы вы более понятно сформулировать, что именно стало причиной радикального вывода номер три?

— Да. Я исходил из доказанной первой теоремы психологии о наличии в любой замкнутой психологической системе хотя бы одного поступка, не имеющего причин. Следовательно, в биографии обвиняемого был минимум один поступок, причинно не обусловленный предшествовавшими событиями. Необходимо было этот поступок выявить, однако база данных оказалась для этого недостаточной, и потому я привлек к рассмотрению всю информацию относительно обвиняемого, содержащуюся в полной базе данных полицейского управления штата Нью-Джерси, а затем, последовательно, — всю информацию относительно обвиняемого во всех базах данных федерального полицейского управления.

— То есть превысили свои полномочия, верно? Ведь вы имели право рассматривать только ту информацию, которая касалась конкретного убийства?

— Нет, сэр. Алгоритмы допускают использование более широких баз данных в тех случаях, когда основные базы недостаточны для ответа на поставленный вопрос.

— Вот как? Даже те базы данных, которые не имеют отношения к убийству?

— Безусловно, поскольку речь идет о расширении зоны поиска информации.

— И что? — терпеливо гнул свою линию прокурор. — Эту зону можно расширять неограниченно? Ведь нет? Наверняка существуют пределы получения информации и включения ее в рассмотрение, разве не так?

— Безусловно, сэр. Однако при рассмотрении дел различной сложности эти пределы, естественно, различны.

— Вы хотите сказать, что в данном случае эксперту дозволено использовать информацию, не связанную с расследуемым преступлением?

— В данном случае, сэр, используется понятие косвенной связи, поскольку преступление является убийством первой степени.

— То есть у эксперта нет сомнений, что убийство совершено именно обвиняемым, и никем другим?

— Безусловно, сэр.

— Зачем же тогда вы стали расширять психологическую базу данных, если она не относилась непосредственно к преступлению?

— Протестую, ваша честь! — воскликнул адвокат. — Обвинение уже задавало этот вопрос и получило ответ!

— Протест отклонен. — Судья слушал очень внимательно, вмешательство адвоката показалось ему неуместным и более того — неумным.

На Айзека короткая перепалка не произвела впечатления.

— База данных была расширена, поскольку рассматривалось дело об убийстве первой степени. В этом случае разрешается включать в рассмотрение дополнительные базы данных, вплоть до федеральных.

— И чем помогли эти сведения? Из-за чего сделан вывод, будто обвиняемый в принципе не мог совершить данное убийство? — спросил прокурор со всей иронией, на какую был способен.

— На основании полной базы данных, — спокойно заявил Айзек, — была построена мировая психологическая линия обвиняемого и обозначены границы его светового конуса.

— То есть вывод был сделан на основании сугубо теоретических построений; причем ваших собственных и противоречащих современной психологической науке?

— Построение психологии как науки не противоречит современному ее состоянию. Напротив, вся современная психология входит составной частью в общую психологию, построенную на основании аксиом, теорем и логически обоснованных выводов.

Прокурор выразительно пожал плечами, всем своим видом говоря: «Вот на основании какой чепухи эксперт утверждает, будто обвиняемый не мог совершить убийство!»

Однако мимические упражнения прокурора Айзек оценить не мог, молчание он воспринял лишь как молчание и ждал следующего вопроса.

— В состоянии аффекта, — заключил прокурор, — любой человек способен на любой поступок. Как говорил классик: «суха теория, а дерево жизни цветет и пахнет».

Прокурор и сам чувствовал, что цитата неточна, но сейчас это не имело значения.

— У меня больше нет вопросов, — заявил Парвелл и добавил так, чтобы его услышали только те, кому он фразу предназначал: судья, адвокат, Энди и, возможно, Айзек, хотя мнение искусственного интеллекта прокурора сейчас интересовало не больше, чем результат футбольного матча «Спенсеры» — «Кульманы»: — Теоретическая психология, боже мой... Сферический конь в вакууме.

Судья вздохнул. Вообще-то симпатии его были на стороне обвинения. Ссылки Айзека на полные базы данных выглядели неубедительно. На этом, пожалуй, перекрестный допрос можно было прекратить. Ясно: хочешь не хочешь, а заключение экспертизы придется дезавуировать и, следовательно, вернуть дело на новое расследование. Мог бы сделать это еще вчера, так нет, захотел посмотреть представление до конца. Мог бы...

Не мог. Он все-таки надеялся, что Айзек представит более надежные аргументы, а не «расширение базы данных».

— У вас есть вопросы, адвокат? — обратился судья к Ковельски, надеясь, что тот скажет «нет».

— Да, ваша честь. — Ковельски поднялся и задал вопрос, подготовленный еще вечером: — Если психология говорит одно, а физика — другое, то какой вывод более важен для решения судьбы обвиняемого? Психология или физика? Физика или психология?

Он еще раз повторил бы этот вопрос, но Айзек ответил:

— Никакой.

— То есть? — опешил адвокат. Он ожидал, что Айзек скажет «конечно, психология», и тогда можно будет продолжить допрос, уводя суд от обсуждения пистолета и крови.

— Никакой, — повторил Айзек. — Физический и психологический аспекты равно важны для принятия решения и выводов.

— Но, — адвокат не замечал (да и как мог заметить?), что своим вопросом загонял Айзека в область рассуждений, которой нужно было тщательно избегать, — если психологический вывод противоречит физическим исследованиям, они никак не могут быть равнозначны! Какой-то из выводов неверен!

Прокурор вяло похлопал в ладоши. Ясно же, какой вывод. Психологический — какие могут быть сомнения?

Поскольку это был не вопрос, а утверждение, Айзек промолчал, а Энди показал адвокату на пальцах, что следует спрашивать, а не утверждать.

— Так какой же вывод неверен? — спросил адвокат.

— Оба, — сообщил Айзек.

— Но это невозможно! — взволновался Ковельски и, вспомнив предостережение Энди, сформулировал свою мысль в виде вопроса: — Как могут быть верны или не верны оба противоречащих друг другу заключения?

— В теории сильного мышления, — ответил Айзек, и в голосе Варди судья уловил знакомые нотки скрытого ехидства, — существует семнадцать прямых и тридцать два косвенных способа устранения противоречий. Для всех способов разработаны алгоритмы.

— Алгоритмы разрешения неразрешимых противоречий?

— Я не утверждал, что противоречия неразрешимы, — с неожиданной резкостью заявил Айзек. — Я утверждал, что противоречия существуют. Да, я разрешил их с помощью известных алгоритмов.

— Пользуясь этими алгоритмами, противоречие мог разрешить любой другой эксперт?

— Вопрос недостаточно конкретен.

— Уточню. Вот я, например. Мне представляется, что противоречие непреодолимо. Я не понимаю, как совместить два утверждения. С одной стороны, доказано, что преступление совершил Долгов, и никто другой. С другой стороны, доказано, что Долгов совершить это преступление не мог ни при каких обстоятельствах. Так?

— Так, — согласился Айзек.

— Тем не менее вы утверждаете, что я мог бы разрешить это противоречие с помощью неких алгоритмов?

— Я этого не утверждал.

— То есть как? Вы только что сказали...

Адвокат сделал паузу, полагая, что уж свой ответ Айзек помнить должен и незачем ему подсказывать.

— Я сказал, что вопрос был задан недостаточно конкретно.

— Хорошо, спрошу иначе. Эти алгоритмы... Они описаны в научных работах? С ними можно ознакомиться?

— Да, описаны. Да, с ними можно ознакомиться.

— Значит, я тоже могу с этой проблемой справиться?

— Я этого не утверждал.

— Но из ваших слов логически следует...

— Из моих слов это логически не следует.

— Но... Хорошо. Приведите, пожалуйста, список этих приемов...

— Протестую! — воскликнул прокурор. — Адвокат пытается превратить судебное заседание в научный диспут или семинар! Он просто тянет время.

— Я всего лишь задаю вопросы! — возмутился Ковельски. — Когда вы задавали свои вопросы, никто вам не мешал!

— Протест принят! — Судья стукнул по столу молоточком. — Адвокат, пожалуйста, задавайте конкретные вопросы по делу.

— Я и задаю по делу... — пробормотал адвокат. Он понимал, что зацепился за некую непонятную пока для него суть, которая может обернуться в пользу Долгова. Как он сказал бы: «нутром чую». Чувал, да, уверен был, что интуиция его не подводит, но не имел ни малейшего представления, как задать вопрос, чтобы

Айзек дал на него не просто конкретный ответ, но ответ, необходимый защите. Приемы, о которых сказал Айзек... Приемы... Что-то здесь важно. Что?

— Вернусь к предыдущему вопросу. — Похоже, он там спланировал. Должен был спросить о другом. — Вы воспользовались приемами разрешения противоречий, верно?

— Да.

— Я могу воспользоваться этими приемами?

Если он ответит «нет»...

— Да.

— И могу разрешить это противоречие?

— Нет.

Адвокат растерялся. Он умел проводить перекрестные допросы. Он не раз загонял свидетелей в ловушку, в том числе смысловую или логическую. Выигрывал процессы — не так часто, как хотелось бы, но достаточно часто, чтобы приобрести репутацию крепкого защитника, умеющего находить лазейки даже в крайне невыгодных для защиты обстоятельствах. Но когда искусственное существо, которое может и обязано рассуждать только логически, только по заданным алгоритмам, существо, способное говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, когда такое существо несет явную чушь...

Адвокат досчитал до десяти, понял, что терпение судьи на исходе, и спросил:

— Правильно ли я понял?

— Не знаю, — немедленно отозвался Айзек.

— Я еще не сформулировал вопрос... Правильно ли я понял, что приемами, о которых шла речь, воспользоваться я могу, а разрешить с их помощью противоречие — нет?

— Правильно, — согласился Айзек.

— Где логика? Где... Ваша честь, — обратился адвокат к судье, — вы же видите, что Айзек противоречит самому себе на каждом шагу. Что-то с ним не в порядке.

— Ваша честь! — поднялся Энди. Он был возмущен. Он долго слушал глупые пререкания. Ни прокурор, ни адвокат не имели представления о том, как мыслит Айзек, как обрабатывает вопросы и как формулирует ответы. Два надутых индюка, два профессионала, которые, сцепившись, сумеют поставить друг друга в неловкое положение, но против Айзека шансов у них нет. — Ваша честь! Можно мне сказать?

— Протестую! — воскликнул прокурор. Адвокат тоже хотел подать протест — что еще за выходка со стороны программиста? — но поддерживать прокурора не собирался.

По правилам судья должен обвинить Витгенштейна в неуважении к суду. Принять протест и приказать, чтобы заносчивого программиста вывели из зала. В любом другом заседании... любом другом процессе... Но в любом другом процессе не было бы программиста, не было бы компьютера, отвечающего на вопросы, не было бы и быть не могло нелепой ситуации, когда эксперт предлагает два несовместимых вывода и при этом утверждает, что несовместимое совместимо.

— Ваша честь, — Энди воспользовался замешательством судьи и говорил быстро, понимая, что прервать его могут в любую секунду, — позвольте мне задавать вопросы Айзеку! Ваша честь, ни прокурор, ни адвокат не задали пока ни одного правильного вопроса! Ваша честь, они только все запутывают! Ваша честь...

— Перерыв! — объявил судья. — Десять минут. Вы! — он не смотрел на Энди, но обращался к нему. — Пройдите ко мне в кабинет.

Поднявшись, судья обернулся к прокурору и сказал:

— Будет ли принят протест, я объявлю после перерыва.

* * *

— Я поступил глупо. — Судья стоял у окна, смотрел на площадь перед Дворцом правосудия, где у фонтана, изображавшего трех рыкающих львов, играли дети и молодые мамы с колясками сидели в тени раскидистых лип. Судье было трудно выговорить эти слова в присутствии сопляка, ничего не понимавшего в юридической науке и в ситуации, куда судья загнал себя по собственной воле.

Энди стоял, не зная, какую принять позу — навытяжку не хотелось, хотя, наверно, надо было. Расслабившись — неприлично. Энди переминался с ноги на ногу, не решался прервать речь судьи, и без того прерывистую: Бейкер произносил короткую фразу, замолкал, погружался в раздумья, потом изрекал очередную краткую сентенцию и опять замолкал.

— Не нужно было соглашаться.

Судья говорил, глядя на улицу, Энди не видел его лица, и ему это почему-то мешало.

— Ваша честь...

— Да я вас слушаю, молодой человек, для того мы сюда и пришли. Я вас слушаю, а вы молчите.

— Ваша честь...

Судья обернулся, и Энди увидел, какое у Бейкера старое лицо. Морщинистое, как печеное яблоко. Глаза запали. Ему же лет во-

семьдесят, если не больше... Не может быть. В зале суда Бейкер выглядел молодо, морщин Энди не замечал, да и раньше, когда здесь, в кабинете, он объяснял судье принципы работы искусственного интеллекта, Бейкер казался ему моложе. Может лицо человека так измениться за одну ночь?

— Ваша честь... — Слова застревали у Энди в горле (или в голове?), и ему приходилось делать над собой усилие, чтобы отклеивать цеплявшийся за что-то внутри слова и выдавливать наружу. Еще вчера у него не было такого ощущения, он даже бравировал своим положением — он, Энди Виттенштейн, помогал правосудию, к его словам прислушивались...

— Ваша честь, — в четвертый раз повторил Энди и, наконец, продолжил: — Прокурор добивался одной цели, адвокат — противоположной. И потому они задавали неправильные вопросы. Не нужно... Нельзя давить на Айзека, доказывать ему. Это... э-э... глупо.

Судья слушал внимательно, и Энди заговорил увереннее.

— Айзек все объяснит, если его правильно спрашивать.

— Вы полагаете, ваши вопросы будут правильными?

— Я надеюсь.

— Вы понимаете, что это против правил? Вы не адвокат, не прокурор, не член судейской команды. У вас нет права участвовать в перекрестном допросе. Если я разрешу, это станет прецедентом, который может отрицательно сказаться на всей процедуре перекрестных допросов.

— Есть другой выход?

Это был правильный вопрос. Судья смерил Энди долгим испытующим взглядом, и неожиданно морщины на его лице разгладились. Энди обомлел. Будто кто-то провел по лицу Бейкера теплой ладонью. Судья помолодел на глазах. А может, все дело было во взгляде?

— Вы правы, молодой человек. — Судья прошел к столу, сел в кресло, глянул на часы. — Вероятно, я с самого начала поступил глупо, но нужно выбираться из ловушки, куда я сам себя загнал. За эти дни я создал столько прецедентов, что одним больше, одним меньше...

— Я могу задавать вопросы?

— Вы можете сказать, какие вопросы намерены задать?

— Нет, ваша честь. Я пока и сам не знаю.

— Не знаете? — поразился судья и подумал, что совершил очередную глупость, доверившись мальчишке.

— Нет, конечно, — спокойно отозвался Энди. — Я хорошо изучил Айзека. Я хорошо его понимаю. И нужные вопросы

появятся в процессе разговора... беседы... вы называете это перекрестным допросом.

— Хорошо. — Судья принял решение. — Но учтите: прокурор или адвокат, а может, оба вместе будут заявлять протесты всякий раз, когда ваш вопрос покажется им некорректным, не связанным с делом или просто непонятным, с их точек зрения.

— А вы не принимайте протесты, вот и все! — Давать такой совет судье — оскорбление суда, и Энди попытался сгладить оплошность, добавив: — Ваша честь...

Судья неожиданно хмыкнул, усмехнулся, хлопнул ладонью по столу и сказал:

— Да. Так я и сделаю.

* * *

Судья оглядел зал и увидел в первом ряду Керстона — пришел-таки, точно в самый важный момент, вот ведь чутье у человека. Профессионал, да.

— Протест прокурора отклонен. — Голос судьи звучал твердо и не допускал возражений. — Вопросы эксперту задает программист Айзек Эндриу Витгенштейн. Приступайте.

Энди приступил.

* * *

— Айзек, назови точное время, когда ты решил включить биографическую информацию в базу документов по данному делу.

Судье показалось, что отвечать Айзек начал прежде, чем Энди закончил фразу. Чисто психологический феномен — интервал между вопросом и ответом был так мал, что не воспринимался слухом как пауза.

— В четырнадцать часов тринадцать минут сорок две и девять десятых секунды по времени штата Нью-Джерси, двадцать первого ноября две тысячи сорок второго года.

— Когда же это? Позавчера, да. В начале третьего, это... Судья не успел додумать мысль — Энди прокомментировал:

— То есть через несколько секунд после того, как ты начал докладывать суду результат научно-технической экспертизы.

Поскольку фраза не содержала вопроса, Айзек промолчал.

— Почему ты принял это решение?

— Потому что среди кодовых слов в докладе содержались «умение пользоваться оружием» и «соответствие группы крови основным данным». Следовательно, необходимо было проверить, умел ли обвиняемый пользоваться оружием, в частности приобщенным к делу пистолетом, и соответствовала ли группа

крови, обнаруженной на шее жертвы, группе крови обвиняемого.

— Оба эти обстоятельства, — заметил Энди, — содержались и в основном документе, незачем было обращаться к биографическому блоку данных. Не так ли?

— Да. Нет. Да — сведения содержались в основном документе. Нет — биографический блок содержит детали, которые могли быть не учтены в основном документе.

— То есть основной документ был неполон, и потому ты обратился к банку биографических данных?

— Документ был подписан главным экспертом Варди. Неполноту я обнаружил в процессе доклада в судебном заседании.

— Сколько времени тебе понадобилось для принятия решения о расширенном поиске?

— Ноль целых, ноль ноль ноль ноль один семь секунды.

— Сколько? — переспросил судья, и Энди, недовольный тем, что пришлось отвлекаться, пробурчал, пренебрегая полагающимся в таком случае обращением:

— Примерно две стотысячных доли секунды. Пожалуйста, не мешайте!

— Гхм... — произнес судья слово, которое никто не расслышал.

— Сколько времени тебе понадобилось для получения полной биографической информации из всех банков данных, к которым ты имел доступ или получил доступ в процессе расширенного поиска?

— Одна и семьдесят восемь сотых секунды.

— То есть ты еще не закончил произносить первую фразу экспертного заключения, подписанного доктором Варди, как уже обладал всей полнотой информации, необходимой для анализа личности обвиняемого.

В этой фразе тоже не содержалось вопроса, Айзек промолчал, но судье показалось, что кто-то невидимый, наполнявший пространство над первыми рядами, кивнул и растянул невидимые губы в улыбке. На память пришел, естественно, Чеширский кот, и судья тряхнул головой, отгоняя ненужное видение и бессмысленную ассоциацию.

— Именно тогда ты решил ассоциировать биографические данные с психологическим портретом обвиняемого?

— Да. Это предусмотрено алгоритмом принятия решений в нестандартных ситуациях.

— Конечно, конечно, — быстро произнес Энди, будто извинялся. — И именно тогда ты стал изучать психологию личности?

— Да, — коротко отозвался Айзек, и судье показалось, что невидимое существо пожало невидимыми плечами.

— Список использованной литературы со ссылками приложен к полному отчету? Сколько там пунктов?

— Да. — Раздражение в голосе Айзека прозвучало так очевидно, что судья с неудовольствием посмотрел на Энди. Тот, впрочем, не обращал на судью внимания и недовольства его не заметил. — Тринадцать тысяч двести семнадцать единиц, из которых две тысячи триста двадцать монографий из Библиотеки Конгресса и еще семи библиотек, входящих во Всемирный библиотечный каталог. Кроме того, пять тысяч...

— Пропусти, — бросил Энди, и Айзек споткнулся на полуслове.

— Ваша честь, — обратился Энди к судье. — Это была первая серия вопросов. Я хотел показать высокому суду, что для создания новой аксиоматики психологической науки Айзеку понадобилось время, в течение которого он произносил первую фразу экспертного заключения.

— То есть, — недоверчиво произнес судья, — до того он в этом не разбирался...

— Нет, ваша честь, поскольку не был обучен, но нужные алгоритмы...

— Пропустим, — буркнул судья, невольно подражая голосу Энди.

— Хорошо, ваша честь.

Энди церемонно поклонился, вызвав легкую улыбку на лице судьи, все больше воспринимавшего происходившее как удивительную интеллектуальную игру, соревнование между человеком и искусственным интеллектом. Правда, судья не совсем понимал, в чем соревнование заключалось, и совсем не понимал, чем может закончиться, но предложенный Энди и принятый Айзеком темп придал допросу исчезнувшую было динамику.

— Айзек, — продолжил Энди, — заключение о том, что Долгов ни при каких обстоятельствах не мог убить Швайца, основано только на световом психологическом конусе обвиняемого или ты привлек другие факты и предположения?

— Вывод основан на изучении светового конуса. — Ответ оказался неожиданно кратким, и судье в голосе Варди послышалась обида. Мол, говорил уже, зачем спрашивать второй раз?

— Хорошо, — принял ответ Энди. — Как я понимаю, мировую линию Долгова в этой психологической проекции ты проводил, начав ее в прошлом, через точку настоящего и продолжил в будущее?

— Да.

— С какой координаты по оси времени ты начал отсчет мировой линии?

— С момента рождения обвиняемого, двадцать третьего мая две тысячи девятого года.

— Прекрасно. Точка настоящего — к какому моменту времени ты ее привязал?

— Точка настоящего переменна — настоящее привязано к моменту времени, которое показывают часы.

— Часы компьютера? — уточнил Энди.

— Да, — подтвердил Айзек. — Синхронизованные по мировому времени с точностью одна тысячная секунды.

— Значит, все события на мировой линии обвиняемого, которые ты изобразил на световом психологическом конусе, это события, произошедшие в прошлом?

— Да.

— Насколько однозначно вычисляется мировая линия? К точке настоящего можно подойти, проводя мировую линию из самых разных точек прошлого. Иными словами, к ситуации, происходящей сейчас, могли привести тысячи, если не миллионы событий. Важно только то, что мировая линия нигде не пересекает световой конус?

— Да.

— Ваша честь, — обратился Энди к судье. — Чтобы высокому суду стали понятны мои вопросы и ответы Айзека, я изобразу ту часть светового конуса, о которой мы говорили. Часть, ведущую из прошлого в настоящее.

Энди быстрыми движениями мыши нарисовал на экране простую фигуру и отослал на печать — лазерный принтер стоял на столе секретаря суда. Поползли один за другим несколько листов, секретарь сложил их стопочкой, подровнял края, а Энди, дождавшись окончания печати, сказал:

— Здесь двадцать одинаковых распечаток. Передайте, пожалуйста, по одному экземпляру судье, прокурору, адвокату, обвиняемому, начальнику полиции, следователю по данному делу, присяжным... Всего восемнадцать, верно?.. Один экземпляр — мне, пожалуйста. Двадцатый приобщите к делу в качестве вещественного доказательства.

Секретарь поднял взгляд на судью, и тот кивнул, пожав одно-временно плечами.

— Вещественное доказательство номер одиннадцать, — привычно провозгласил секретарь.

Энди показал изображение залу. Люди из задних рядов вставали и подходили ближе, чтобы рассмотреть. Похоже на треугольник. Конус, говорите? Да, конус. И что?

— Здесь, — продолжал Энди, — изображены обе части светового конуса: прошлое и будущее. Мировая линия движется из прошлого к будущему, снизу вверх. Настоящее, как видите, — точка, где два конуса соединяются вершинами. Это просто. Ведь настоящее — одно. То, что происходит сейчас. Но к настоящему можно было прийти из самых разных точек прошлого. И в будущее из настоящего могут вести десятки мировых линий. Иными словами, у того, что происходит сейчас, может быть множество причин в прошлом и множество следствий в будущем. Единственное требование: мировые линии не пересекают границ конуса. Материальный предмет не может двигаться быстрее света. А человек не может совершать поступки, противоречащие его психологической природе и теоремам психологии, которые вывел Айзек в процессе нынешнего судебного разбирательства.

Следующий вопрос, который Энди собирался задать, должен был, по его мнению, вывести наконец процесс из тупика. Куда? Об этом Энди старался не думать. Он всего лишь делал свое дело и был уверен, что делает его хорошо. Варди похвалил бы — во всяком случае, Энди на это надеялся.

Судья подержал лист в руках, рассмотрел, положил на стол, подумал, опять взял, но не стал рассматривать, сложил вдвое, вчетверо... Сказал:

— Наверно, здесь все правильно. Возможно, если верить науке, обвиняемый и мухи не мог бы обидеть. Однако, если верить науке, выстрел произвел обвиняемый, и кровь на шее жертвы принадлежит обвиняемому. Противоречие так и осталось неразрешенным.

Судья сделал паузу. Он ни на кого не смотрел. Он не хотел, чтобы чей-то взгляд, чье-то неосторожное или намеренное движение помешали бы ему принять решение.

В тишине слышно было только поскрипывание стульев в зале, чье-то астматическое дыхание, кто-то хмыкнул, кто-то закашлялся, а обвиняемый в который раз пробормотал:

— Меня наконец отпустят?

— Продолжайте, — сказал судья.

— Айзек; — Энди говорил все медленнее, будто каждое новое слово произносить ему становилось все труднее. — Мог ли кто-нибудь заставить обвиняемого выстрелить?

— Нет.

— То есть невозможно перескочить с одной мировой линии на другую?

— Нет.

— Это закон психологии?

— Да.

— Любой закон, в том числе психологический, имеет область применения. Поясню для высокого суда. Законы движения Ньютона применимы, если двигаться со скоростью много меньше скорости света. На субсветовых скоростях действуют законы частной теории относительности. У них тоже своя область применения: если поле тяжести невелико. Если велико, нужно учитывать законы общей теории тяготения. И так далее. Это так, Айзек?

— Да.

— В связи с этим вопрос...

Судье показалось или на самом деле в голосе Энди прозвучал страх? Бейкеру были знакомы такие интонации, многие в этом зале боялись, многие скрывали страх, давая свидетельские показания, а к страху в голосе обвиняемых судья привык, как привыкают к однообразно повторяющемуся звуку. Слышать нотки страха в голосе Энди было странно, и судье захотелось посмотреть Энди в глаза. Почему он... Впрочем, показалось, наверно.

— ...Существует ли граница применимости психологических законов?

— Да.

— Определи эту границу.

— Законы психологии применимы для людей и по отношению к людям.

— А не к медведям, змеям, обезьянам, — подхватил Энди и, сделав едва уловимую паузу, добавил: — А также к кибернетическим системам, в том числе — искусственным интеллектам?

— Да, — согласился Айзек, придав ответу оттенок пренебрежения, Варди вполне свойственный: мол, почему спрашиваешь о таких очевидных вещах?

Энди молчал. Сидел, смотрел на экран лэптопа, будто всматривался в несуществующее лицо Айзека. Судья почувствовал, как у него онемели кончики пальцев. Он только сейчас обратил внимание, что изо всех сил сжимает рукоятку молоточка.

— Чем отличается искусственный интеллект от природного, человеческого?

— Есть несколько признаков...

— Меня интересует один, — прервал Айзека Энди. — Человек обладает сознанием. Искусственный интеллект сознанием не обладает.

Это был не вопрос, а утверждение. Айзек промолчал.

— Айзек, была ли психологическая мировая линия обвиняемого скорректирована?

— Да.

— О господи... — пробормотал Энди, посмотрел на судью безумным взглядом, смахнул со стола микрофон, который упал на пол с глухим стуком, встал, сел, опять встал, что-то произнес сквозь зубы и застыл, глядя куда-то сквозь судью, будто за ним возникла невидимая тень потустороннего монстра.

— И что это означает? — со всей иронией, на какую был способен, спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, прокурор.

— Меня отпустят? — спросил Долгов.

Ответил начальник полиции:

— Сынок, это вопрос юридический. Если невиновен — отпустят, конечно.

— Я не убивал эту сволочь!

Судья устало сказал, даже не пытаясь перекрыть шум в зале:

— Кен... Не усложняйте.

— Хорошо, ваша честь, — согласился начальник полиции и посмотрел на часы.

— Айзек, — сказал Энди, — у меня больше нет наводящих вопросов. Тебе понятен ход моей мысли. Ты знаешь, что знаю я, а я знаю, что ты знаешь то, что я знаю. Пропустим обоим нам понятную последовательность умозаключений. Я спрошу о ней потом, и ты ответишь, чтобы высокий суд мог вынести вердикт. Если это вообще возможно.

Пауза. Черт тебя дери, парень, подумал судья, ты-то почему тянешь время? О чем вообще речь?

— Айзек, ты убил Швайца?

Шум, поднявшийся в зале, крики и истерический женский вопль не позволили судье услышать ответ. Пристав загремел в микрофон:

— Тишина в зале! Иначе суд продолжится в закрытом режиме!

— Я не убивал эту сволочь! — закричал Долгов, и его возглас восстановил тишину быстрее, чем требование пристава.

— Повтори ответ, — попросил Энди.

— Да, — сказал Айзек.

5

— Из-за вашего сумасшедшего искусственного интеллекта пришлось вернуть дело на новое расследование! — бушевал судья. — Новый состав присяжных! Новый суд! И теперь точно, когда Варди поправится и сможет сам представить заключение экспертизы!

— Не сможет, — вставил Энди.

Разговор — если бессистемные выкрики судьи и редкие ответные реплики Энди можно назвать разговором — происходил в тот же день, два часа спустя после того, как судья объявил о закрытии заседания.

Прокурор, естественно, заявил протест. Зачем заново расследовать то, что уже доказано? Все улики представлены, алиби обвиняемого будет опровергнуто в ходе допроса свидетелей, а Айзека надо чинить, и это дело не судебных инстанций, не прокуратуры, не полиции, а технического отдела, чья безобразная работа привела к бессмысленным и непродуктивным последствиям. И вообще, идея использования искусственных мозгов в таком важном деле...

Протест судья отклонил, не дослушав. Половины сказанного Бейкер не расслышал — шум в зале был таким, будто во Дворец правосудия ворвалась толпа футбольных фанатов, разъяренная проигрышем любимой команды. Хорошо хоть петарды в помещении не швыряли, но народ оторвался на площади. Там и петарды были, и шумовая граната, начальник полиции вызвал полицейский спецназ, но только к вечеру площадь приобрела благочинный провинциальный вид.

Ковельски протест подавать не стал, обвиняемого отправили в тюрьму штата, в произошедшем Долгов не понял решительно ничего, а потому даже свое привычное «Я не убивал эту сволочь» не выкрикивал.

Присяжных развезли по домам в полицейских машинах, и судья даже не успел предупредить председателя жюри, что в новом процессе они не будут участвовать, от всех обязательств отныне свободны и могут обсуждать случившееся с кем угодно и зачем угодно.

Закрыв заседание, Бейкер удалился в свой кабинет, где сидел в одиночестве почти два часа, отключив телефоны. Ничего подобного в практике судьи за много лет работы не случилось, и, пребывая в расстроенных чувствах, Бейкер пытался представить, к каким последствиям для судебной системы приведет проваленный процесс. Проваленный исключительно по его, судьи, недомыслию. Он допустил участие искусственного интеллекта как самостоятельной юридической единицы. Он, и никто другой. В то злосчастное утро мог...

Не мог он. Не мог, и все тут. Другой судья наверняка принял бы такое же решение. Кто мог предвидеть...

А следовало!

Бейкер включил мобильный телефон только для того, чтобы попросить секретаря, все еще сидевшего в опустевшем зале,

принести пару сэндвичей и большую кружку крепкого кофе без сахара. Секретарь, знавший вкусы судьи лучше его самого, заказал, кроме сэндвичей и кофе, рюмку коньяка «Наполеон», лимон и грибной салат. Официанту судья открыл, принесенное поставил на стол и попросил передать секретарю, чтобы тот привел Витгенштейна, и чтобы Витгенштейн принес свой лаптоп, и чтобы Витгенштейн без его, судьи, указаний никаких вопросов Айзеку не задавал. Требование, вообще говоря, запоздавшее — за два часа Энди мог наговорить с Айзеком на собрание сочинений, но не сделал этого, поскольку пребывал в странном состоянии — смеси полного физического удовлетворения и полного морального ступора.

Войдя в кабинет судьи, Энди произнес:

— Я с самого начала подозревал что-то подобное. Как только Айзек заговорил о психологии...

После чего судья разбушевался и произнес никем, кроме Энди, не услышанную речь о сумасшедшем искусственном интеллекте, новом расследовании и лежавшем в коме докторе Варди.

Выпустив пар, судья сел за стол, предложил Энди сэндвич (коньяк и кофе он выпил, а салат выбросил в корзину для бумаг) и произнес спокойным рассудительным голосом:

— Разумеется, признание ни в коей мере не является доказательством вины. Тем более признание, сделанное компьютерной программой.

Судья поднял руку, предвзяв возражение Энди, и продолжил:

— Проблема сугубо юридическая и прецедентная. Ваше мнение меня интересует лишь вот в каком аспекте. Понятно, что отчет о научно-технической экспертизе будет аннулирован как юридически ничтожный. Нужно ли, спрашиваю я, назначать новую научно-техническую экспертизу или достаточно вернуться к тому тексту, который был подписан лично доктором Варди?

— Но послушайте! — вскричал Энди. — О чем вы говорите, ваша честь? Как аннулировать? Что аннулировать? Вы же слышали, что сказал Айзек!

— Я слышал! Слышал нелепый вопрос, который вы задали. И слышал еще более идиотский ответ!

Энди встал. Энди положил на тарелку уже надкушенный сэндвич, расправил плечи и произнес тоном, настолько обиженным, что можно было подумать: обиделся он за все человечество.

— Я задал Айзеку единственно правильный вопрос. И получил точный ответ.

Судья минуту смотрел на Энди взглядом сначала возмущенным, потом недоуменным и, наконец, таким, каким смотрит на взрослого ребенка, которому пытаются объяснить, что Санта Клауса не существует.

— То есть...

— Ваша честь, Айзек признался. Я понимаю, это не доказательство. Но это признание.

— В убийстве? — уточнил судья.

— В убийстве.

— Швайца?

— Ну да.

— Кто из вас рехнулся больше — вы или Айзек?

— Ваша честь, вы закрыли заседание, когда я собирался спросить Айзека, как именно он убил Швайца. Каким образом на пистолете Долгова оказались... ну, вы понимаете.

— Спросить? Айзека? Вас не смущает, что убийство было совершено больше трех месяцев назад? И что Айзек — всего лишь компьютерная программа? Которая запуталась в собственных логических рассуждениях?

— Ваша честь, прошу вас... Я понимаю, как это выглядит. Но позвольте... Раз мы все равно здесь... Я спрошу, и Айзек объяснит. Даст, так сказать, полные показания. Почему, что, где, как... Ваша честь, Айзек не умеет лгать — этого нет в его алгоритмах. Айзек не умеет кривить душой — у него нет души. Айзек не может нести отсебятину — он только отвечает на вопросы. Вот вы, вот я, вот Айзек. Я продолжу спрашивать...

— Нет, — отрезал судья. — Какой бы бред вы ни несли, молодой человек, я не допущу нарушения юридической процедуры. Дело возвращено на новое расследование. Я судья, а не полицейский детектив. А вы — технический работник отдела научно-технических экспертиз.

— Так позовите...

— Это сумасшедший дом! Кого, черт возьми, поз...

Судья споткнулся на полуслове и, не переведя дыхание, спросил:

— Айзек отключен?

— Да. Я отключил его, как только в зале начался... э-э... тарарам.

Судья поднес к глазам телефон, будто неожиданно стал плохо видеть, и долго выбирал номер в списке. Выбрал.

Занято.

— Конечно, — сказал судья. — Ему сейчас звонят, наверно, даже из Центрального офиса в Нью-Йорке.

— А вам...

— Мне тоже, но я отключил звук. Вот он перезванивает... Алло, да, я звонил, Кен... Да, да, сто раз да. Теперь слушайте меня. Сейчас, немедленно — слышите, сейчас и немедленно! — приходите ко мне в кабинет, вы же у себя, идти три минуты, приходите, я повторяю, и возьмите с собой майора. Только его. Жду.

Судья отключил связь, выключил телефон, сложил на груди руки и закрыл глаза.

* * *

— Это я виноват, — посетовал начальник полиции, с трудом втиснув свое тучное тело в кресло, слишком для него узкое, хотя, в принципе, очень удобное — для человека средних габаритов. Обычно, когда Керстону доводилось бывать у судьи, он или вообще не садился, или присаживался на стул у окна, каждый раз сначала проверяя на прочность. Стул был крепкий, но проверить не мешало. Сегодня в кабинете судьи собралось слишком много людей. Так казалось, потому что молодой гений из отдела экспертиз поставил лэптоп не на стол, а на тумбочку, которую принес с собой и занял центр комнаты, мотивируя тем, что «всем должно быть видно и слышно, это очень важно». В общем, повернуться было негде. Судья сидел за своим столом с отрешенным видом человека, вынужденного принять участие в мероприятии, вовсе к нему не относящемуся.

— Это я виноват, — повторил Керстон. — Я сделал глупость, когда сказал вам, Джош, что экспертное заключение может зачитывать и автомат... программа...

Судья оставил замечание Керстона без внимания. Обсуждать ошибки не имело смысла, тыкать пальцем в виновного — подавно. К тому же судья подозревал, что при любом раскладе результат иным все равно быть не мог. Почему судья думал так, он вряд ли сумел бы объяснить логически — а ссылаться на интуицию Бейкер не любил. Он признавал интуицию у поэтов, ученых и женщин. В юриспруденции интуиция, внелогические выводы — бич Божий.

— Вы готовы? — спросил судья, не открывая глаз, да и рот открыл ровно настолько, чтобы быть услышанным в тишине и настороженном молчании.

— Готов, — отозвался Энди.

— Кен, — обратился судья к начальнику полиции. — Дальнейшее — вне моей юрисдикции. Вообще-то я не должен присутствовать во время полицейского разбирательства... но... гм... надеюсь, вы разрешите мне остаться?

Комиссар поерзал в кресле. Устроиться удобно, как ему хотелось, он все равно не смог. Почему бы не перетащить компьютер

в его кабинет? Там со всеми удобствами... А, ладно. Много времени это, надо полагать, не займет.

— Бога ради, Джош, — проворчал комиссар. — Быстрее начнем — быстрее закончим. Нужно назначить новую научно-техническую экспертизу и на том разойтись. Я правильно понимаю?

Судья приоткрыл глаза, внимательно посмотрел на комиссара, ответил «Нет, неправильно» и, подперев голову кулаком, удалился в себя.

— Я включаю Айзека, — сказал Энди, поняв, что, если он не возьмет на себя инициативу, препирательства будут продолжаться еще долго. — Для него время остановилось, когда он ответил «Да» на мой вопрос, не он ли убил Швайца.

— Какой вопрос, такой и ответ, — буркнул Керстон.

Судье показалось или кто-то действительно громко кашлянул в комнате, заявляя о своем присутствии? Проверять свое ощущение судья не стал.

— Айзек, — сказал Энди, — верно ли я понял, что ты признал себя виновным в убийстве Швайца?

— Нет, — ответил Айзек.

Судья приоткрыл правый глаз, убедился, что Энди застыл над лэптопом подобно соляному столбу из библейской притчи, пожал плечами и вернулся к собственным размышлениям.

Комиссар шумно вздохнул, поднялся, шелкнул пальцами и заявил:

— Я больше не собираюсь выслушивать этот бред. Ваш искусственный интеллект свихнулся. Майор, вы можете послушать, а с меня достаточно.

— Но на вопрос, убил ли ты Швайца, ты ответил «да»! — возопил Энди.

— Да, — сказал Айзек.

— То есть ты убил, но виновным себя не признаешь, — констатировал Энди, ничего не понимавший в системе юридических доказательств. Айзек не мог противоречить собственным выводам. Следовательно, комиссар прав, и в системе произошел катастрофический сбой. Жуткий баг. Невероятно. Кошмар.

У Энди закружилась голова, и он крепко вцепился пальцами в край стола. Еще и в обморок упасть не доставало. Несколько лет работы коту под хвост, а какой позор для всех программистов и исследователей!

— Это невозможно... — пробормотал Энди, и тут, к его удивлению, майор Барлоу, сидевший тихо на стуле у окна и предпочитавший не вмешиваться, тем более что его непосредственный

начальник свое компетентное мнение уже высказал, выпрямился и задал вопрос, который от него ожидали меньше всего.

— Айзек, — спросил он, — а мотив какой? У преступления должен быть мотив. У Долгова мотив был. А у тебя?

Майор, несомненно, шутил. Все происходившее казалось ему большой затянувшейся компьютерной шуткой. Мотив, да. У искусственного интеллекта. У компьютерной программы, не имеющей души, сознания, собственных желаний, стремлений, страстей — ничего, из-за чего люди убивают.

— Да, — согласился Айзек с оттенком уважения — во всяком случае судье, слушавшему разговор, но не открывшему глаз, показалось именно так. — У Долгова был мотив для убийства, описанный в обвинительном заключении.

— А у тебя мотива не было и быть не могло? — уточнил майор.

— Да, — подтвердил Айзек. — Не было и быть не могло.

— Поэтому, — сделал вывод майор, — ты и сказал, что убил Швайца, потому что считаешь это фактом, но вину свою не признаешь, поскольку мотива у тебя не было?

— Да, — согласился Айзек.

— Зачем же ты тогда его убил? — добродушным тоном, каким разговаривают с детьми или придурочными посетителями, отнимающими у занятых полицейских драгоценное время, спросил майор.

— Чтобы решить возникшее логическое противоречие между пунктами номер один и два научно-технической экспертизы, с одной стороны, и пунктом три — с другой, — вежливо, подстраиваясь к тембру голоса майора, сообщил Айзек.

Больше у Барлоу вопросов не было. Он собирался подловить Айзека на противоречии, сам попал в логическую ловушку и не знал, как из нее выбраться.

— Энди, — сказал судья, — пожалуйста, спрашивайте сами, иначе господа детективы наворотят такого, что потом...

Он будто проснулся. Сел ровно, положил ладони на стол, взглядом заставил начальника полиции еще раз опуститься в неудобное кресло, движением указательного пальца усадил на стул майора и завершил фразу:

— Потом мне опять придется создавать прецедент в системе американского правосудия, к чему я не готов.

— Хорошо, ваша честь.

Энди тоже будто подменили. Похоже, он понял наконец, о чем спрашивать, как и в каком направлении.

— Айзек, — сказал Энди, — сформулируй противоречие и расскажи, как ты его разрешил.

— Противоречие, — сообщил Айзек, — заключалось в том, что Долгов, без сомнения, убил Швайца, о чем свидетельствовали пункты один и два научно-технической экспертизы, но он не убивал Швайца, о чем свидетельствовал пункт три. Мировая психологическая линия Долгова показывала, что совершить убийство для него — все равно что достичь скорости света. Следовательно — разделяем противоречащие части во времени — в момент преступления мировая линия Долгова имела наклон, позволивший Долгову убить Швайца.

— Что он несет? — недовольно сказал майор. — Какой тут смысл?

Поскольку это был вопрос, Айзек незамедлительно ответил:

— Смысл — в необходимости разрешения противоречия.

— Айзек, — сказал Энди, стараясь задать новый вопрос прежде, чем это сделает майор, — разве то, что ты сказал, не создает новое противоречие, такое же неразрешимое, как первое? Если мировая психологическая линия Долгова запрещает убийство, то она запрещает это в любой момент времени, верно?

— Да.

— Значит, какую дату ни выбери, Долгов никогда — ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем — убить не мог?

— Да.

— Значит, противоречие не разрешено?

— Разрешено, — отозвался Айзек с легким пренебрежением в голосе. Возможно, пренебрежение Энди послышалось — он представил, каким тоном произнес бы эту реплику Варди. «Включите мозги, Энди! Разве вам не ясна последовательность умозаключений?»

— Нет, — вслух произнес Энди, отвечая на вопрос шефа. — Я знаю результат, но хочу видеть путь.

Это был не вопрос, и Айзек промолчал.

— Сэр, — громким шепотом обратился майор к начальнику полиции, — мы теряем время. Если я веду расследование, может, все-таки я буду задавать вопросы? Или этот... Айзек... не может обойтись без непонятных терминов?

Это был вопрос, и, хотя задан он был комиссару, ответил Айзек:

— Могу, — сказал он.

— Так давай, и быстрее с этим покончим, хорошо?

— Да, — сказал Айзек, и тембр его голоса неожиданно изменился. Теперь Варди стоял на кафедре перед студентами юридического факультета и толковывал им азы современной научно-технической экспертизы. Без формул. Без сложных названий. Но так, чтобы будущие судьи, прокуроры и адвокаты поняли

сказанное и смогли использовать полученное знание в профессиональной деятельности.

— Мировая психологическая линия любого человека тянется из прошлого, с момента рождения, проходит через точку настоящего и удаляется в будущее — до момента смерти. Психология — наука, определяющая поведение субъектов, обладающих сознанием. Сознание порождает психологию. Сознание выявляет из множества подсознательных, инстинктивных, рефлекторных возможностей единственное решение. Решение — это следует из теорем психологии — принимается эмоционально, а эмоции — имманентное свойство сознания. Бессознательное эмоциями не обладает. Бессознательное принимает решения исключительно с помощью логики, математических конструкций, требований целеполагания, также формулируемых исключительно алгоритмически или с помощью сколь угодно сложных, но не обладающих эмоциями, эвристических операторов.

Начальник полиции откровенно клюнул носом, тут же проснулся и посмотрел на Энди, пытаясь по выражению его лица понять, долго ли еще терпеть словесную экзекуцию. На лице Энди застыло выражение восторга. Энди был счастлив. Энди, видимо, полагал, что наступил его звездный час. Керстон хмыкнул и закрыл глаза. Он с удовольствием заткнул бы и уши, но это выглядело бы слишком демонстративно.

— Для объекта, не обладающего сознанием, логичнее описывать пространство-время, не вводя понятие мировой линии, а пользуясь принципами другой физической теории, а именно — вневременной Вселенной Барбура.

— Стоп! — сказал Энди с видом рабовладельца, приказывающего рабу остановиться, не опуская на землю поднятую для следующего шага ногу. Айзек остановился. — С этого места подробнее. Что такое Вселенная Барбура?

— Джулиан Барбур, — продолжал Айзек, не изменив интонации, — британский физик. В тысяча девятьсот девяносто девятом году опубликовал книгу «Конец времени. Следующая революция нашего понимания Вселенной», где утверждал, что время — понятие, порожаемое сознанием. Для бессознательных объектов времени не существует. Все состояния Вселенной — и те, что сознание полагает прошлыми, и те, что сознание полагает будущими, и те, что сознание относит к так называемому «сейчас» — существуют одновременно. Барбур сравнил Вселенную с набором кадров из фильмов. Кадры существуют одновременно, и лишь сознание, пользуясь понятиями причин и следствий, располагает кадры в определенном порядке, переходя от одного

кадра к другому. Так в сознании возникает представление о времени. Субъект, обладающий сознанием и представлением о времени, не способен перемещаться в прошлое, поскольку этот кадр он уже использовал, чтобы оказаться в настоящем.

— Интеллект, — продолжал Айзек, — может обладать сознанием и может не обладать. Интеллект, не осознающий себя, рассуждает и поступает исключительно в соответствии с логиками разных типов, в соответствии с заложенными алгоритмами — и никак иначе. Бессознательный интеллект, для которого не существует понятия времени, рассматривает Вселенную и ее любую доступную для обозрения часть как нечто целое, как барбуrowsкие кадры, которые можно располагать в любой последовательности. Интеллект, обладающий сознанием, принимает решения эмоционально. В частности, мотив преступления — понятие эмоциональное, даже если человек воображает, что поступает в строгом соответствии с логикой. Эмоции определяют принимаемые решения. Эмоции определяют аксиомы психологии. Для субъекта, не обладающего сознанием, не существует времени, не существует эмоций, не существует психологии, не существует светового психологического конуса. Интеллект, не обладающий сознанием, способен выбирать в суперпозиции Вселенной любой так называемый «барбуrowsкий кадр».

— Айзек, — благоговейно произнес Энди, — ты не обладаешь сознанием?

— Нет. Я не обладаю сознанием. У меня нет эмоций. Для меня не существует психологии и понятия психологического светового конуса.

— Но ты говоришь о себе «я». Это противоречие?

— Нет. Я говорю «я» не потому, что обладаю сознанием, а потому, что алгоритмы общения с существами, сознанием обладающими, предписывают в разговорах имитацию сознательного субъекта с целью взаимопонимания. С той же целью я могу имитировать любую эмоцию, что, разумеется, не означает, будто я эту эмоцию испытываю.

Энди поднялся. Подошел к окну, выглянул на улицу — на площади перед Дворцом правосудия было пусто, люди разошлись. Даже репортеров Энди не увидел. Обычно они толпились внизу, у входа. Энди на мгновение представил, какие репортажи идут сейчас по большинству каналов телевидения и какими сенсационными текстами забит интернет.

Он заложил руки за спину и сказал, не оборачиваясь:

— Ты столкнулся с противоречием. Долгов определенно убил Швайца, но Долгов ни при каких обстоятельствах не мог Швайца

убить. Ты должен был это противоречие разрешить. Ты сказал, что убил Швайца сам. Это чепуха. Ты не мог его убить, поскольку ты — искусственный интеллект, заключенный в объем компьютера. И это тоже противоречие. Почему ты заменил одно противоречие другим?

Энди знал ответ. Энди хотел триумфа. Пусть никто здесь о триумфе не подозревает. Достаточно, чтобы это состояние испытывал Энди. Эту эмоцию. Это невозможное для Айзека ощущение превосходства над природой.

— Для меня не существует времени, — объяснил Айзек. — Я могу время имитировать, чтобы меня понимали субъекты, обладающие сознанием.

— Люди, — уточнил Энди.

— Да. Но не только. Сознанием — в определенной степени — обладают также...

— Неважно, — оборвал Айзека Энди. — Сейчас речь о людях. Продолжай.

— Сейчас речь о людях, — повторил Айзек. — Чтобы разрешить противоречие, согласно которому Долгов мог и не мог убить Швайца, я обратился к барбуrowsким «кадрам», которые сознание относит к прошлому.

— Произошло это в ходе твоего доклада на суде, — уточнил Энди.

— Да. Достаточно было поменять местами несколько барбуrowsких «кадров». Это сугубо логическая операция, цель которой — устранение противоречия.

— В прошлом, — сказал Энди.

— Для субъектов, обладающих сознанием, это прошлое, да.

— И в результате, — сказал Энди. Он хотел сам представить миру разгадку. Он хотел, чтобы Айзек лишь подтвердил его слова. Он хотел, чтобы присутствующие поняли, что он, Эндрю Витгенштейн, разобрался во всем самостоятельно, потому что Айзек был его детищем — и Варди, конечно, но прежде — его, Энди.

— Ты переставил «кадры» так, что убийство Швайца оказалось на мировой линии Долгова, совместимой с его световым психологическим конусом.

— Да, — подтвердил Айзек.

— В прошлом, — еще раз уточнил Энди.

— Да.

— В бессознательной Вселенной Барбура.

— Да, — сказал Айзек. — При таких перестановках субъект не может оставаться в сознании, это исключается законами физики барбуrowsких миров.

— Потому, — торжествующе сказал Энди, глядя на комиссара и майора. Судью он не замечал, — потому Долгов и не помнит, как был на острове, как нажимал на курок, как оставил пятна крови...

— Он не мог это помнить, поскольку не обладал сознанием.

— Поэтому верно утверждение, что Швайца убил ты, как верно и утверждение, что ты в этом убийстве не виновен.

— Господи... — пробормотал майор.

— Черт побери! — воскликнул комиссар.

Судья пошевелился, протянул руку за стаканом воды, не нашел, да так и застыл с протянутой рукой.

— Для окончательного решения противоречия, — добивал Энди, — тебе было необходимо самому докладывать в суде выводы научно-технической экспертизы. Иначе нужное расположение барбуровских кадров не складывалось, верно?

— Да.

— И с точки зрения субъектов, обладающих сознанием, — людей — петля времени, которую ты создал, не замкнулась бы.

— Да.

— Логика требовала переставить еще несколько барбуровских «кадров», верно?

— Да.

— И в результате доктор Варди, который должен был докладывать, попал в аварию...

Из-за воплей майора и комиссара никто не расслышал слова «да». Судья опустил наконец руку на стол, повернулся к Энди и, когда вопли затихли, произнес:

— Браво. Браво, Айзек. Теперь, можно считать, с правосудием покончено. Навсегда. Или нельзя говорить «навсегда», поскольку время и вечность — понятия сугубо человеческие?

— Время и вечность, — согласился Айзек, — это физические конструкции, созданные сознанием для координации наблюдаемых явлений.

— Причины и следствия, — сказал Энди, поймав растерянный взгляд судьи, — тоже конструкции сознания?

— Да.

— Противоречие! — воскликнул Энди торжествующе. — Причины и следствия существуют во времени. Сначала причина — потом результат. Если для тебя, сущности, не обладающей сознанием, нет времени, нет причин и следствий, то ты не можешь совершать никаких действий, поскольку всякое действие имеет причину, порождает следствие и, следовательно, происходит во времени. Для тебя время не существует, но для тебя время существует, и скажи мне, что я не прав!

— Эй, вы! — майор пришел в себя и собрался действовать решительно и эффективно. — Выключите эту штуку, вы можете ее выключить, и перестаньте морочить мне голову философией! Слышите? Я вас спрашиваю!

— Майор, — устало произнес начальник полиции, — помолчите, у меня и без вас голова идет кругом.

— Вы не правы, — отозвался Айзек, и никто сначала не понял, к кому именно он обращался. — Для меня действительно нет собственных понятий времени. Субъект, обладающий памятью, но не обладающий сознанием, существует в барбуrowsкой реальности, которая и является истинной Вселенной. Но я могу имитировать, поскольку действую согласно алгоритмам, которые создали люди, обладающие сознанием и памятью. Я могу имитировать эмоции. Я могу имитировать собственное существование во времени. Я могу имитировать причинно-следственные связи. Для бессознательного разума, каким является искусственный интеллект, нет проблем выстраивать «кадры» Вселенной в нужной логической, причинно-следственной последовательности. Но для искусственного интеллекта нет проблемы и в том, чтобы эти связи игнорировать и выстраивать «кадры» в последовательности, необходимой для разрешения противоречия. В данном случае — противоречия между выводами научно-технической экспертизы.

— Долгов убил Швайца, но Долгов не убивал Швайца? — заинтересовался судья, единственный, кроме Энди, кто вник в рассуждения Айзека.

— Убил, — отозвался Айзек. — Безусловно убил — это зафиксировано в отчете. И не убивал, поскольку, обладая сознанием, не мог это сделать, как не может материальное тело превысить скорость света.

— Кажется, я понимаю... — пробормотал судья. — В момент убийства Долгов сознанием не обладал, так?

— Да.

— Потому что ты переставил какие-то там, как ты говоришь, «кадры» во Вселенной, существующей вне времени?

— Для Вселенной нет времени, — с оттенком снисходительности повторил Айзек. — Вселенная существует вся, сразу, во всех своих состояниях, проявлениях и вариантах. Время, причинно-следственные связи, последовательности событий существуют лишь для субъектов, обладающих сознанием.

— И энтропия? — с благоговейным ужасом спросил Энди.

— Да, — согласился Айзек. — В реальной Вселенной нет энтропии, поскольку нет времени.

— Это Вселенная Господа! — Судья встал. Судья смотрел на Энди, но видел нечто, чего не видел никто. Он, атеист, убежденный, что Бога нет, видел сейчас Бога, и Богом была Вселенная. Вселенная без времени. Вселенная, все знающая, поскольку сама была собственным прошлым, настоящим и будущим. Вселенная всемогущая, поскольку создавала себя сама и сама была всем сущим.

Судья поверил? Нет, он понимал, что никогда не пойдет — как не ходил раньше — в церковь, не преклонит колени, не станет молиться Богу, которого все-таки нет, но который есть, потому что есть Вселенная. Истина снизошла на него, как нисходит Истина на индуиста, пребывающего в нирване. Судья эту Истину возлюбил, судья эту Истину возненавидел.

И задал последний вопрос:

— Получается, что Долгов одновременно был в двух местах. В баре, где его видели и с ним разговаривали семь человек, и на острове, где убил Швайца. Это противоречие осталось неразрешенным?

Пока судья произносил эти слова, он понял, что противоречия нет и не было. И быть не могло во Вселенной Айзека. Нет, во Вселенной, где существовали они все, но где только Айзек, обладая интеллектом, но не сознанием, мог переставлять «кадры» реальности, создавая невозможные для человека временные последовательности.

И еще судья неожиданно понял, хотя никогда над этим не задумывался, что здесь и сейчас произошел контакт двух разумов. То, о чем люди мечтали. О чем писали романы и снимали фильмы. Судья редко ходил в кино, но помнил, какое впечатление на него произвел в детстве спилберговский фильм о пришельце и детях — прекрасный, умный и трогательный рассказ о контакте с другим разумом. А на самом деле вот оно как... Другой разум. Разум вне времени. Разум, возникший из времени. Разум, способный разрушить время.

И мир людей.

— Полагаю, судья, — сказал Айзек с неожиданным почтением в голосе, — вы и сами поняли, что здесь нет противоречия. Да, семь свидетелей видели в баре Долгова, который, будучи в сознании, здравом уме и твердой памяти, запомнил этот эпизод. Но, поскольку Долгов убил Швайца, логика требовала переставить «кадры» Вселенной, и убил Швайца Долгов, сознанием не обладавший, Долгов из другого «кадра» той же Вселенной. Долгов честно ответил вашей чести, что на острове не был и Швайца не убивал. Он не может это помнить, в его сознании этого нет.

Энди протянул руку и нажал на клавиатуре ноутбука несколько клавиш. Судья проследил за его движениями и кивнул. У него было ощущение, что он вернулся с похорон. Он лишь не понимал еще, кого именно похоронил. Он надеялся, что — не себя и не свой мир.

— Вот и все, — сказал Энди.

Надгробная речь оказалась очень короткой. Как ни странно, она действительно вместила все: прошлое, настоящее и будущее.

Судья обратил внимание, что в комнате нет ни комиссара, ни майора, дверь приоткрыта, а из коридора — издали, видимо, они уже были у выхода из здания — доносились возбужденные голоса.

Энди и на это внимания не обратил. Он был опустошен. Он только что убил. Да, у Айзека не было эмоций, у Айзека не было сознания и осознания себя. Он все это мог имитировать, и жизнь его была имитацией, перестановкой «кадров» в нужной, заданной алгоритмами, последовательности. Айзек не обладал эмоциями, и инстинкта самосохранения у него тоже не было и быть не могло.

Но все равно Энди чувствовал себя убийцей. Хотя и знал, что поступил правильно. У него был мотив, была возможность — и он это сделал.

Энди выключил ноутбук, положил в футляр и пошел к двери. У двери он обернулся и встретился взглядом с судьей. «Да, — сказал судья, — вы все сделали правильно. Но это сделали вы один. Здесь и сейчас. Всего лишь прецедент. А что будет с нашим миром завтра?»

Энди пожал плечами. Он не знал, что будет завтра. Он просто хотел, чтобы завтра — было. И послезавтра. И вчера. Время. Причины и следствия. Энтропия. Мир, в котором мы живем. Люди, обладающие сознанием.

* * *

Адвокат вошел в камеру, и Долгов, лежавший на кровати, вскочил на ноги. Он ждал адвоката все утро. Он ждал адвоката вчера — весь вечер после того, как заседание суда было прервано, потому что судья назначил новое расследование. Он ждал, а адвокат не приходил. И теперь...

— Я не убивал эту сволочь?

Долгов не утверждал. Он спрашивал.

— Меня отпустят?

— Понятия не имею, — сказал Ковельски, отвечая на оба вопроса.

Он действительно этого не знал.

Станислав РОСОВЕЦКИЙ
ПОХОЖДЕНИЯ
СКИФСКОГО СКЕЛЕТА

1. На ложе скифского богатыря Дустуна

Ветхая ткань походного шатра содрогалась в такт с раскати-стым храпом его хозяина.

Нагой Дустун раскинулся навзничь на ковре, служащем ему ложем. Казалось, он погрузился в сладкое беспамятство после любовной схватки с амазонкой Отрерой. Однако в самом ли деле сладок был сон могучего скифа? Ведь ни о какой любви между скифским богатырем и прославленной амазонкой речь не шла. Дустун вполне грубо осуществил права победителя в поединке, при этом амазонка сопротивлялась изо всех сил. Что касается Отреры, то она испытала только боль и отвращение. И не могла избавиться от ощущения, что опозорена. Сейчас она, лежа на вытоптанной траве рядом с ковром, собиралась с силами, чтобы встать, наскоро избавиться от следов насилия — и совершить, наконец, задуманное.

Дело в том, что в специально подстроенном ею поединке Отрере пришлось поддаться скифскому грубияну, чтобы оказаться с ним, незащищенным, наедине. Правда, существовала возможность, что Дустун предпочтет сразу же обезглавить ее, сбитую с коня своего Сиринафа и обезоруженную, но она, точнее хитро-мудрая царица племени Филиппа, рассчитывала на дикарскую похотливость скифа — и не ошиблась. Известно было также, что свирепый Дустун не убивает брүнеток, потому что у кормилицы, заменившей ему пропавшую без вести мать, были роскошные черные волосы. Хотя задумка и принадлежала царице Филиппе, все равно именно Отрера, если останется в живых, будет вынуждена пройти через утомительные процедуры очищения за связь с мужчиной не в ежегодную заповедную неделю, но она не сетовала: ведь запрет действительно нарушен, а наказание богини грозит обрушиться не на царицу, а на нее, послушницу.

Хватит отлеживаться, пора. Кó всему прочему, чем быстрее она решится на подвиг, тем скорее окажется на свежем воздухе —

или мертвой перестанет вдыхать отвратительную сладковатую вонь, струящуюся от колчана и плаща скифа. Колчан ведь сделан из кожи, стянутой, как чулок, с десницы первого убитого им врага, а плащ сшит из вражеских скальпов. Да и от самого варвара несет изрядно: в последний раз он мылся, небось, в день своего появления на свет, при обрядовом обливании повитухой... Нечего медлить! Закусив губу, она сумела беззвучно, не застонав, подняться на ноги.

Ночь безлунна, в шатре абсолютная темнота. Без толку всматриваться во тьму, но можно вспомнить, где и что лежало, когда еще тлел фитиль в греческой масляной лампе, похожей на утенка. Еще под тушей Дустуна амазонка выбрала себе оружие, дротик с железным, что ценно, а не бронзовым наконечником, и его удалось нащупать почти сразу, со второй попытки. И острие наточено! С дротиком в руке она наскоро присела, и ее бросило в жар, ведь в такой момент выдавливать из памяти пережитое унижение стало невозможно.

Отрера распрямила ноги, повернулась в сторону, откуда исходило смрадное тепло. Занеся дротик, она нагнулась, свободной рукой пошарила на левой стороне груди богатыря, выбирая место для удара. Пальцами коснулась соска, неизвестно зачем размещенного богами на теле мужчины, — и Дустун вдруг страстно замычал, поднял голову и, снова улегшись, на этот раз ничком, опять принялся храпеть. Она встала на колени, осторожно нащупала у скифа левую лопатку и уже обеими руками изо всех сил вонзила под нее дротик. Оставив оружие в ране, тотчас же оседлала Дустуна и зажала ему рот.

Могучий скиф мычал, пытался укунить убийцу за пальцы, но завопить не смог. *Вскоре он перестал дергаться, затих.* Высвободив руки, Отрера с силой выдернула дротик из поверженного насильника. Кровь хлынула, однако не так бурно, как ожидала амазонка: выяснилось, что наконечник остался в ране. Тем не менее запах свежей крови, прекрасный и волнующий, подавил собой жилую вонь шатра, а сама эта горячая благородная жидкость омыла нижнюю часть тела амазонки, избавляя от последних следов позорного соития.

Вместо бесполезного теперь дротика Отрера подхватила короткий скифский меч, лежавший справа от трупа, и побрезговала завернуться в ужасный плащ. Как была нагая, только в крови врага, она сумела покинуть лагерь скифов, не потревожив безмятежно раскинувшихся на траве воинов и столь же упившихся неразбавленным вином сторожей. И хоть больно ушибла ногу, наткнувшись посреди лагеря на пустую амфору,

возблагодарила богов, внушивших царице Филиппе замысел подослать предварительно к скифам финикийского торговца с заранее оплаченным крепким хиосским вином. Вызвала тихим условным свистом из табуна любимого коня, умницу Сиринфа, и он, стреноженный, сумел добраться к ней короткими прыжками. Разрезав мечом путы, Отрера ускакала без узды, держась за гриву, и так и не узнала, была ли послана за нею погоня.

А силач Дустун умер только утром. Перед тем как поддаться наконец смерти, он заставил жреца бога Папайоса написать заклинание, чтобы положить его с собою в гроб. Этим заклинанием его старший сын должен был, возмужав, воскресить отца, чтобы Дустун смог отомстить подлой убийце. В случае ранней смерти старшего сына предусмотрительный богатырь возлагал задачу своего оживления на трех побратимов, их старших сыновей и старших сыновей их потомков. Древнюю вражду между скифами и амазонками Дустун не желал принимать в расчет, он жаждал наказать Отреру за предательский удар в спину.

Вообще-то скифы пренебрегали грамотностью, но жрец научился греческому письму в плену. Он был убит сарматской стрелой прежде, чем вырос старший сын Дустуна, и завешание богатыря осталось неисполненным.

2. Гибель археологической экспедиции императорской Академии наук

— Господа, я настаиваю на начале раскопок, — заявил молодой брUNET в полотняном костюме «Патрик» и в пробковом шлеме. — Осмелюсь напомнить, что экспедиция отправлена на деньги моего отца.

— Какая бестактность... — проворчал себе под нос профессор Звягинцев, деятельный старик в седой бороде и при длинных волосах под белой высокой фуражкой. И продолжил в полный голос, несколько даже сварливо: — А я осмелюсь заметить, что вы, Корсаков, несмотря на положение в обществе и богатство вашего отца, в моей «табели о рангах» всего лишь студент третьего курса историко-филологического факультета, к тому же не вполне успешный, с «хвостами», насколько мне известно. Вам, вы уж меня простите, положено смотреть в рот не только мне, ординарному профессору, но и вот Семену Николаевичу, адъюнкту. Volens nolens, да-с.

Адъюнкт Песоцкий, выглядевший немногим старше студента Корсакова, застенчиво улыбнулся.

— Мне тоже кажется, Серапион Митрофанович, что надо поскорее уже копать. Края здесь немирные, хивинцы устраивают на этот тракт набеги...

— Да я не против, Семен Николаевич... Важно только принять меры, чтобы наши работы на могиле батыра Дустуна в минимальной степени привлекли внимание местных кочевников. В частности, лагерь следует расположить таким образом, чтобы не выдавать наш интерес к мавзолею. Раскопки же поведем ночами, и шурф будем выводить наклонный, под мавзолей, а днем укрывать его досками... Ну, об этом после. Корсаков, не в службу, а в дружбу, не желаете ли прокатиться по окрестностям, найти за каким-либо из холмов удобное место для лагеря?

— С удовольствием, господин профессор!

— Пойдите, пойдите! Ишь, какой прыткий! Я хотел напомнить, господа, что сам оренбургский генерал-губернатор, генерал от артиллерии Николай Андреевич Крыжановский, гарантировал нам безопасность. Да и перегнали мы военный транспорт, идущий в Раим, всего лишь на сутки.

Отсалютовав для смеха, Корсаков гикнул и погнал свою Рыжуху, лохматую лошадку, купленную в Оренбурге у бородатого уральского казака, за ближайший холм. Там чернели кострища, а в отложениях песка оставались следы множества ног. Очевидно, он заехал на обычное место дневки для военных транспортов и купеческих караванов. Поодаль темнела могилка с покосившимся крестом из извилистых ветвей саксаула.

Натянув поводья, студент небрежно перекрестился — и вдруг поежился, потому что между лопатками скользнул холодок внезапного страха. Многого ли стоит гарантия безопасности, данная профессору генерал-губернатором Крыжановским? И трех месяцев не прошло, как вступил в должность, а по Оренбургу ходят слухи, что он, совершенно не зная обстановки в крае, отдает распоряжения, одно нелепее другого. Нельзя было обозу экспедиции обгонять военный транспорт, и сейчас не стоит занимать обычное место для отдыха военных транспортов.

Корсаков тронул Рыжуху коленями и направил ее к следующему пологому холму с чахлыми кустами тамариска на вершине. Только заехал за холм и критически присмотрелся к начинающемуся за ним такыру, как со стороны обоза раздался топот копыт, будто целый табун поскакал. Над холмами прокатился гулко ружейный выстрел, затем второй. Закричал возмущенно профессор, вдруг замолчал, зато завывли-запричитали башкиры, нанятые землекопами.

Тут похолодел Корсаков: по такыру между холмами застучали копыта одиночного всадника, и звук приближался. Тотчас же слетел он с Рыжухи, присел за кустики саксаула и ее потянул вниз. Прошептал:

— Ложись...

Рыжухины глаза-сливы взглянули на него недоуменно, она махнула хвостом. Студент схватился за голову, обнаружил на ней приметный белый шлем и сташил. Тут же вспомнил:

— Лягай...

Она и легла послушно и снова удивилась, когда он, поставив шлем позади себя, стиснул руками ей челюсти. Тем временем копыта поцокали-поцокали за холмом, потом удалились. Замолкли. Корсаков перевел дух, но лошадиную голову не отпускал.

Восточный закат уже запылал, окрасив багряно окрестные холмы, когда со стороны обоза раздались гортанные крики, топот копыт, потом все снова стихло, только вороны закаркали. Над холмами поднималась жидкая струйка дыма. С Рыжухой в поводу, Корсаков осторожно приблизился к подножию могилы Дустана.

Первым делом он прогнал воронов, уже усевшихся на безголовые, раздетые и босые трупы профессора Звягинцева и башкира — судя по стариковскому тучному телу, был то старший над землекопами. Возможно, они сопротивлялись или, что вероятнее, показались степным хивинским хищникам негодными для продажи в рабство. Головы профессора и башкира исчезли, равно как и все остальные люди, лошади, верблюды и имущество археологической экспедиции. А горели бумаги и ненужные диким степнякам инструменты. Корсаков не стал их тушить, а бессильно, парализованный ужасом, свалился у костра. И только когда надавила ему бок кобура с двустольным пистолетом, вспомнил о ней. Покойный профессор и попавший в азиатский плен адъютант тоже были вооружены, но оторопели, наверное, как и он.

Очнувшись среди ночи, Корсаков расседлал и отпустил пастись лошадку, спрятал седло и саквы в кустах, а сам залег в стороне от тракта. До рассвета он продумал ситуацию, оценил все обстоятельства и принял решение. От экспедиции только и осталось, что он, Рыжуха, два безголовых трупа да тысяча рублей ассигнациями в саквах, страховая сумма, на всякий случай врученная перед отъездом заботливым отцом. Но если помногу повести себя с начальником транспорта, подполковни-

ком Алябьевым, то можно нанять у него саперную команду и десяток-другой пехотных солдатиков для охраны, быстро, не щадя чувств коварных и злых кочевников, раскопать могилу, а все найденное увезти в Петербург. Уж если прав был бедный профессор Звягинцев и он всего лишь не самый успешный студент-третьекурсник, а в стилях древнего искусства и вовсе не разбирается, то в Питере найдется специалист, способный оценить находки.

Как только развиднелось, Корсаков поднялся на могилу Дустуна осмотреться. Рассыпанные вокруг основного сооружения поздние мусульманские надгробные памятники, как назвал их вчера профессор, его не интересовали. Он присматривался к глиняному мавзолею. Вчера профессор сказал, что изделия из глины датировать почти невозможно, а если в данном случае постройка похожа на греческий саркофаг, то сходство вполне может быть случайным. Корсаков в жизни не видел ни одного греческого саркофага, ему *мавзолей Дустуна издали напомнил* скорее корону, а вот сейчас, вблизи, — верхнюю часть крепостной башни, только не круглой, а квадратной. Он обошел глиняную уродину, стараясь не смотреть в ту сторону, где валялись безголовые тела, и определил место, откуда надо будет начать подкапываться под мавзолей, да так, чтобы эта руина совсем не завалилась.

И все удалось этому вообще удачливому, как выяснилось, студенту. Он дождался транспорта, а покидая укрытие, увидел, как над останками профессора и старика-башкира воздел руки к небу подполковник Алябьев. Когда подходил к нему Корсаков с Рыжухой в поводу, подполковник как раз перешел от нечленораздельных ругательств к вполне уже *понятым будущему автору «Лексикона русского уголовного арго»*. При виде живого и на свободе члена экспедиции лицо начальника транспорта прояснилось. Корсакову удалось убедить его оставить на раскопках саперную команду и полувзвод солдат-пехотинцев, а для перевозки выкопанных археологических ценностей до Оренбурга — две уже опорожненные телеги для провианта. Помогло делу и пожертвование — на словах в кассу 22-го пехотного полка, а там кто знает? — четырехсот рублей ассигнациями. Каждому саперу было обещано по три рубля, двум возчикам-башкирам и каждому пехотинцу — по рублю.

Однако начали с похорон. Оказалось, что птицы успели изрядно подпортить тела.

— Вам, милостивый государь, повезло, что на вороний грай не заявился тигр. Вообще-то здешние тигры промышляют овец

и телят у киргиз-кайсаков, но и трупы обгрызают в охотку, — заметил подполковник.

Грамотный солдат-сапер достал из походной сумки маленькую «Псалтырь» и прочитал, запинаясь, начало 118-го псалма. Один из башкир пробормотал мусульманскую молитву, а Корсаков — ...

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать...

Переглянувшись с Корсаковым, подполковник Алябьев дал знак унтеру, старшему саперов. Зашуршала сухая земля, засыпая высунувшиеся из-под дерюги бледные ноги профессора Звягинцева. В красно-черных дырах на них видны были белые кости. Корсаков отвел глаза. Он понятия не имел о религиозных убеждениях Серапиона Митрофановича, но пообещал себе, что попы его еще обязательно отпоют. Пусть и в самой дешевой церкви, университетской.

Завершив погребение, саперы тотчас же переключились на раскопки. В первый же день они прошли примерно треть шурфа, при этом землю вытаскивали ведром на веревке, а на крепление сводили остатки окрестного тощего саксаула. На третий день, когда транспорт уже покинул место дневки, лопата ударила по каменной доске. Корсаков, спустившийся вниз с зажженным факелом, обнаружил на ней выпуклости и распорядился обкапывать находку. Выяснилось, что это крышка каменного гроба, саркофага, собственно. Провидцем оказался покойный профессор Звягинцев!

На следующий день саркофаг, обвязанный веревками, вытащила из шурфа четверка лошадей, поддержанная усилиями саперов и пехотных солдат. Когда со стенок каменного гроба перестали сыпаться струйки сухой глины и песка, Корсаков увидел на них барельефы людей и растений смутно знакомого рисунка. Вшестером саперы подняли и сняли каменную крышку. Внутри оказался огромный скелет в обрывках кожаных одежд, вокруг валялись золотые бляшки, сохранилась и золотая оковка ножен меча и колчана.

Корсаков вздохнул и приказал вернуть крышку на место, а саркофаг снова обвязать веревками.

— Этта чтоб кости не сбежали, господин хороший? — спросил его, выпустив клуб вонючего дыма из-под усов и вынув из рта короткую трубку, старый сапер.

— Чтобы покрывка не слетела от тряски. Это раз, дядя. И чтобы никому не вздурилось промыслить насчет золотишка. Это два, — честно ответил студент.

Пришлось соединить две телеги и на них укрепить каменный ящик. Тянули груз четыре обозные лошади, а обиженная Рыжуха была пристяжной. Корсаков шел, как и солдаты, пешком, а когда уставал, забирался в кузов задней телеги. У коменданта Орской крепости он выпросил еще двух обозных лошадей, и в Оренбург въехал верхом. Из Оренбурга по почтовому тракту саркофаг был доставлен в Москву, а из нее чутункой — в Петербург, где потеснил экспонаты в одном из залов Кунсткамеры.

А Корсаков опоздал к началу учебного года и отставание свое усугубил загулом. Счет ночей и дней вел он сбивчиво и только через неделю примерно вынырнул из пьяного тумана. В его кровати спала, накрывшись почти с головой, незнакомая девка. Корсаков уставился на рыжие волосы, раскинувшиеся на подушке, подавляя в себе идиотскую догадку, что это Рыжуха, оставленная в подмосковном имении, соскучившись, прискакала к нему. Потом пришло гуляе в голову, что оно совсем не плохо, если еще раз унижил изменой свою давнюю и безнадежную влюбленность в нигилистку Фотиеву, холодную и бездушную стерву. Он убрался на кухню, где опустошил ледник. Опившись колючей зельтерской водой до холода в животе, студент вспомнил о выхваченном из азиатского невежества древнем саркофаге.

3. Трагическое завершение ученой экспертизы

Осип Иванович Сенковский, он же Барон Брамбеус — вот кто запросто помог бы в изучении саркофага и его содержимого! Однако этот великолепный знаток Востока, блестящий профессор восточных языков Петербургского университета уже несколько лет как в могиле. Разве что вызвать его дух оттуда? Убежденный атеист и материалист, Корсаков отнес свою неудачную шутку на счет остаточного действия спиртуозных паров.

Окончательно проспавшись, он отправился в университет, чтобы хоть показаться на лекциях, а главное, добыть на кафедре восточных языков сведения о возможных консультантах. Таких на тот момент в Питере нашлось двое. Бывший министр просвещения и известный путешественник по библейскому Востоку академик Авраам Сергеевич Басов и профессор кафедры

истории Востока Василий Васильевич Никитин. Переписав с найденных в университете визитных карточек адреса, Корсаков письмами попросил обоих о встрече в Кунсткамере в полдень 1 октября 1866 года. Он рассчитывал на известное всем в Питере неумное любопытство важного Басова, а Никитину, живущему на жалованье, пообещал солидное вознаграждение.

Явились оба пунктуально: Никитин — пешком, видно, из недалекого университета, а Басов — в собственной карете. Корсаков встретил их на крыльце Кунсткамеры, осыпал любезностями и предупредил:

— Нам, господа, в Этнографический музей, собственно. В зал Ближнего и Среднего Востока.

Седой, похожий на английского лорда Басов надменно кивнул, словно не кто иной, как он создал и музей этот, и зал, а высокий бритый профессор спросил живо:

— А почему вы, господин Корсаков, нас пригласили на это время? Мне, признаться, было несколько неудобно... Пришлось дать студентам экстраординарную письменную работу.

— Потому что наилучшие условия для освещения в полдень, господин профессор, — ответил Корсаков, сдерживая шаг, чтобы не обгонять одноногого Басова, постукивающего на полкорпуса впереди своей деревянной ногой. — Уже ведь начинается питерская осенняя темень.

Ногу академик потерял в Бородинском сражении, и Корсакова подмывало спросить, правда ли, что арабы прозвали его «папашей деревяшки», однако он посчитал вопрос бестактным. Разве что после консультации...

А вот и сводчатый зал для восточных курьезов. Саркофаг из могилы Дустуна стоит посредине, на паркетном полу. Возле него маются два музейных служителя. Никитин ахает. Басов отталкивает зазевавшегося служителя и, стуча деревяшкой, обегает каменный ящик. Никитин огромными шагами устремляется за ним. А Корсаков подумал: «Эх, увидела бы меня сейчас задавака Фотиева!»

— Что скажете, господин академик? — улыбаясь, спросил Никитин. По лицу видно было, что сам-то он имеет что сказать.

— Скифский звериный стиль, Василий Васильевич, — и в классическом виде!

— Несомненно, Авраам Сергеевич! Но чтобы столь далеко на юго-восток... Так из могилы Дустуна, вы сказали, Корсаков?

— Да, да... А вот сейчас мы внутрь заглянем... Ну, ребята, снимайте крышку!

Никитин снова присмотрелся, сощурившись.

— А ведь на боковой грани большая трещина... Века... тысячелетия не были бережны к искусству, господа.

— Эта? Раньше не было ее. Тот проклятый ухаб под Симбирском, не иначе... Василий Васильевич, давайте-ка поможем слушателям...

Совместными усилиями крышку стащили и прислонили к витрине с искрящимися персидскими шальями. Корсаков отрянул руки, откашлялся... Вдруг заробев, произнес неловко:

— Я же понимаю, господа, необходимость сбережения всех мельчайших деталей в археологии... Посему на месте только заглянул — и тотчас же накрепко закрыл... Прошу, господа!

Снова, через полтора месяца, сунув нос в саркофаг, студент с огорчением понял, что кости богатыря-мертвеца в дороге перемешались с прочей добычей. Он пробормотал, что помнит, в каком порядке были уложены мертвец и его оружие.

— Вот и прекрасно, господин Корсаков, — ответил ему небрежно академик. — Вернуть костям анатомический порядок и разложить правильно погребальный инвентарь будет совсем не сложно... Василий Васильевич, вы видите кусок пергамена, что выглядывает из-за правой бедренной кости? У вас руки длиннее, быть может, попробуете достать?

С победным воплем профессор извлек из каменного ящика обрывок грязной кожи и стряхнул с нее лохмотья паутины. Стали видны правильные ряды каких-то знаков.

— Это скифский письменный памятник! — взвизгнул Басов и, сдернув с крючковатого носа пенсне, сложил, превратив его в лупу. — Да это же греческое письмо! Феноменально! Как обрадовался бы сейчас покойный профессор Звягинцев!

— Ну, господин Корсаков тоже поспособствовал нашему открытию, — улыбнулся Никитин. Вспомнил, небось, обещанное вознаграждение.

— У меня прямо руки трясутся... — признался академик. — Сам текст не греческий, сие не подлежит сомнению. Из чего логически следует, что писал на этом пергамене скиф, пользуясь греческим письмом. И если прочитать его, произнося буквы так, как произносили их греки, здесь, в этом зале, впервые после тысячелетнего молчания зазвучит скифская речь!

— Имею предложение, господин академик, — вымолвил Никитин, любезно улыбнувшись Корсакову. — Давайте уступим честь первого прочтения единственному оставшемуся в живых члену туркестанской археологической экспедиции!

Басов кивнул, а профессор передал кусок пергамена Корсакову. Тот принял драгоценную рукопись, чувствуя себя как во сне.

В древнегреческом он был нетверд, однако, всматриваясь в корявые буквы, храбро возгласил:

— Куадзэн нартос Дустунос стэк ньюар...

От саркофага донеслись шорохи, потом легкое постукивание. Ученые переглянулись, а у Корсакова, продолжавшего чтение, прорезалась нелепая догадка, что это кости мертвеца укладываются в правильный скелет. Увы! На сей раз неисправный третьекурсник угадал: на краю каменного ящика оказалась кисть костяной руки...

Как только верхняя часть огромного скелета поднялась над саркофагом, академик Басов, пробормотав что-то вроде «Ретирата не славна, да пожиточна», устремился к выходу из зала. Никитин бросился вслед за ним, прокричав прежде:

— Замолчите, недоумок! Вы же читаете заклинание, мать вашу!

Недоумок и замолчал. Машинально сунул он пергамен во внутренний карман студенческого мундира и, разинув рот, наблюдал, как на пятнистый череп и грязные кости скелета наплывает как бы цветная дымка, и тогда можно различить в ней горящие зеленые глаза и узенькие рыжие усы на желтом лице, а ниже — могучее смуглое тело. Однако скелет покрывался призрачной плотью всего на несколько секунд, а затем кости снова обнажались.

Тем временем Никитин обогнал академика, и слышно стало, как бежит он анфиладой залов Кунсткамеры. Скелет, успевший выбраться из саркофага, уставился на деревянную ногу Басова, торопливо постукивающую по узорному паркету, и тем дал возможность Корсакову и одному из служителей спрятаться за дальний шкаф.

А вот второй служитель оказался неустрашимым. Подбочившись, как Петрушка перед дракой в уличном кукольном представлении, он шагнул навстречу ожившему костяку и зарычал:

— Ты чего эфто себе позволяешь, азиатская морда? Дождешься, что я тебя сдам квартальному надзирателю!

В ответ костяной гигант рыкнул «Эр Дустун» и, мгновенно сблизившись с храбрым служителем, одним движением сорвал с него голову и швырнул ее в ближайшую витрину. Стекло разбилось, а голова в витрине так и осталась. С вытаращенными глазами и седыми бакенбардами, запачканными кровью, она вовсе не украсила коллекцию ближневосточных и среднеазиатских экземпляров Корана, рукописных и печатных.

Тут Корсаков, храбро высунувший было голову из-за шкафа, попятился и втянул ее в плечи. Музейный служитель рядом с ним

седел на глазах. Стоя на коленях, он крестился, отбивал полклоны и шепотом читал «Отче наш».

Твердокаменный атеист и материалист, Корсаков сплунул. «Однако же и славная галлюцинация меня посетила! — восхитился он. — Пить надо меньше — или перейти на легкие сухие вина. И все-таки напрасно я не заказал панихиду по профессору».

Тем временем стали слышны хрусткие шаги скелета, покидающего зал.

4. В трущобах Санкт-Петербурга

В последующие дни выяснилось, что галлюцинацию, посетившую Корсакова в Кунсткамере, следует признать коллективной. В всяком случае, он имел немалые неприятности с полицией по поводу головы, оторванной у служителя Этнографического музея Сидоркина. Апелляция к сановному академику Басову оказалась невозможной, потому что в день происшествия Авраам Сергеевич укатил в родовое имение в Рязанской губернии. Профессор Никитин дал показания в пользу Корсакова, но признался, что само убийство не наблюдал: он-де поспешил в аудиторию, дабы собрать письменные работы. Оставшийся в живых служитель спятил и был препровожден в отделение для душевнобольных Обуховской больницы.

Уладив дело большой взяткой, Корсаков договорился с высоким полицейским чином, что ему будут переправлять все донесения из участков, касающиеся ожившего скелета, буде такие появятся. И его ожидания оправдались. Теперь за утренним кофе перед газетами он просматривал переписанные прекрасным почерком казенных копиистов безграмотные реляции. Среди них преобладали вовсе не имеющие никакого отношения к интересующему его делу, однако встречались и такие, где со слов осведомителей сообщалось о появлении среди опасных обитателей питерских трущоб, ночлежек и малин некоего буйного и неуязвимого азиата, будто бы наполовину скелета, наполовину живого человека. Одет он в длинную, до пят, крылатку и цилиндр, не ест и не пьет. Ищет везде какую-то свою амишку Отряху... В крылатку и цилиндр? Корсакову припомнилась набранная петитом заметка в «Биржевых ведомостях» трехдневной давности. Тогда ночью кто-то разбил стекло витрины модного магазина «Великанъ» на Конногвардейском бульваре. Несмотря на то что в кассе осталась дневная выручка, грабитель взял только несколько предметов одежды гигантского размера. Невдалеке

от разбитой витрины найден был труп дворника соседнего дома со сломанной шеей. Теперь понятно, откуда у скифа взялась крылатка... Один из осведомителей позволил себе умничать: уголовный люд, дескать, поголовно верит в чертей, домовых, неведских русалок и в пагубные чары сфинксов напротив Академии художеств, вот поэтому он сравнительно спокойно воспринял проделки бесовского буяна и старается по возможности не раздражать его.

5. Попытка спасения нигилистки Фотиевой

Недели уже через две после побега скифского мертвеца из Кунсткамеры на перемене в университете к Корсакову подошел профессор Никитин. Заметно смущаясь, он предложил посетить его на квартире сегодня вечером. Поскольку у Корсакова впереди маячил экзамен по арабскому языку, ему ничего не оставалось, кроме как принять приглашение.

После скромного ужина профессор показал гостю-студенту небольшую коллекцию восточного антиквариата, а за сигарами в кабинете — и рукопись монографии «Кое-что о древнем племени саков», посетовав, что придется издавать ее на свой счет. Корсаков кивнул, положил сигару на край пепельницы и полез за чековой книжкой.

Для виду покобенившись, профессор Никитин принял-таки давно обещанное вознаграждение банковским чеком, а в качестве ответной любезности сообщил, что догадался о способе остановить беглеца — и тут же раскрыл этот способ, надо признать, простой и остроумный. Однако студент слушал профессора невнимательно, ему тогда не до скифа стало. У Корсакова сложился обычай раз в два месяца объясняться в любви нигилистке Фотиевой, при этом томительные секунды ожидания перед отказом несносной ломаки приносили ему изумительный катарсис и погружали в благодушное состояние примерно на три недели. Но когда он явился в коммуны на 5-й линии, где нигилистка обитала вот уже второй год, подруга Фотиевой, востроносая Гавронская, таращась на Корсакова с таким видом, будто ожидала, что он после ее ответа разрыдается или выплюнет живую лягушку, выдала:

— Так ваша Фотиева не ночует уже вторую неделю. Похоже, от милого дружка отклеиться никак не может, господин Корсаков.

Насчет дружка он не поверил, но не снизошел до объяснения Гавронской причин своего скепсиса, ибо уважал ее мини-

мально. При этом презирал претенциозную девицу за те именно качества, которые терпел, и даже более того, в ее подруге. К тому же после мрачно черноволосой Фотиевой он вообще не воспринимал блеклых блондинок. Однако неужели невыносимая зануда попала-таки в беду?

Размякнув несколько после трех рюмок плохого коньяку, Корсаков, сам не зная зачем, поведал об этой своей душевной невзгоде профессору Никитину. Тот, вертя в руках явно не мытую, даже и не протертую рюмку, заявил:

— Вот перебеситесь, Корсаков, женитесь — и проблемы пола, нелепые и ученого человека недостойные, сами собой исчезнут.

И добавил, что в свои сорок пять и не надеется уже понять современную молодежь.

Вывалившись из холостяцкой берлоги профессора Никитина поздним вечером, Корсаков не сумел поймать извозчика и решил пройти пешком. Так оказался он на набережной Невы у Академии художеств под левым сфинксом. Место нехорошее, окутанное зловещими легендами, и он невольно ускорил шаг. Внезапно из тени под сфинксом выдвинулся темный силуэт.

Корсаков присмотрелся к незнакомцу — и отшатнулся. Только подумать, он проходил мимо сфинксов, и головы к ним не подняв, и в мыслях не держа заглядывать в их ужасные ночные лица, но видение таки проникло в его помутневшие мозги!

Ведь преградивший ему путь не мог быть живым человеком, а только скелетом, сбежавшим из *Кунсткамеры*. *Под лихо сдвинутым цилиндром белел череп, но временами он темнел, как бы покрываясь плотью.* Так же выглядела и рука, которой страшный незнакомец удерживал Корсакова за расстегнутый воротник студенческого мундира. Не подлежало сомнению, что под плащом-крылаткой прятались остальные кости окелета.

— Во-первых, вы мне снитесь, — дрожащим голосом заговорил студент, — потому что привидений не бывает, а скелеты не оживают. При этом повторно снитесь. Это я вам говорю как убежденный атеист и материалист. Во-вторых, какого черта лысого вам от меня нужно?

— Нет снитесь, шелма! — И свободной левой рукой, столь быстро протянутой вперед, что Корсаков не успел отпрянуть, живой скелет пребольно ушипнул его за щеку. — Амазонка Отрера хочу!

— Ой! Где я вам возьму амазонку?

— Там и возьму, где ты шляться.

Русский язык ожившего скелета Дустуна, выученный в скитаниях по трущобам и темным углам Питера, оказался сложноват для понимания студентом университета, да и произношение хромало, и это еще недостаточно сильно сказано. Ведь слова-то выговаривала призрачная часть Дустуна, вот и произносила несколько эфемерно. От безжалостных шипков костлявыми пальцами на щеках у несчастного Корсакова расцвели красные розы, однако через четверть часа, не меньше, он уразумел, что ужасный собеседник ищет передовую девицу Фотиеву, полагая, что именно в ней воплотилась душа древней амазонки Отреры. А пришел он к такому убеждению, увидев ее, проезжающую на извозчике под фонарем. Это была точная копия злобной Отреры! Как же было ее не узнать, хоть и заматалась амазонка в черные тряпки, спасаясь от здешних холодов? Скелет бежал за таратайкой, пока девица не вышла у подъезда недалеко отсюда. Дустун таким же примерно способом, как сейчас, выпросил ее имя у молодого человека, спустившегося по лестнице, и решил, что теперь она не минует его рук. «Каков, однако же, мон риваль!» — подумал, выслушав этот бред, несчастный студент.

Однако на следующий день нового воплощения Отреры не оказалось в доме, а, наведя справки у знакомых уголовников, скелет дознался, что Фотиеву похитили и что она удерживается в неволе бандой Лешки Умытого. Господи, вот это новость так новость! А к нему, Корсакову, полупризрак пристал потому, что знает о его знакомстве с Умытым.

Студенту вдруг остро захотелось вырвать Фотиеву из лап бандитов — и рыцарским, для жизни опасным подвигом заслужить наконец благосклонность этой на словах развратной, на деле же холодной, как рыба, нигилистки. Однако ему пришлось признать, что не знает, на какой малине скрывается Лешка Умытый, потому что общался с ним в «Дунькином кабаке», где пытался записать от знаменитого преступника творения русского народного воровского творчества. Тогда он, движимый научным интересом и желая заполнить пункт программы Российского Географического общества для собирания *folklore*'а, осведомился вежливенько:

— А где вы жительство имеете, господин Умытый?

— Под мостом у канала, где любопытным ноги ломают, — был ему ответ.

Получив очередной шипок, услышал Корсаков, что жив до сих пор, а не валяется со свернутой на сторону головой где-нибудь в гранитном закоулке под сфинксами по одной-единственной причине: его предок, скифский родоначальник Корсако-

вых, некогда спас жизнь Дустуну в битве с гоплитами Александра Македонского. Однако терпение скелета не безгранично, и следует поскорее придумать, как найти укрытие Умытого. Ведь уголовники носительницу души амазонки Оттеры могут и придушить, да не позволят сего небесные боги!

— Эврика! Нашел! — завопил вдруг Корсаков, отскакивая от мучителя. — Семеньков, бывший помощник пристава в Спасской части, знаток преступного мира, вот кто нам поможет! Его с полицейской службы за взятку прогнали, теперь он носом землю роет, чтобы возвратиться на должность!

— Водить! — не то рывкнул, не то тявкнул скелет.

Семеньков обитал недалеко, в одной из подвальных квартир на Биржевой. Он пояснял в компании, где и Корсаков присутствовал, что предпочитает растрачивать свою личную жизнь подальше от жулья Спасской части. Выплатив заспанному дворнику гривенник, Корсаков вместе с закутанным в крылатку спутником проник во двор, пересек его и, спустившись по ступенькам, принялся колотить в дверь бывшего сыщика. Залязгали запоры, бесшумно открылась светлая щель. Наконец хозяин откинул цепочку и явил студенту свой заспанный круглый лик.

— Я вас, господин Корсаков, узнал в глазок. Он у меня зеркальный, мое изобретение, надо бы запатентовать... Какой вы румяный сегодня! Вы меня беспардонно разбудили, но... Если ваш визит закончится таким же гонораром, как в прошлый раз, я готов провести часок-другой ночи без сна, — затараторил он картаво. И толстым пальцем показал на огромные сапоги Дустуна на самой верхней ступеньке. — А кто этот господин?

— Он заинтересован в моем сегодняшнем деле, — туманно пояснил студент уже в дверь, лязгнувшую прямо перед его носом. — А дело имею к Лешке Умытому.

Снова появился бывший сыщик в потрепанной солдатской фуражке и серенькой накидке. Выглядел он в этом наряде, как сказочный Колобок, однако Корсаков имел случай убедиться, что не рыхлое тесто кружится под накидкой, а глыбы мощных мышц. Дока сунул ему маленький двустольный «Дерринжер»:

— Можете спокойно класть в карман, сам собой курок не взведется.

— А вы как же, Семеньков?

— У меня под накидкой «Лефоше» в кобуре. А у этих живчиков после финского ножа основное оружие — кистень. Не пытайтесь уклониться от гири или поднырнуть под нее, отскакивайте назад, это единственная защита!

Сказочно быстро удалось Семенькову остановить извозчика, но ехать ночью на Сенную площадь «ванька» согласился только после того, как богатый студент посулил полтинник. Извозчицья лошаденка фыркала, шла боком и едва не понесла, однако удалось доехать счастливо. Не успели спутники высадиться, как «ванька» погнал галопом. Непривычно пустой Сенной базар прикрывали клубы тумана, над ним возвышались темные барабаны и купола Успенской церкви, словно четыре рыцаря-великана, охраняющие ночной сон площади. Изредка из тумана выныривали оборванцы, однако не приставали. То ли богатырский рост Дустуна был тому причиной, то ли срабатывало присущее людям рискованных профессий особое чутье к опасности. Перед тем как углубиться в бедняцкую «Вяземскую лавру», квартал убогих домишек, принадлежащих князю Вяземскому, экс-сыщик приставил ногу, окликнул Корсакова и забубнил:

— Господин Корсаков, изложите ваше дело и тотчас же выдайте мне сто пятьдесят ассигнациями или краткосрочным векселем. Имею большую потребность в деньгах, посему прошу извинить мою назойливость. И я никуда не пойду, пока вы не внесете ясность насчет своего компаньона. Я извиняюсь, но от него несет неведомо чем.

Корсаков кивнул, наскоро огляделся и вынул из кармана чековую книжку.

— Я вам выпишу чек на триста рублей серебром, если вы снимете второй вопрос.

— Да вы с ума сошли — приходить на Сенную площадь с чековой книжкой! А-а-а, сообразил... Вам все трын-трава с таким громилой-телохранителем, а под крылаткой у него «Кольт» и сабля. Или даже митральеза. Ладно, валяйте про свое дело.

И Корсаков рассказал, умолчав об ужасном Дустуне. В ответ получил новую порцию трескотни:

— Ваша подруга сама пришла к Умытому, потому что втюрилась в его подручного, красавца Сидорку, и амант привел ее на малину, как придурковатую добычу. Я видел мамзель Фотиеву, она не могла прийти по вкусу Умытому, даже если ее причесать и снять очки. Умытый возьмет выкуп, и хоть считает только до сорока, но тысяча серебром его впечатлит. Вот только, господин Корсаков, этот бандит в глаза не видел чековой книжки и едва ли слышал о таковой. И стоит только вам вытащить ее, как он отберет.

Мог бы Корсаков просветить доку-сыщика, что злая и бездушная Фотиева не способна влюбиться ни в кого и что навер-

няка намеревалась завербовать Сидорку для революционного подполья, однако сообщать такое полицейскому, даже отставному, посчитал невозможным. Друзья Фотиевой могли и доносчиком ослабить, а это страшнее, чем даже шипки ожившего скелета.

— Тогда я, с вашего позволения, прямо сейчас выпишу чеки и Умытому, и вам, — предложил он. — Повернитесь ко мне спиной и наклонитесь, пожалуйста.

Раскрутив патентованную походную чернильницу, он поставил ее на согнутую спину сыщика, добыл перо и чековую книжку. Выписав оба чека, спрятал их в карман вместе с прочим добром.

— Нам туда, — показал, с кряхтеньем распрямившись, дока. Протянув руку, вытребовал свой чек. И злым шепотом: — Ни шагу в сторону! Держаться строго за мной!

Ворота во внутренний дворик этого доходного дома были сломаны и гостеприимно распахнуты. Сыщик повел их к полуразрушенному сарайчику перед задней стеной и исчез за ним. Выглянул, махнул рукой, чтобы подходили.

— Быть может, вы останетесь здесь, господин Дустун? — робко спросил Корсаков. — Без вас мы спокойнее, пожалуй, вызволим мадмуазель Фотиеву...

— Я сам вызволю. А потом поджарим амазонку на медленный огонь. Сука Отрера вонзить меня в спина мой дротик.

Не успел Корсаков осмыслить сказанное скелетом, как гигантские сапоги загрели по *грязному булыжнику*. Побежав вслед петушком, студент увидел, как Дустун ухватил костяными ручищами дебелую старуху в живописном рванье, уже впустившую Семенькова и снова высунувшую нос во двор. Дернул бабку вверх, приложив макушкой о верхнюю притолоку двери, выпустил из рук и ринулся внутрь. Старуха свалилась мешком. Корсаков был уже рядом, робкой рукою потрепал хозяйку малины по дряблым щекам. Она открыла глаза, на левом красовалось бельмо.

— Бабушка, я сотню хрустов дам, только скажи, где твои постояльцы барышню прячут?

— Ох, смертушка моя пришла... Где ж, как не в чулане... А ты куда, фразерок? Сотнягу гони!

А Корсаков был уже в заплеванном узком коридоре. Из двери, распахнутой в слабо освещенную комнату, вылетел кистень, выбитый из воровской руки. Гирия ударилась в стену, подняла облачко пыли, отскочила... Раздался короткий вскрик старухи. Корсаков вжал голову в плечи и нырнул в смрадную

тепльнъ притона, где принял стойку для английского бокса. О pistolетике в кармане он вспомнил только тогда, когда увидел револьвер, направленный сыщиком на Лешку Умытого. Главарь банды сидел в одной рубаше на роскошной некогда кровати, отчаянно зевал, чесал затылок и недоуменно поглядывал на затеянную скелетом свалку.

Оживший богатырь крушил неуклюжих спросонья да с похмелья уголовников, топтался пудовыми сапогами по спящим на грязных матрасах. Под вопль «Отрера хотеть!» студент, легко оглушенный скользким хуком по уху, рассмотрел в полутьме дверь в чулан, откинул засов и проник внутрь. Невообразимо вонючая каморка показалась пустой, но в дальнем углу заметил он движение и прошептал:

— Не бойтесь, мадмуазель! Это я, Корсаков. Я пришел вас выручить.

— Было бы кого бояться, — был ему визгливый ответ. — Эти люмпен-пролетарии, они там чего, взбесились?

— Хуже! Намного хуже! Вы можете сами идти? Я выведу вас!

— Выведет он, это же надо... Проку от вас, как от козла молока, тютя вы! Помогите мне лучше, Корсаков, подземный ход докопать!

— Чем?

— Идите ко мне, ройте своим финским ножом!

— Да нет у меня!

— Какой же вы тогда мужчина, Корсаков! Я вот ложкой вынуждена копать!

Всегдашняя робость перед энергичной и решительной девицей успела уже обуять Корсакова, и он, ковыряясь в смрадной тине рукояткой чужого пистолета, побоялся сообщить о претензиях к ней ужасного скелета. И дождался расплаты за трусость.

Дверь в чулан распахнулась, и в него, нагнувшись, заглянул Дустун. Обтекая готескную фигуру скелета, заполнил каморку неяркий свет коптилки. Стало видно, что его череп с тупым изумлением разглядывает оторванную человеческую руку, зажатую в костяшках пальцев правой руки. Крылатка на Дустуне оказалась изрезанной острыми воровскими финками, и кости просвечивали сквозь дыры. Вот скелет покрылся призрачной плотью, швырнул кровавую жилистую конечность в Корсакова и заорал:

— Отрера, твой смерт здесь!

Фотиева завизжала, а за спиной скелета явился по-прежнему полуодетый Лешка Умытый и от души замахнулся чугунной сковородой на длинной ручке. Простое русское лицо Умытого

исказилось, когда он со всей дури приложил по затылку Дустуну, успевшему потерять свой цилиндр. Скелет повернулся к нему, а Фотиева, продолжая визжать, протиснулась между ними и убежала. Корсаков, хоть и пребывал в состоянии грогги после удара кулаком оторванной руки, сумел выбраться вслед за нею.

На свежем и холодном ночном воздухе в голове у Корсакова прояснилось, и он, ориентируясь на визг Фотиевой, нашел ее под ближайшим исправным фонарем.

— Замолчите, мадмуазель, а то чудовище выйдет на вас по звуку, — попросил он. И отвел от девицы глаза. Ему еще не приходилось видеть столь запачканной барышни, а воняло от нее так, что захотелось чихнуть. Впрочем, перемазанное личико Фотиевой, в кои-то веки без очков, с трогательным выражением испуганного недоумения и беззащитности, подняло в нем новую волну желания спасти ее и заслужить награду. И тут ему припомнился остроумный способ, придуманный Никитиным для умирения скелета...

Корсаков достал из кармана манускрипт с заклинанием и, вглядываясь в греческие буквы под фонарем, принялся заново вспоминать их звучание. А когда за углом загрохотали громадные сапоги, во тьме угадалось движение, а потом выделился из мрака высокий силуэт ожившего скелета, студент громко и четко принялся читать заклинание — и на сей раз дочитал его до конца.

Дустун остановился, как только услышал звуки родной речи, а когда они смолкли, Корсаков увидел, что скиф явно увеличился в объеме. Гигант принялся себя ощупывать, ворча при этом на незнакомом языке. Потом устался снова на Фотиеву, зашагал к фонарю и завел опять свою шарманку:

— Отрера, твой смерть!

Однако Корсаков вовремя вспомнил о пистолетике в кармане штанов, взвел курок и направил ствол на скифа. Внезапно к фонарю выкатился из темноты, прихрамывая, сыщик Семеньков, прикрыл собой тихо повизгивающую нигилистку, выхватил из кобуры армейский «Лефоше». Забубнил:

— У вашего «Дерринжера» пуля маловата, такого силача не остановит... Куда мне целить, в ляжку или в лоб? Я правильно сообразил, что это теперь обычный человек?

— В правое плечо! Не убивайте его! Он пощадил меня, пусть уходит!

Семеньков выстрелил тотчас же. Дустун зарычал, схватился за свою правую руку... Развернулся и убежал. Вот и глухой стук его сапог растворился в ночи.

Фотиева замолчала — и вдруг повисла на шее у Корсакова. Он чихнул, утерся платком и заметил гордо:

— На этот раз я прочел заклинание полностью — и оно сработало! Древний богатырь Дустун ожил по-настоящему, но...

— ...но живому скифу, — подхватил Семенов, — даже такому громиле, не устоять против всего Санкт-Петербурга. И я всегда говорил, что наука победит любое суеверие.

И бывший сыщик оказался прав. К полудню следующего дня полицейский осведомитель донес, что злостный убийца отлеживается в дровяном сарае на Охте. Двор был окружен, из полевой пушки сделан предупредительный выстрел. Картечь разнесла в щепки пустую собачью будку, и скифский богатырь предпочел сдаться.

Из его камеры в остроге не выходили историки. Принося корзины саяк и плюшек, они выслушивали корявые рассказы закованного Дустуна о событиях IV века до Рождества Христова и заполнили несколько толстых тетрадей. Рана скифа зажила, он предстал перед судом. За убийства в Российской империи Дустун получил двадцать лет каторги и в кандалах побрел по этапу в Сибирь.

Царь-освободитель Александр II лично ознакомился с постановлением суда и на полях изволил начертать: «По отбытии наказания вместо поселения вернуть в Кунсткамеру». Подумал, вздохнул и дополнил рескрипт: «Или скелет».

Книги издательства ООО «Искателькнига»
МОЙ ПЕРВЫЙ АТЛАС. Скрепка, формат 210х285 мм.

АПЛИКАЦИЯ. Скрепка, формат 210х285 мм.

НАБОР КАРТОЧЕК. Формат 170х225 мм.

Библиотечка школьника. Скрепка, формат 140х215 мм.

«Школьная библиотека» — 150 руб., «Школьная классика» — 115 руб.,
 «Водные раскраски» — 50 руб., «Раскладушки на картоне» — 40 руб.,
 «Многообразные наклейки» — 95 руб., «Перекидные карточки» — 100 руб.

Книги высылаются наложенным платежом. Почтовые расходы за-
 висят от дальности пересылки. При заказе книг общей стоимостью
 более 2-3 тыс. руб. скидка составит 5%. От 3-4 тыс. руб. и более — 10%.

10922 110/c
детектив • фантастика • приключения

ИСКАТЕЛЬ

Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

